

*Музей-усадьба
Н.Г. Чернышевского*

**ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ**

*Музей-усадьба
Н.Г. Чернышевского*

***ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ***

**К 80-летию музея-усадьбы
Н.Г.Чернышевского**

**ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 3

Саратов 2002

ББК 83.3(235.54).16Чернышевский+63 3(235.54)47/5 8 Чернышевский
1181
УДК [9(470.44)+[882:069.02](470.44-25)](082)+929[Чернышевский+Порох]

Замысел, составление: Г.П.Муренина, А.С.Озерянский

Редакционная коллегия: А.А.Демченко - отв. редактор, Л.Л.Калинина,
Г.П.Муренина, А.С.Озерянский, И.В.Ткачева

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

В сборнике освещаются различные аспекты истории музея за прошедшие двадцать лет, касающиеся его научной, экспозиционной и культурно-просветительской деятельности

Публикуются сообщения, основанные на неизданных материалах музейного фонда, других архивов, а также статьи, затрагивающие широкий круг проблем истории и литературы XIX в. Представлены воспоминания о видном саратовском ученом и большом друге музея И.В. Порохе.

Для всех интересующихся биографией и творчеством Н.Г. Чернышевского и его современников, музейным делом, литературным краеведением

Государственный музей-усадьба Н.Г. Чернышевского

ISBN 5-8270-0271-2

Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 2002 г.

Сборник издан при содействии Саратовской областной нотариальной палаты

25 сентября 1920 года – день опубликования правительственного постановления, по которому находившийся в Саратове «музей имени Чернышевского» объявлялся «национальным достоянием». Спустя год (3 сентября 1921) музею присвоено наименование «Дом-музей Н.Г.Чернышевского». Ныне (с 1988 года) он является Государственным музеем-усадьбой Н.Г.Чернышевского (ГМУЧ).

За прошедшие 80 лет музей развился в значительное культурно-просветительское учреждение. Кропотливая собирательская работа укрепляла фонды и позволяла заметно обновлять литературные экспозиции, которые в единстве с мемориальным домом выполняли главное назначение музея – зримо представить современному посетителю облик писателя во всех многообразных жизненных, творческих проявлениях в пределах его эпохи.

Со временем концептуально менялось содержание литературных экспозиций, преодолевавших идею иллюстративности, когда факты биографии писателя субъективно истолковывались посредством насыщения музея рисунками и картинами советских художников. С 1967 года авторы, опираясь на экспонирование подлинных материалов (фотографии, книги, рукописи, документы, бытовые реалии), искали способы научной объективности в музейном повествовании о жизни и творчестве писателя-демократа. Современная экспозиция – целостный архитектурно-художественный комплекс, который предполагает синтез литературно-мемориальной выставки и воссозданной в своей исторической подлинности бытовой экспозиции мемориального дома и усадьбы семьи Чернышевских-Пыпиных.

Строительство экспозиций соединялось с глубоким научно-исследовательским освоением творческого наследия Чернышевского, и усилиями своих научных сотрудников музей заслужил авторитет российского центра по изучению писателя. В стенах музея создавалась «Летопись жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского» (1939, 1953), совместно с классическим университетом имени Н.Г.Чернышевского издаются межвузовские научные сборники «Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (1958, 1961, 1962, 1965, 1968, 1971, 1975, 1978, 1983, 1987, 1989, 1997, 1999). «Н.Г.Чернышевский. История, Философия. Литература» (1992, 1994). ежегодно проводятся (в последние годы на междуна-

родном уровне) научные чтения «Чернышевский и его эпоха», выпускаются путеводители, каталоги, сборники «Саратовские друзья Чернышевского» (1985), «Музейная педагогика» (1996, 1997, 1999), книги «Дорогие каждому места» (1979), «Беседы о прошлом (рассказы Е.Н.Пыпиной в записях Н.М.Чернышевской)» (1983), «Мои заметки» А.Н.Пыпина (1996).

Среди изданий и сборники «Пропагандист великого наследия» (1984, 1990) с материалами из истории музея, его фондов и архива.

Предлагаемый читателю сборник является продолжением этого издания. Постоянно пополняющиеся фондовые собрания, новые сведения из биографии Чернышевского, материалы эпохи, документы истории музея, его современного состояния и развития – таков основной музейный запасник, питающий содержание этого очередного сборника, который выходит с посвящением 80-летию со дня основания музея.

К истории музея

С.В.Клименко

О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ (ИТОГИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ В КАНУН НОВОГО ВЕКА)

Научная и научно-издательская деятельность в музее Н.Г.Чернышевского имеет давнюю традицию¹.

В последние два десятилетия XX века, насыщенные значительными для России событиями, жизнь музея и, в частности, его научная работа не могли остаться неизменными. В тишину музейных залов и хранилищ проникли веяния времени перемен, настойчиво заявила о себе необходимость совершенствования и изменения во всех сферах музейного бытия.

Более серьезной стала потребность научной подготовки музейных экспозиций, выставок, лекций и экскурсий. Расширился спектр видов и форм работы с посетителями. Постоянными экскурсантами

музея стали дети дошкольного и младшего школьного возраста, контакты с которыми потребовали специальной подготовки научно-методического характера.

Канун нового, гуманитарного, века заставляет многое пересмотреть и преобразовать.

Главной особенностью музейной жизни в это время становится потребность полной достоверности – научной, исторической, бытовой. Это ощущалось почти всеми музейными работниками, перед которыми была поставлена задача реэкспозиции только что появившихся, еще новых, экспозиций.

В 1980-е годы в музее Н.Г.Чернышевского началась подготовка двух экспозиций. Теоретическое, исследовательское направление стало главным в работе коллектива авторов, решавших задачу научного проектирования литературно-монографической экспозиции и мемориально-бытовой экспозиции в доме Чернышевских².

«Отечества достойный сын» – эта строка из стихотворения Н.А.Некрасова «Поэт и гражданин», ставшая названием стационарной историко-литературной экспозиции (открытой весной 1988 года в специально построенном музейном здании) – определила ее идею и пафос.

Рассказ о Н.Г.Чернышевском основан здесь на составе экспонатуры и разделах тематико-экспозиционного плана, предусматривавшего обширный исторический фон для повествования о личности писателя, публициста, радикального мыслителя и о его эпохе, насыщенной событиями, отчасти перекликающимися с перестроечными временами в России, наступившими в середине 1980-х годов. Главной особенностью новой экспозиции стал количественный и качественный состав экспонатов, дающий возможность широкого знакомства с эпохой Александра II от начала царствования до его убийства (народниками-террористами) в 1881 году. Кроме обзорной экскурсии о личности и судьбе Н.Г.Чернышевского, теоретический замысел экспозиции предусматривал несколько тематических экскурсий, таких как «Чернышевский и общественное движение в России 2-й пол. XIX века», «Семья Чернышевских как новый тип семейных отношений в России XIX века», «Журнал «Современник» и особенности журнальной публицистики в 1850-е годы», «Народничество в России второй половины XIX века». Пятнадцать лет работы литературной экспозиции доказывают оправданность и современность ее основной идеи и художественного решения,

предложенного группой художников-дизайнеров из Санкт-Петербурга.

В 1985 году была начата научно-теоретическая подготовка ре-экспозиции мемориально-бытовой экспозиции «Н.Г.Чернышевский в Саратове. 1828-1853 гг.» Одновременно с разработкой концепции и тематико-экспозиционного плана специалистами, архитекторами-реставраторами, проводились натурные и научно-теоретические исследовательские работы для подготовки проекта реставрации мемориального дома Чернышевских. Основным требованием реставраторов и музейных сотрудников становится принцип исторической достоверности всех архитектурных и экспозиционных решений. Одним из результатов подготовительной работы был ряд сообщений, сделанных на различных научных и научно-практических конференциях и семинарах в Нижнем Новгороде (музей Н.А.Добролюбова), Карабихе (музей Н.А.Некрасова) и Саратове - в музеях Н.Г.Чернышевского, художественном имени А.Н.Радищева и краеведческом. По итогам этих выступлений опубликован ряд статей³.

Примечательной особенностью музейной жизни двух последних десятилетий стали ежегодные чтения «Н.Г.Чернышевский и его эпоха», которые музей проводит совместно с СГУ, СПИ и другими вузами в дни памяти Н.Г.Чернышевского, начиная с 1978 года.

В 1980-е годы чтения стали Всесоюзными (в 1990-е - Всероссийскими), а с конца 1990-х - международными. По результатам конференций издаются выпуски межвузовских научных сборников «Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», «Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература». Чернышевские научные чтения объединяют ученых разных отраслей знаний, занимающихся изучением России XIX века, ее культуры, экономики, литературы, политики, социологии и психологии. Круг проблем, обсуждаемых участниками конференций, давно вышел за рамки биографии и творчества Н.Г.Чернышевского, его соратников и единомышленников. Темы многих выступлений связаны с известными и малоизвестными именами различных литераторов, политиков, философов, экономистов и общественных деятелей XIX в. вне зависимости от их классовой и политической принадлежности. Чтения предлагают к обсуждению разнообразные темы: «Н.Г.Чернышевский в контексте истории, общественного движения, философии, экономики, художественной словесности, публи-

цистики и культуры России XIX-XX вв.». «Проблемы изучения творчества русских писателей», «Жизнь и деятельность русских гуманитариев XIX-XX веков». Особенно насыщенными были чтения, совпадавшие с юбилеями Н.Г.Чернышевского, А.Н.Пыпина, СГУ, ГМУЧа, саратовских ученых – филологов и историков, оставивших заметный след в истории гуманитарной науки: А.П.Скафтымова, Ю.Г.Оксмана, Е.А.Покусаева, Г.Н.Антоновой. Вместе с саратовцами в чтениях участвуют ученые из Волгограда, Самары, Казани, Нижнего Новгорода, Коломны, Москвы, Петербурга, Иванова, городов нашей области.

Следует заметить, что музей всегда ориентировался на новейшие достижения исторической, филологической и философской науки, стремясь к научности и объективности во всех видах и формах своей деятельности. Однако, академическая наука, приобретая в музее прикладной характер, не должна вульгаризироваться, превращаться в набор стереотипных суждений.

Коренные изменения жизни советского общества середины 1980-х годов заявили о себе в деятельности научных учреждений и в исследованиях ученых-гуманитариев. Отголоски научных дискуссий и идейных споров о проблемах и оценках всех периодов освободительного движения в России в XIX веке и о его деятелях присутствуют в статьях историков, философов и филологов, написанных в 1980-е годы на основе сообщений и докладов, сделанных на Чернышевских чтениях в описываемый период.

О переоценке некоторых положений в науке о Н.Г.Чернышевском, ранее казавшихся бесспорными, свидетельствуют содержание и постановка проблем в работах участников чтений: «Программа Н.Г.Чернышевского по преобразованию России» (В.Ф.Антонов); «Проблема исторического прогресса в литературно-критических и социальных воззрениях Чернышевского» (Г.В.Макаровская); «Концепция «искренности в критике» и марксистская эстетика 1920-х годов» (Е.Г.Елина); «Проблема человека в философии Н.Г.Чернышевского» (Я.Ф.Аскин, Р.Е.Миронова); «Чернышевский в советской историографии 1930-1950-х годов» (В.А.Твардовская)⁴ и многие другие.

Новаторской постановкой проблем в особенности отличались чтения 1989 года, посвященные 100-летию памяти Н.Г.Чернышевского. Они были и самыми многочисленными по составу участников и слушателей. В работе трех секций истории,

философии и литературоведения приняли участие более семидесяти представителей российской науки. Философы дискутировали о проблемах антропологизма, гуманизма, антропологического материализма и современного марксизма. Интерес аудитории вызвали выступления Я.Ф.Аскина (г.Саратов), Н.С.Федоркина (г.Москва), Н.И.Бочкарева (г.Москва). Актуально звучали такие темы, как «Идея морального обновления у Н.Г.Чернышевского» (Р.Д.Клочковская, г.Саратов); «Н.Г. Чернышевский о революции в частной жизни» (Н.А.Тер-Геворкян, г.Краснодар); «Н.Г.Чернышевский: российская действительность с точки зрения всемирно-исторического процесса» (Э.В.Баркова, г.Волгоград) и другие.

Выступления ученых исторической секции чтений разных лет вызывали неизменный интерес аудитории широтой охвата проблем, многообразием тем и их новизной. Здесь предлагались для обсуждения доклады: «Патриархи» российской бюрократии о трех этапах освободительного движения» (Р.Ш.Ганелин, г.С.-Петербург); «Русская адвокатура перед судом истории» (Н.А.Троицкий, г.Саратов); «Историография революционного движения в русской армии XIX века.» (В.В.Лапин, г.С.-Петербург); «Современная англоязычная историография анархизма в России» (В.Г.Джангирян, г.Москва) и другие. Одной из постоянно обсуждаемых проблем на чтениях была история декабризма. «Александр I и декабристы» (С.В.Мироненко, г.Москва); «Иезуиты и декабристы», «Личность Пестеля» (В.С.Парсамов, г.Саратов); «Внедекабристские тайные общества» (Б.С.Абалихин, г.Волгоград) – эти и другие темы рассматривались в разные годы на конференциях.

В докладах и сообщениях ученых-филологов углублялась разработка проблем биографии, публицистики и романистики Н.Г.Чернышевского, продолжалось объективное, свободное от идеологизации, их изучение. Об этом отчасти свидетельствуют темы выступлений: «Что делать?» в историко-функциональном освещении» (Ю.У.Гуральник, г.Москва); «Диалогическая природа романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?»» (М.В.Тихомиров, г.Иваново); «Тема наслаждения жизнью в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?»» (М.В.Строганов, г.Калинин); «Игровое начало в поэтике Н.Г.Чернышевского» (А.П.Ауэр, г.Коломна); «Психологический облик радикала 1840-х годов» (Б.Ф.Егоров, г.С.-Петербург).

В работе XX-х – XXII-х чтений приняли участие ученые из Японии: Е.Имаи выступил с докладом «Н.Чернышевский и современники-кооператоры Н.П.Баллин и А.И.Васильчиков», С.Нагано сделал сообщение о поэтике художественных произведений Н.Г.Чернышевского. Названные исследователя высоко оценили уровень чтений. Их выступления, в свою очередь, вызвали большой интерес у участников конференции.

Е.Имаи опубликовал в Японии в ряде научных изданий отзывы о саратовских Чернышевских чтениях, которые, таким образом, получили теперь международный резонанс⁵.

В работе конференций постоянно участвуют сотрудники музея, поддерживая традицию исследования проблем XIX века, заложенную основателями музея – М.Н. и Н.М.Чернышевскими. Активно занимается разработкой темы «А.Н.Пыпин и Н.Г.Чернышевский» и изучением Пыпинского архива ГМУЧа с последующей публикацией материалов А.С.Озерянский, многократно выступавший на различных конференциях с докладами и сообщениями о А.Н.Пыпине в Саратове, Астрахани, Москве, Нижнем Новгороде. В 1996 году в соавторстве с Г.П.Мурениной он подготовил к изданию воспоминания А.Н.Пыпина «Мои заметки», получившие в основном положительные отклики в научных периодических изданиях⁶.

На презентации книги, состоявшейся 22 октября 1997 года на XIX-х Чернышевских чтениях, выступившие также высоко оценили проделанную работу по изданию книги. В.А.Китаев подчеркнул, что ценность содержания книги «Мои заметки» определяется личностью ее автора А.Н.Пыпина, до последнего времени недостаточно оцененного. Между тем это один из интереснейших ученых России XIX века. Было высказано пожелание о переиздании этого раритета с включением в новое издание воспоминаний об ученом его дочери В.А.Пыпиной. Эти и другие материалы из фондов музея могут и должны быть опубликованы.

Хочется надеяться, что с развитием меценатства в сфере культуры в российских музеях издательская и научная деятельность получат необходимый ресурс для своего развития. В настоящее время следует признать, что печатная продукция, которая выпускается музеем, носит характер нерегулярный, случайный и не всегда отвечает высоким требованиям полиграфии конца XX века. Между тем, у коллектива музея немало интересных замыслов и предложений для различных изданий – научных, научно-популярных, сувенир-

ных и детских. Так, готовы к публикации книга для детского чтения о реликвиях музея Н.Г.Чернышевского, альбом-каталог «Саратовская икона в фондах музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского», альбом фотографий семьи Н.Г. и О.С. Чернышевских. сборник очерков по истории музея «Архивные разыскания». Есть и другие замыслы, ожидающие осуществления.

Среди тем, которые разрабатывают научные сотрудники музея, присутствуют краеведение, проблемы историко-литературных связей и отношений Н.Г.Чернышевского и его современников.

М.Н.Чернышевскому и истории основания музея посвящены публикации и выступления на конференциях Г.П.Мурениной и И.В.Пузанковой; теорией мемориализации дома Чернышевских занимается С.В.Клименко, выступавшая на различных конференциях с темами музееведческого характера, а также по проблемам изучения художественного своеобразия романа «Что делать?» и романа Ф.М.Достоевского «Идиот». О Н.И.Костомарове и Г.С.Саблукове делала сообщения С.В.Беспалова⁷.

1980—90-е годы – период появления в музее новых форм работы с посетителями, которая до недавнего времени называлась «массовой». Отдел музея, занимавшийся контактами с публикой, носил наименование «отдела научной пропаганды». Конец XX века доказал, что оба термина – «массовый» и «пропаганда» – давно уже остались лишь в музейных архивах, как свидетельство о том периоде развития нашего общества, когда любой музейный посетитель рассматривался как лицо недоучившееся, «недообразованное», требующее всестороннего просвещения, назидания и «пропагандирования».

Основными формами работы с населением были лекции и экскурсии. исполненные идейного пафоса борьбы с «политическим инакомыслием» в оценках XIX века. Тем более, что экспозиции предыдущих десятилетий, да и сама эпоха середины XIX века давали основания для подобного подхода. Количественная статистика, отчетность по количеству посетителей, лекций, экскурсий и т.д. – до недавнего времени была главным показателем в работе любого музея. Между тем, качество музейной деятельности неизмеримо важнее числа мероприятий и количества людей, пришедших в музей. И это качество должно быть очень индивидуальным. Своеобразие каждого отдельного музея, его непохожесть и самоценность стали главным критерием в оценке его деятельности. Устаревшие

представления о музеях, стереотипы восприятия различных музейных акций становятся серьезным препятствием для развития музея в новых экономических условиях.

В 1980-е годы в практике музеев появилась новая форма отношений с посетителями. Современная концепция основана на трех главных принципах: просвещение, развлечение и воспитание. В сфере работы с детьми разного возраста утвердились такие формы игровых занятий, как «Музейная азбука», «Музейный всеобуч». Родившийся на практике термин «музейная педагогика» вскоре стал обозначать новую научно-прикладную дисциплину, теперь вошедшую в современные словари и учебники по музееведению и в планы повышения квалификации сотрудников музеев России.

В 1990-е годы, когда пришла пора обобщения практического опыта, музеи Н.Г.Чернышевского и К.А.Федина совместно со СПИ организовали и провели несколько научно-практических конференций на тему «Музей в системе образования и воспитания». По итогам конференций было издано три сборника «Музейная педагогика», куда вошли статьи участников, в том числе сотрудников музея Н.Г.Чернышевского, авторов новых форм работы с детьми дошкольного и школьного возраста.

В последние два десятилетия музей активно участвовал в изданиях научно-популярного характера. «Саратовские друзья Чернышевского» – так называется сборник очерков, составленный Г.П.Мурениной под общей редакцией доктора исторических наук профессора И.В.Пороха, изданный музеем в 1985 году. Ряд статей сотрудников музея опубликован в выпусках сборника краеведческого направления «Годы и люди» (статьи указаны в Приложении). Продолжалась публикация материалов из архива Н.М. и В.С. Чернышевских.

В заключение хочется особо подчеркнуть, что традиция научно-исследовательской и научно-популяризаторской деятельности в музее не должна быть утрачена. Наоборот, необходимость продолжения этой работы становится еще настоятельней накануне нового века и нового тысячелетия, обещающих быть гуманитарными.

¹ См. об этом: Демченко А.А. 60 лет научной работы // Пропагандист великого наследия. Саратов, 1984. Вып. I. С.43-50.

Базовой основой этой работы стали открытые в 1978 году мемориально-бытовая экспозиция «Н.Г.Чернышевский в Саратове. 1828-1853 гг.» и литературная выставка обобщающего характера «Н.Г.Чернышевский – революционный демократ.

писатель, ученый», которая располагалась в выставочном зале Союза художников.

- ³ См.: Клименко С.В. Проблема резкспозиции мемориального дома Чернышевских. // Пропагандист великого наследия. Саратов. 1990. Вып.2. С.9-16. Она же. Древнерусская культура в экспозиционной и научно-просветительской работе Государственного дома-музея Н.Г.Чернышевского. // В памяти Отечества. Горький. 1989. С.118-122. Она же. Усадьба Чернышевских-Пыпиных. Бытовая и духовная атмосфера. // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Саратов. 1998. С.76-89.
- ⁴ Статьи перечисленных участников чтений были опубликованы. См.: // Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов. 1994.
- ⁵ См., например: Имаи Есио. О научных чтениях Н.Г.Чернышевского в Саратове. 1998г. // Мадо (Окио). Токио, 1999. №4 (апрель). С.16-19.
- ⁶ Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. А.Н.Пыпин. Мои заметки // Славяноведение. 1999. №5. С.92-93. Березина В.Г. Новое издание книги А.Н.Пыпина «Мои заметки» // Вестник С-П Университета. Серия 2. Вып.1. 1998. С.121-122. Захаров В.Ю. А.Н.Пыпин «Мои заметки» / Вопросы истории. 1998. №11-12. С.164-165. Китаев В.А. А.Н.Пыпин «Мои заметки» // Отечественная история. 1998. №3. С.188-189.
- ⁷ В приложении дан перечень публикаций сотрудников музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского в научных и научно-популярных изданиях в последние двадцать лет.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ПРИ ЕГО УЧАСТИИ В 1980-2000 ГОДАХ.
1. Муренина Г.П., Костин Ю.М. Дом-музей Н.Г.Чернышевского (путеводитель). Саратов. 1980.
 2. Пропагандист великого наследия. Из истории Дома-музея Н.Г.Чернышевского. Саратов. 1984. Вып.1; 1990. Вып.2.
 3. Саратовские друзья Чернышевского. (Составитель Г.П.Муренина. Под общей редакцией доктора исторических наук профессора И.В.Пороха). Саратов. 1985.
 4. Беседы о прошлом. (Рассказы Е.Н.Пыпиной в записях Н.М.Чернышевской). Подготовка к публикации В.С.Чернышевской. Саратов. 1983.
 5. Каталоги фондовых коллекций музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского. Саратов. 1990.
 6. Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов. 1994.
 7. Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сборник научных трудов. Саратов. 1997. Вып.12; 1999. Вып.13.
 8. Литературная экспозиция «Отечества достойный сын». (Буклет. Без указания фамилии составителя - Н.А.Гришиной). 1989.

9. Усадьба Чернышевских-Пыпиных. (Буклет). (Составитель С.В.Клименко) Б.д. (1996).
10. А.Н.Пыпин. Мои заметки. Саратов, 1996. (Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарий А.С.Озерянского и Г.П.Мурениной).
11. Музейная педагогика. Сборник научных статей. Саратов. 1996. Вып. I; 1999. Вып. III.
11. СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ МУЗЕЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1980 - 2000 ГОДАХ.

БЕСПАЛОВА С.В.

1. Н.Г.Чернышевский и Г.С.Саблуков (к истории взаимоотношений). // Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература. С.149-153.
2. Неизданные письма Н.И.Костомарова Г.С.Саблукову. // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV-VI чтений. Саратов. 1994. С.71-72.
3. «Очерки гоголевского периода русской литературы»: проблема жанра. // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып.13. С.199-209.
4. Неопубликованные письма Н.И. Костомарова периода его Саратовской ссылки. // Николай Иванович Костомаров и его творческое наследие. Воронеж, 1992. С. 29-30.
5. «Пролог пролога» Н.Г. Чернышевского. К вопросу о проблематике романа. // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе на современном этапе. Пенза-Самара, 1999. С. 115-117

БОЧЕНКИН А.Ю.

1. Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов о Чаадаеве. // Друзья свободы и добра. Нижний Новгород. 1990. С.55-64.

ГРИШИНА Н.А.

1. Литературная экспозиция. // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.3-8.
2. «За не проявление раскаяния». // Годы и люди. Саратов. 1992. Вып.6. С.38-45.
3. Музей в экосистеме города. // Музейная педагогика. Вып. III (3) С.35-40.

КАЛИНИНА Л.Л.

1. Музей и школа. Педагогика сотрудничества. // Музейная педагогика. Вып. I. С.19-21.

2. Проблемы и перспективы музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского в системе развития туризма Саратовской области. // Перспективы развития туристских ресурсов Саратовской области. Материалы научно-практической конференции «Проблемы и перспективы сохранения, использования и развития туристских ресурсов Саратовской области». Саратов. 1999. С.110-112.

КЛИМЕНКО С.В.

1. «Четы Миней» в детском чтении Н.Г.Чернышевского. // Русская литература. 1988. №1. С.186-191.
2. Древнерусская культура в экспозиционной и научно-просветительской работе Государственного дома-музея Н.Г.Чернышевского. // В памяти Отечества. Горький. 1989. С.118-122.
3. Проблема реэкспозиции мемориального дома Чернышевских. // Пропандист великого наследия. Вып.2. С.9-16.
4. «Юродство о Христе» в «Идиоте» Достоевского. (К вопросу о философии романа). // Достоевский и современность. Тезисы выступлений на Старорусских чтениях 1991 года. Новгород. 1992. С.62-64.
5. Религиозность и революционность молодого Н.Г.Чернышевского (страницы студенческого дневника). // Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература. С.92-98.
6. Религиозность и безбожие в мировоззрении молодого Чернышевского. // В мире Добролюбова. Сборник материалов научных конференций, посвященных жизни и творчеству Н.А.Добролюбова. Нижний Новгород. 1996. С.58-64.
7. «Апокалипсис» князя Мышкина // Русский гений. К 175-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского. Материалы научных чтений (24-25 декабря 1996 года). Саратов. 1997. С.27-29.
8. «Русский вопрос»: роман «Идиот» и некоторые тенденции современного кино. // Достоевский и современность. Материалы XII Международных Старорусских чтений 1997 года. Старая Русса. 1998. С.66-68.
9. Тепло родительского дома. // Памятники Отечества. Сердце Поволжья. №39 (I/1998). С.82-85.
10. Усадьба Чернышевских-Пыпиных. Бытовая и духовная атмосфера. // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Материалы вторых Боголюбовских чтений 29-31 марта 1995 года. Саратов. 1998. С.76-89.
11. «Женский вопрос» в романах «Что делать?» и «Идиот». // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып.13. С.59-69.
12. Семейные иконы Чернышевских и Пыпиных. // Художественные коллекции музеев и традиции собирательства. Саратов. 1999. С.154-159.

13. «Птичьи» фамилии в романе Ф.М.Достоевского «Идиот». // Литературоведение и журналистика. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. 2000. С.111-117.
14. Предметы изобразительного искусства в интерьере дома Чернышевских. // Музейное дело и художественное образование. Материалы третьих - пятых Боголюбовских чтений. Саратов. 2000. С.165-170.

КОСТИН Ю.М.

1. Дом-музей Н.Г.Чернышевского (Путеводитель. В соавторстве с Г.П.Мурениной). Саратов. 1980.
2. Первые экспозиции // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.21-35.
3. Материалы фонда музея на выставке «Саратов времени Н.Г.Чернышевского // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.87-93.
4. Иконография Н.Г.Чернышевского // Каталоги фондовых коллекций музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского. С.3-32.
5. Фотографии Саратова XIX в. и памятных мест Н.Г.Чернышевского в Саратове. // Там же. С.32-50.

МУРЕНИНА Г.П.

1. Дом на Волге. // Из книги памяти народной. Саратов. 1980. С.161-177.
2. Дом-музей Н.Г.Чернышевского (Путеводитель. В соавторстве с Ю.М.Костиным). Саратов. 1980.
3. Из опыта создания мемориальной экспозиции. // Что такое литературно-мемориальный музей. М., 1981. С.101-113.
4. Становление. // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.8-21.
5. «Работою вы победите мир» // Саратовские друзья Чернышевского. С.72-86.
6. Н.Г.Чернышевский. Пролог. Мастерница варить кашу. Письма (Сборник) (Составление и комментарии к сибирским письмам Н.Г.Чернышевского). Иркутск, 1984.
7. Вечера на Васильевском острове. // Годы и люди. Саратов. 1986. Вып.2. С.1824.
8. Из переписки Н.Г.Чернышевского с Ф.Г.Беренштамом (1919-1920) // Пропагандист великого наследия. Вып 2. С.57-63.
9. Молодой Н.Г. Чернышевский. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов. 1993. Т.1. С.191-204.

10. Первые годы Дома-музея Н.Г.Чернышевского. // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения I-III чтений. Саратов. 1993. С.6-9.
11. Н.Г.Чернышевский в Саратове (июнь-октябрь 1889 года). // Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов. 1995. Т.2. С.288-294.
12. А.Н.Пыпин. Мои заметки. (Подготовка текста, составление и комментарий. В соавторстве с А.С.Озерянским). Саратов. 1996.

ОЗЕРЯНСКИЙ А.С.

1. Изучение иконографии Н.Г.Чернышевского // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.50-58.
2. «Содействовать славе отечества» // Саратовские друзья Чернышевского. С.3-17.
3. Штрихи великой жизни // Годы и люди. Вып.2. С.4-11.
4. Судьба бесценных фотографий. // Годы и люди. Ук.соч. С.11-18.
5. А.Пыпин. Из записных книг (Подготовка к публикации. Комментарий. В соавторстве с В.В.Смирновой) // Вопросы литературы. 1986. №12. С.181-187.
6. А.Н.Пыпин о славянофилах (К постановке проблемы) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва. 1986. С.72-80.
7. Исследования, мемуары и переписка А.Н.Пыпина как источник изучения жизни и творчества Н.А.Добролюбова // Вопросы источниковедения русской литературы. Межвузовский сборник научных трудов. Казань. 1989. С.17-28.
8. К вопросу об отношении Н.Г.Чернышевского к попыткам его освобождения из сибирского заточения // Друзья свободы и добра. С.138-142.
9. Тема «Чернышевский и А.Н.Пыпин» в экспозициях музея // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.17-22.
10. «... Итог крупный, выдающийся» // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып.5. С.62-74.
11. Книжная коллекция А.Н.Пыпина. // КATALOGИ фондовых коллекций музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского. С.59-66.
12. Завещание А.Н.Пыпина. // Четыре века. Сборник статей, посвященных 400-летию Саратова. 1991. С.121-128.
13. Б.П.Козьмин – редактор Полного собрания сочинений Н.Г.Чернышевского 1939-1954 годов (письма Б.П.Козьмина Н.М.Чернышевской) // Освободительное движение в России. Межвузов-

ский сборник научных трудов. Саратов. 1991. Вып.14. Революционеры, либералы и царизм (1825-1905 гг.). С.148-156.

- 14.Россов о А.Н.Пыпине. По архивным материалам // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып.12. С.132-136.
- 15.Письма Н.Г.Чернышевского О.С.Чернышевской. (Подготовка к публикации) // Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Источники. Первоисточники. Новосибирск. 1993. Т.1. Вып.II. С.
- 16.А.Н.Пыпин. Мои заметки (Вступительная статья; составление и комментарий в соавторстве с Г.П.Мурениной). Саратов. 1996.
- 17.Ближе, чем родной. // Памятники Отечества. С.86-88.
- 18.А.Н.Пыпин и Радищевский музей в Саратове // Художественные коллекции музеев и традиции собирательства. С.159-162.

ПАКАЛИНА Е.Н.

1. Об организации детской музейной экспозиции «Среднее образование в Саратове второй половины XIX века». // Музейная педагогика. Сборник научных трудов. Саратов. 1997. Вып.2. С.71-74.

ПУЗАНКОВА И.В.

1. Наследие скульптора (о Павле Дундуке). // Годы и люди. Саратов. 1988. Вып.3. С.157-164.
2. Книжный фонд М.Н.Чернышевского. // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.47-56.
3. Рядом с Чернышевским // Годы и люди. Вып.5. С.75-89.
4. Книжная коллекция М.Н.Чернышевского. // Каталоги фондовых коллекций музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского. С.66-110.
5. Судьба Павла Русса // Годы и люди. Саратов. 1992. Вып.7. С.29-35.
6. Малоизвестные страницы биографии П.А.Ровинского. // Красведческие чтения. Доклады и сообщения IV-VI чтений. Саратов. 1994. С.25-27.

САПОЖНИКОВА Д.Г.

Роль музейных предметов в создании выставок для младших школьников. // Музейная педагогика. Вып.3. С.120-124.

СМИРНОВА В.В.

1. Шла Великая Отечественная... // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.35-43.

2. Из «Дневника» М.Н.Чернышевского. (Подготовка к публикации) Там же. С.74-78.
3. А.Пыпин. Из записных книг (Подготовка к публикации. Комментарий. В соавторстве с А.С.Озерянским). Ук.соч.

УСТИЧЕНКО Л.Г.

1. Чернышевский о типологических особенностях русской прозы первой половины 1850-х годов. // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1983. Вып.9. С.46-56.

ЧЕРНЫШЕВСКАЯ В.С. (Подготовка к публикации)

1. Беседы о прошлом. (Рассказы Е.Н.Пыпиной в записях Н.М.Чернышевской) Саратов. 1983.
2. Чернышевская Н.М. Двоюродная сестра Чернышевского Евг.Н.Пыпина. // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып.9. С.109-117.
3. Чернышевская Н.М. История дома-музея Н.Г.Чернышевского, его здания и усадьбы. // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.59-73.
4. А.Г.Пыпина. Воспоминания. (Предисловие и примечания Н.М.Чернышевской). // Там же. С.88-102.
5. Чернышевская Н.М. Н.Г.Чернышевский в моей жизни. Саратов. 1985.
6. Чернышевская Н.М. Идейное наследие Чернышевского и разработка музейного архива в 1920-1930 годы. // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1987. Вып 10. С.136-148.
7. Н.М.Чернышевская. Семья Н.Г.Чернышевского. Саратов. 1988.
8. Чернышевская Н.М. О работе над Полным собранием сочинений Чернышевского (1839-1953 гг.) // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1989. Вып 11. С.187-194.
9. Воспоминания Евгении Терентьевны Канишевой (публикация и примечания Н.М.Чернышевской) // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.23-26.
10. Чернышевский М.Н. Мои личные воспоминания о семье Пыпиных. // Пропагандист великого наследия. Вып.2. С.27-47.
11. Чернышевская Н.М. А.Н.Пыпин и его старшая дочь. // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып 12. С.122-131.

МУЗЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ

Выставочная работа любого музея является одной из самых наглядных – в прямом смысле этого слова – сфер деятельности, по которой можно определить специфику данного учреждения.

Анализ выставочной деятельности музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского с 1980 года выявляет весьма существенные и показательные изменения в этом жанре работы. Что бросается в глаза в первую очередь – это чрезвычайно значительное количество выставок: если в 1980 – 1985 годах в музее проходило по 2 – 3 выставки в год, то в 1998 – 1999 годах – уже по 20 (!).

Этот показатель, конечно же, является не формальным, а отражает принципиальные изменения в понимании задач выставочной работы.

Выставки, которые экспонировались в начале восьмидесятых годов, практически все были посвящены непосредственно самому Н.Г. Чернышевскому и музею. Это, например, юбилейная выставка 1980 года к 60-летию создания Дома-музея, «Блестящее десятилетие» (Н.Г. Чернышевский в «Современнике»), «Пропагандист великого наследия» (выставки, посвященные 125-летию М.Н. Чернышевского и 90-летию Н.М. Чернышевской), «ГДМЧ в годы Великой Отечественной войны».

Тематика выставок, выходящих за эти пределы, также полностью подчинена самому герою, а вернее, его ближайшему окружению: «Властитель дум молодого поколения» (к 150-летию Н. Добролюбова), «Живой пульс общества» (к 150-летию журнала «Современник») и т. п.

Подобный подход к выбору тем выставок вполне вписывается в основные задачи, которые ставил перед собой музей в то время: прежде всего – пропаганда наследия революционного демократа Н.Г.Чернышевского.

По мере того, как в жизни нашего общества усиливаются демократические тенденции, устанавливаются известные свободы слова и мнений, естественно, изменяются и задачи музея. Музей как очаг культуры видит свои задачи в более широком и разнообразном представлении не только непосредственно эпохи, но и жизни куль-

туры в целом - как времени Н.Г.Чернышевского, так и современной нам.

Музей расширяет границы выставочных тем и аспектов их рассмотрения. Это не значит, что мы полностью переключаемся с проблем XIX века. В перечне выставок по-прежнему широко представлена эпоха Н.Г.Чернышевского, с той лишь, пожалуй, разницей, что музейщики более разнообразно и многоаспектно представляют эту эпоху. Так, увеличивается число выставок, раскрывающих различные направления литературной и общественной жизни России XIX века: это «Тургенев и литературное окружение», «Зову живых» (к 175-летию А. Герцена), «А.С. Пушкин и его эпоха», «Русская жанровая графика», «Саратов времени Н.Г.Чернышевского». Видно, что определенная монографичность оживляется более детальным, а зачастую новым подходом к изучаемой эпохе, экспонированием ранее не использовавшихся материалов.

В целом 1980 – 1990-е годы – годы известного качественного перелома в специфике выставочной работы музея. И самым существенным, на наш взгляд, является включение фактов материальной культуры в осмысление их через выставочную деятельность. С одной стороны, к этому подталкивало закрытие на реставрацию мемориального дома Чернышевских, в котором предметы материального мира существовали естественным образом. С другой стороны, практика функционирования музея показала, что интерес посетителей к этой форме бытования культуры – через мир вещей, предметов – не только не утолен, а становится все более живым. И на эту востребованность музей оперативно отзывается.

Музей становится открытым для различных произведений искусства как народных, так и профессиональных мастеров, показывая различные направления современного искусства: «Природа и общество», «Улочки старого города» (Р. Мерцлин), «Звуки набережной» (В. Мошников), «Татарское национальное прикладное искусство», «Провинциальный город» (саратовские художники XIX–XX веков), «Прекрасное есть жизнь», «Театр чудес», «Пришло время шелка» (батик Н. Надежиной), «Рождественская сказка» (квилт Л. Горожаниной), «Середина лета» (живопись), «Хохлома», регулярные выставки детского рисунка и декоративно-прикладного искусства.

Развивая традиционные направления музейной работы, мы в целом изменяем не только сам подход к выбору тем для выставок,

но и к их решению: выставки становятся проблемно-концептуальными, менее описательными. Таковы «Русская демократическая культура второй половины XIX века», «Круг семейного чтения XIX века», «Я к Вам пишу...» (из истории почты и письма), «Синий чулок», или Женский вопрос в XIX веке», «Не так живи, как хочется» (мир героев А. Островского), «Жизнь разума и любви» (несколько семейных историй) и другие.

Особенность этих выставок, пожалуй, в том, что в каждой есть драматическая коллизия, некий конфликт, помогающий более живо и полно раскрыть тему. Подобные выставки побуждают создавать своеобразные декорации, наполнять их объемными, а не плоскостными экспонатами. Это сказывается и на внешнем облике выставок, они становятся более зрелищными. В таком же ключе (объемно показать музей) решена и выставка «Музею – 75 лет», обозначившая и раскрывшая музейные коллекции.

В целом особенностью выставок последних лет стала их большая зрелищность и нацеленность на диалог. Как правило, при подготовке выставки автор ее представляет перед своим мысленным взором именно собеседника, а не просто зрителя. Эта апелляция к зрителю, естественно, приводит к тому, что он, зритель, сам вовлекается в игру-диалог, занимает позицию активную, деятельную, а не пассивно-созерцательную.

Особенно очевидно эта ориентированность на интерактивность проявилась в выставках для детей «Там чудеса...» (по сказкам А. Пушкина), «Наша кунсткамера», «Ах, эти разные, разные куклы». Здесь зритель-ребенок не только получает какие-нибудь новые знания, он играет, включает свою фантазию, воображение, дополняет образный и предметный мир выставки, становится ее соавтором.

Это принципиально новое в нашей практике обращение к зрителю стало очень плодотворным и вывело на новые формы работы. Так, выставка «Наша кунсткамера», построенная на демонстрации самых обычных, часто бытовых предметов, окружающих нас, выявила в публике существенную жажду информации об истории жизни этих вещей, которая не могла быть утолена в ограниченные сроки демонстрации этой выставки в стенах музея. Поэтому «Наша кунсткамера» стала передвижной выставкой, пользующейся неизменным интересом.

Успех этой выставки укрепил нас в мысли, что не только сфера материальной культуры интересна зрителю, но и что наш музей

может и должен стать проводником в эту область знаний, ибо «материальная» – это название одной из разновидностей общей культуры общества.

Игровые моменты, заложенные в выставке «Там чудеса...», дали возможность продлить жизнь этой выставке в форме игры-викторины по сказкам А. Пушкина.

Новое направление в выставочной работе музея – сотрудничество с Центром Духовной культуры (Самара). Оно дало нам возможность демонстрировать выставки компьютерных копий работ великих мастеров: Леонардо да Винчи, Рафаэля, С. Рериха, Дюрера, Айвазовского.

Еще одна новая форма работы, найденная в дополнение к традиционным, – однодневные выставки-акции художников Б.Глубокова, Б.Арсиевича. Их актуальность, компактность, мобильность позволяют думать, что они станут одной из традиционных форм работы.

Подводя итоги выставочной деятельности музея, отметим важную особенность: произошло безусловное расширение ее традиционной тематики, появилось жанровое разнообразие – выставки к календарным праздникам, художественные, детского рисунка, фондовые, из цикла «Духовная жизнь общества» (компьютерные копии), различные интерактивные и т. д.

В целом также необходимо отметить несомненное движение в сторону диалога с посетителями музея: как в плане прямого общения с ними, так и в смысле ориентирования на запрос публики, ее интерес к тем или иным явлениям культуры. Безусловная драматургизация выставок, их обращение к зрителю, вовлечение его в прямой диалог, т.е. стремление к интерактивности, при безусловном расширении образов и тем выставок – специфические особенности выставочной деятельности музея в означенный период.

РУКОПИСНОЕ СОБРАНИЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В музее до 1941 года хранились подлинные документы, корректуры, рукописи, письма и книги писателя, собранные его сыном М.Н.Чернышевским и близкими родственниками – Пыпиными.

После начала войны по инициативе Н.М.Чернышевской, опасавшейся за судьбу архива, основная его часть в 1941 году была вывезена из Саратова на хранение в Москву в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), где находится и ныне.

Настоящее музейное рукописное собрание Н.Г.Чернышевского немногочисленно: 12 ед. хранения. Среди них – семь автографов писателя: на его личной книге, а также на книгах, подаренных им различным лицам, два письма студенческого периода Г.С.Саблукову, две надписи на бумагах, относящихся к посылке сибирским узником засушенных цветов жене, его приписка на письме А.Н.Пыпина Ю.П.Пыпиной из Астрахани.

В данном описании предпринимается попытка наиболее полной характеристики перечисленных первоисточников по сведениям ГМУЧ и литературы с указанием места и даты первой публикации документа, описанием экспоната, истории его бытования и времени фондового поступления, а также связи с биографией Н.Г.Чернышевского.

Коллекция музейных автографов сформировалась благодаря Михаилу Николаевичу, Нине Михайловне, Вере Самсоновне Чернышевским, а также частным лицам.

Описание состоит из двух разделов и составлено по тематико-хронологическому принципу.

РАЗДЕЛ I. АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ

1. «Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. ПЕТЕРБУРГ. 1851».

См.: Срезневский И.И. Исследование о языческом богослужении древних славян И.Срезневского. Санкт-Петербург. В типографии К.Жернакова. 1848. (2) + 96с. 24 x 16 см. №609/21.

Книга в картонном коричневом переплете, с однотипным кожаным корешком, форзацем и титульным листом.

Автограф черными чернилами находится в верхней части первого чистого листа после переплетной крышки.

На этом же листе круглый штамп «Саратовский Губ.[ернский] Отдел Народного Образования. Музей памяти Н.Г.Чернышевского».

На страницах представлены пометы теми же чернилами, что и автограф. Возможно, они принадлежат Н.Г.Чернышевскому. Публикуется впервые.

С.14. 9-я строка сверху – вставлено слово *dusa*.

С.30. 4-я строка снизу – слово «вышедшие» заменено на «вошедшие».

С.30. 11-я строка снизу – поставлена запятая после слова «сюда».

С.39. 12-я строка сверху – слово «кажется» взято в запяты.

С.65. 9-я строка сверху – в слове “*hrrdla*” зачеркнута буква *g*. Здесь же – в слове “*wortiasi*” буква “*r*” заменена на “*s*”.

С.69. 13-я строка сверху – в слове “*bohowow*” последняя буква “*w*” заменена на “*m*”.

Первая публикация: Чернышевская Н.М. Личная библиотека Н.Г.Чернышевского // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958. Вып. I. С.428.

Книга числилась в описи книг Н.Г.Чернышевского, составленной М.Н. Чернышевским и переданной им в Академию наук 15 декабря 1908 года.

Н.М.Чернышевская отнесла эту книгу к студенческому периоду жизни Н.Г.Чернышевского, несмотря на надпись, свидетельствующую о принадлежности ему книги в 1851 году, после окончания университета.

При этом она ссылалась на запись в студенческом дневнике Н.Г.Чернышевского от 1 октября 1848 года о составлении перевода для профессора Фрейтага «Из книги Срезневского о гаданиях» (Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 15 т. М., 1939-1953. Т.1. С.137. Далее в статьях и публикациях указывается Т. и С.). Тем более, что в этот период Николай Гаврилович интенсивно занимался изучением славянских древностей у И.И.Срезневского (1812-1880), описывал для последнего славянские рукописи в Публичной библиотеке и Румянцевском музее, составлял записи лекций Срезневского и справочные работы по старославянскому языку.

Однако, определяя время принадлежности книги писателю, следует учесть, что творческие отношения Чернышевского с видным филологом-славистом продолжались в течение 1850-х годов. Так, 16 ноября 1851 года Н.Г.Чернышевский из Саратова посылает

И.И.Срезневскому план своей работы над словарем к Ипатьевской летописи вместе с образцом этой работы (начала словаря). Пишет о желании также составить «реальный словарь русской истории и древностей до начала Московского периода или, по крайней мере, до конца XVIII века», советуется о выборе предмета для диссертации (См.: Т.14. С.219-220). Ср.: Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского. М. 1953. С.77.

2. «БРАТУ, АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ПЫПИНУ».

См.: Эстетические отношения искусства к действительности. Сочинение Н.Чернышевского на степень магистра русской словесности. Санкт-Петербург. 1855. 103с. 24 x 16 см. №614.

Книга в темно-синем картонном переплете, с кожаным корешком коричневого цвета с золотым тиснением «Н.Чернышевский. Эстет.[ические] отношения искусства к действительности», форзацем розового цвета с фигурным рисунком и титульным листом.

Автограф черными чернилами находится на развороте чистого листа между форзацем и титулом в верхней левой части на внутренней стороне.

На 18, 33, 48, 63, 78, 92 страницах имеются места, отмеченные карандашом неустановленным лицом.

Первая публикация: Дом-музей Н.Г.Чернышевского. Путеводитель. Сост.Б.И.Лазерсон. Саратов. 1954. С.20.

3 мая 1855 года вышла в свет книга (знаменитая магистерская диссертация Н.Г.Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»). Она была отпечатана в типографии Эдуарда Праца тиражом 400 экземпляров в двух вариантах -- в картонном переплете и тонких обложках.

А.Н.Пыпин был в числе лиц, персонально приглашенных Н.Г.Чернышевским на защиту диссертации. Сохранился приглашенный билет Петербургского университета «на защищение кандидатом Чернышевским диссертации, написанной им для получения степени Магистра Русской Словесности»¹ А.Н.Пыпину, долгие годы хранившийся в его семье.

Воспоминания Пыпина являются самыми значительными и авторитетными среди свидетельств современников относительно диссертации Чернышевского².

Так, в письме Н.С.Тихонравову из Петербурга Пыпин, в частности, отмечал: «Чернышевский недавно защищал свою диссертацию: «Эстетические отношения искусства к действительности». Диспут был очень любопытен по тому эффекту, какой произвела его скептическая философия»³.

Не случайно, что А.Н.Пыпин в 1865 году переиздает первой работой без упоминания имени автора именно диссертацию Н.Г.Чернышевского⁴, оказавшую такое большое влияние на передовую молодежь 50-60-х годов.

3. «ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ПАНАЕВУ ОТ АВТОРА».

См.: Чернышевский Н. Эстетические отношения искусства к действительности. Сочинение на степень магистра русской словесности. Санкт-Петербург. В типографии Эдуарда Праца. 1855. 103с. 22,5 x 15,5 см. №615.

Книга в картонном переплете, оклеенном желтой мраморной бумагой, с коричневым кожаным корешком, первоначальной обложкой серо-голубого цвета и титульным листом.

Автограф, написанный черными чернилами, находится на внутренней стороне серо-голубой обложки.

На 7, 13, 15, 21 страницах имеются места, подчеркнутые карандашом неустановленным лицом. На титульном листе и нижней обложке неразборчиво написанный автограф простым карандашом. Автор неизвестен.

Жительница Пензы В.А.Отрадина, приславшая книгу Н.М.Чернышевской, писала, в частности, 22 декабря 1950 года: «Эта книга в числе многих других осталась после смерти моего мужа Отрадина В.И. <...> Еще задолго до Отечественной войны он приобрел ее у сторожа Пензенского парка культуры и отдыха им.Белинского»⁵.

Первая публикация: Дом-музей Н.Г.Чернышевского. Путеводитель. Сост. Б.И.Лазерсон. С.20.

И.И.Панаев (1812-1862), издававший «Современник» (1847-1862) вместе с Н.А.Некрасовым, в мае 1853 года привлек Н.Г.Чернышевского к работе в журнале (См.: Т.1. С.714-715). Н.Г.Чернышевский персонально пригласил известного писателя и журналиста на защиту магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», на которой тот присут-

ствовал 10 мая 1853 года (См.: Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского. С.108-109).

4. «МИЛОМУ ПАПЕНЬКЕ ОТ БЕСКОНЕЧНО ОБЯЗАННОГО, ВСЕМ ОБЯЗАННОГО СЫНА».

См.: Чернышевский Н.Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. Санкт-Петербург. В типографии Главного штаба Его императорского Величества по военно-учебным заведениям. 1857. 247с. 24 x 15,5 см. №611.

Книга в картонном переплете, оклеенном черной зернистой бумагой, с кожаным корешком с золотым тиснением «Лессинг», шмуцтитолом и титульным листом.

Автограф черными чернилами расположен на правой стороне форзаца в верхней части. На шмуцтитule и титульном листе имеется круглая печать «Саратовский Губ[ернский] Отдел Народного Образования. Музей памяти Н.Г.Чернышевского».

Книга хранилась в саратовской семье Пыпиных, после пожара 1866 года была передана М.Н.Чернышевскому и вывезена им в Петербург.

Первая публикация: Демченко А.А. Дом-музей Н.Г.Чернышевского, Путеводитель. Под ред. Н.М.Чернышевской. Саратов. 1969. С.16.

Имя известного немецкого поэта XVIII века Г.Лессинга впервые встречается у Н.Г.Чернышевского в дневнике 1849 года, где он пишет о его работе «Натан Мудрый». Позже Н.Г.Чернышевский часто упоминал о Лессинге в своем кандидатском сочинении «О Бригадире» Фонвизина» (1850г.), в обзоре «Новости литературы, искусства, наук и промышленности (1854г.). В статье «О поэзии Аристотеля» он использует «Гамбургскую драматургию» Лессинга. В 1855-1856 годах Н.Г.Чернышевский, работая над «Очерками гоголевского периода русской литературы», также многократно упоминает имя Лессинга. Первоначально работа о Лессинге была опубликована в журнале «Современник» за 1856-1857 годы. 27 июня 1857 года было получено разрешение цензурного комитета на отдельное издание книги.

Таким образом, монография Н.Г.Чернышевского о Лессинге явилась итогом многократных обращений Николая Гавриловича к выяснению роли выдающегося просветителя в немецкой литературе.

В ряде работ писателя встречаются многочисленные упоминания об отце. Так, он, в частности, писал: «Мнение мое о папеньке понемногу, но постоянно все подымается, все более и более ценю его» (См.: Т.1. С.64). Н.Г.Чернышевский всегда бережно и трепетно относился к Гавриле Ивановичу. Со своей стороны,

Г.И.Чернышевский испытывал к сыну ответные подобные чувства. Подтверждением вышесказанному является неопубликованное заветание Г.И.Чернышевского, датированное 5 июля 1858 года, собственноручно засвидетельствованное им 15 января 1859 года как подлинное⁶. Один из первых биографов Н.Г.Чернышевского П.Л.Юдин приводит свидетельство о том, что этот документ возымел юридическую силу⁷.

5. «Милому моему другу Оленьке от мужа, которого она так часто бранит (иногда, за дело). 11 июня 1857».

См.: Чернышевский Н.Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. №612.

Автограф черными чернилами расположен на правой стороне форзаца в верхней части. На шмуцтитуле и титульном листе – круглая печать «Саратовский Губ[ернский] Отдел Народного Образования. Музей памяти Н.Г.Чернышевского».

Подаренная книга долгое время хранилась у Ольги Сократовны, а после смерти мужа она передала ее сыну Михаилу.

Первая публикация: Демченко А.А. Дом-музей Н.Г.Чернышевского. Путеводитель. Ук.соч. С.51.

Любовь Николая Гавриловича к Ольге Васильевой, возникшая с первой их встречи, сохранилась до последних мгновений жизни писателя. В письмах сибирского узника так искренно звучат слова, обращенные к жене: «Милая радость моя, благодарю тебя за то, что озарена тобою вся жизнь моя...» (Т.14. С.500).

Н.Г.Чернышевский на первых порах их совместной жизни пытался приобщить жену к своей литературной деятельности. Под его руководством она составила «Алфавитный указатель к «Современнику» за первое десятилетие 1847-1856 годов», первую библиографическую роспись статей журнала (опубликовано за подписью «О.Ч.» в 1857 году как приложение к №3 «Современника»).

Преподнеся свой труд О.С. Чернышевской, писатель не только выражал благодарность за сделанное ею. Возможно, в это время Н.Г.Чернышевский не терял надежду на дальнейшее возможное участие жены в его творческих замыслах.

6. «СЕРГЕЮ СТЕПАНОВИЧУ АВЕТОВУ В ЗНАК УВАЖЕНИЯ ОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО».

«ПУСТЬ БОГ ПРОСВЕТИТ В ОСОБЕННОСТИ ДУШИ НАС, ЗДРАВСТВУЮЩИХ» (перевод с армянского).

См.: Вебер Георг. Всеобщая история Георга Вебера. Перевод со второго издания, пересмотренного и переработанного при содействии специалистов. Перевел Андреев. Москва. Типография В.В.Ислентьева (М.Щепкина). 1885. Т.1. 834с. 23 x 15,5 см. №613.

Книга в картонном переплете, оклеенном фиолетовым материалом, с матерчатым корешком, первоначальной обложкой сероватого цвета и титульным листом. На обратной стороне верхней и нижней обложек перечислены в алфавитном порядке издания К.Т.Солдатенкова.

Автограф черными чернилами расположен на титульном листе в правом верхнем углу.

На титульном листе, 31, 203, 411, 651, 734, 767, 834 страницах имеется штамп «Из книг Г.Ильезова. Астрахань».

На 154 странице подчеркивание чернилами, на 664 странице – выполнены карандашом неустановленным лицом два арифметических действия: деление и умножение.

Первая публикация: Демченко А.А. Дом-музей Н.Г.Чернышевского. Путеводитель. С.96. На русском языке.

Айвазян М.К. Чернышевский среди астраханских армян // Чернышевский и литература народов Советского Союза. Ереван, 1988. С.318. (На армянском языке и перевод с армянского).

В октябре 1883 года Н.Г.Чернышевский был переведен из Сибири на жительство в Астрахань. Здесь у него возникла мысль о большом литературном труде – переводе Всеобщей истории Георга Вебера, о котором он упоминает в письме к А.В.Захарьину в октябре 1884 года. Имя Чернышевского было запрещено в России, тем не менее сделанный им перевод «Всеобщей истории» Георга Вебера был издан под псевдонимом Андреев московским книгоиздателем К.Т.Солдатенковым.

Автограф предназначался С.С.Аветову – армянскому купцу, жившему в Астрахани по соседству с Н.Г.Чернышевским. Они встречались, часто совершали совместные прогулки⁸. Н.Г.Чернышевский, пользуясь случаем, разговаривал со своим собеседником на армянском языке, которым он в достаточной степени владел. С целью сделать приятное своему знакомцу, Чернышевский надписал автограф на подаренной книге как на русском, так и на армянском языках.

Согласно заключению фондовой комиссии музея от 5 ноября 1948 года следовало, что выявленный данный автограф писателя на армянском языке по сути вносит значительный вклад в научное исследование биографии Н.Г.Чернышевского, пополняя количество изученных им языков до 11, т.к. до сих пор было установлено владение им 10 иностранными языками⁹.

Книга была приобретена Н.М.Чернышевской в 1948 году у студента юридической школы Х.Г.Ильязова, по словам которого она ранее находилась в библиотеке его отца Григория Христофоровича Ильязова. В Астрахани издание было приобретено последним у неизвестного лица¹⁰.

7. «СЕМЕНУ МОИСЕЕВИЧУ ПОПОВУ В ЗНАК УВАЖЕНИЯ ОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО».

См.: Вебер Георг. Всеобщая история Георга Вебера. Указ.соч. №623.

Автограф черными чернилами расположен на титульном листе в правом верхнем углу.

Публикуется впервые. См. подробнее сведения об автографе: Чернышевская Н.М. Надпись на книге // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» (Сборник статей к 90-летию Н.К.Пиксанова. Ленинград, 1969. С.390-398. Книга с надписью С.М.Попову была прислана в музей из Ташкента в мае 1967 года его дочерью Марией Семеновной Поповой. Поступлению книги предшествовала кропотливая поисковая работа. Уже в 1964 году Н.М.Чернышевской стало известно, что в Ташкенте в Гос.библиотеке Узбекской ССР имени Навои в отделе редких книг хранится II том «Всеобщей истории» Вебера с автографом Н.Г.Чернышевского С.М.Попову на армянском языке.

Нина Михайловна обратилась к астраханскому журналисту Н.А.Белякову с просьбой собрать среди старожилов Астрахани сведения о С.М.Попове. Николай Алексеевич поместил в астраханской газете «Волга» за 12 ноября 1964 года небольшую заметку «Как же звали торговца?». Публикация вызвала многочисленные письма астраханцев Н.М.Чернышевской. Через некоторое время удалось выяснить, что Семен Моисеевич Попов – это врач, который общался с Н.Г.Чернышевским и лечил его в период проживания в Астрахани.

Одновременно Нина Михайловна вступает в переписку с Поповой. Последняя сообщила Н.М.Чернышевской, что она располагает I томом Вебера с автографом Н.Г.Чернышевского. В письме, в ча-

стности, отмечалось: «Книга, которая у меня имеется, будет Вам передана в музей после моей смерти, так как сейчас я храню ее как память»¹¹.

В течение 3 лет Н.М.Чернышевская переписывалась с М.С.Поповой по поводу передачи книги в музей. В письме от 1 февраля 1967 года Мария Семеновна подтвердила согласие сделать это, однако, ввиду своего болезненного состояния и маленькой пенсии, просила оплатить книгу по мере возможности.

Нина Михайловна выполнила это условие. 3 мая 1964 года она получила I том Вебера и передала его в музей.

РАЗДЕЛ II. РУКОПИСИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1. ПИСЬМО Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО Г.С.САБЛУКОВУ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В САРАТОВ ОТ 7 ИЮНЯ 1847 ГОДА. 2л. 20 x 13 см. №6661.

Написано черными чернилами. На 1-м бумажном листе сверху надпись «Получено 16 июня 1847г.» сделана, вероятно, Саблуковым. Лист 2-й не заполнен.

Первая публикация: «Вестник Европы». 1911г., май. С.267-268.

В письме Н.Г.Чернышевский сообщает Гордею Семеновичу Саблукову о безуспешных поисках по просьбе последнего словарей Гиганова, Болдырева, книги «Семь Моаллакат и пр.»

Подлинник письма идентичен печатному тексту (См.: Т.14. С.139).

Г.С.Саблуков (1804-1880) – ориенталист и краевед, востоковед и археолог – был учителем Н.Г.Чернышевского в Саратовской семинарии и состоял в свойственных отношениях с семьей Чернышевских, оказал большое влияние на молодого Чернышевского, содействовал развитию его научного мышления, обучил его татарскому, персидскому и арабскому языкам.

2. ПИСЬМО Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО Г.С.САБЛУКОВУ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В САРАТОВ ОТ 7 АПРЕЛЯ 1848 ГОДА. 2л. 20,5 x 13,5 см. №6662.

Написано черными чернилами. На 1-м листе сверху черными чернилами надпись «Получ.[ено] 6 мая 1848г.» сделана, вероятно, Саблуковым. Обратная сторона 2-го листа не заполнена.

Первая публикация: Вестник Европы, 1911, май. С.268-269 (Т.14. С.147-148).

В письме выражаются соболезнования Г.С.Саблукову по поводу смерти его жены Пелагеи Сидоровны. Содержится оценка лич-

ности И.И.Срезневского. Следует согласиться с точкой зрения С.В.Беспаловой, обнаружившей подлинные письма Н.Г.Чернышевского Г.С.Саблукову в частном архиве в 1990 году, что в «Вестнике Европы»¹², а затем в ПСС писателя они публиковались с черновых вариантов писем Николая Гавриловича¹³.

3. «ЭТО ВЛОЖЕНЫ ЗАСУШЕННЫЕ ЦВЕТЫ. ПРОШУ РАЗВЕРТЫВАТЬ ОБЛОЖКУ ОСТОРОЖНО, ЧТОБЫ ОНИ НЕ СЛОМАЛИСЬ. Б/д. 10,5 x 13 см. №60/5.

Текст написан черными чернилами на листе пожелтевшей бумаги в клеточку. Внутри вложены листочки белой бумаги, в которые Н.Г.Чернышевский заворачивал цветы, посылаемые им из Сибири.

Публикуется впервые.

4. «В КОНВЕРТ, КРОМЕ ПИСЬМА, ВЛОЖЕНЫ СУХИЕ ЦВЕТЫ. Я ПРОСИЛ БЫ РАЗВЕРТЫВАТЬ ОБЛОЖКИ ЦВЕТОВ ТИХО, ЧТОБЫ НЕ ИЗЛОМАЛИСЬ ЛЕПЕСТКИ.

Н.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ». Б/д. 11,5 x 14 см. №60/2.

Написано простым карандашом на листе пожелтевшей бумаги в полоску, сложенной в форме конверта.

Публикуется впервые.

Приведенные выше два автографа Н.Г.Чернышевского – весточки из далекой Сибири, где он жил, оторванный от общественной жизни страны и семьи. Связь с родными была только через письма. Письма сибирского периода поражают и сохранением у их автора чувства прекрасного, например, по отношению к природе. В ряде писем к Ольге Сократовне за 1878-1879 годы Н.Г.Чернышевский сообщал ей впечатления о вилюйских цветах. В письме от 27 октября 1879 года можно прочесть такие строки:

«Летом я набрал цветов, чтобы послать тебе (О.С.Чернышевской – И.П.). Умудряюсь теперь хорошенько завертывать их в бумагу. Ты знаешь неловкость мою во всех таких искусствах. Но стараюсь и льщу себя уверенностью, что заверну все-таки хорошо» (Т.15. С.303). М.Н.Чернышевский позднее писал, что «Цветы доходили в полной исправности. Каждый цветок был бережно завернут в папиросную бумагу...»¹⁴. Из цветов, присланных Н.Г.Чернышевским, Михаил Николаевич сделал гербарий «Виллюйская флора», хранящийся в музее.

5. «МИЛАЯ ЮЛЕНЬКА,

[8 мая 1884]

САШЕНЬКА ЧРЕЗВЫЧАЙНО СИЛЬНО ОБРАДОВАЛ МЕНЯ СВОИМ ПРИЕЗДОМ. ОЛЕНЬКА БЫЛА ОБРАДОВАНА ЕЩЕ БОЛЬШЕ, НЕЖЕЛИ Я. ОНА БУДЕТ СЧИТАТЬ ДНИ, КОТОРЫЕ ПРОВЕДЕТ С НАМИ САШЕНЬКА, ДНЯМИ СЧАСТЬЯ СЕБЕ. ЦЕЛЮЮ ВАС, МИЛЕНЬКАЯ СЕСТРИЦА. ЦЕЛЮЮ ВЕРОЧКУ, МИТЮ И КОЛЮ.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, МИЛЕНЬКАЯ СЕСТРИЦА. С НОВА ЦЕЛЮЮ ВАС.

ВАШ Н.Ч.».

13,1 x 10,5 см. №54/76.

Автограф черными чернилами расположен на листе пожелтевшей бумаги. Это приписка Н.Г.Чернышевского к письму А.Н.Пыпина Ю.П.Пыпиной из Астрахани от 8 мая 1884 года.

Первая публикация: Пыпина В.А. Любовь в жизни Н.Г.Чернышевского. 1923. С.115. (Т.15. С.463-464).

Свадьба Юлии Петровны Гурскалин и Александра Николаевича Пыпина состоялась в период, когда Н.Г.Чернышевский находился в Петропавловской крепости.

С первых дней совместной жизни супруги Пыпины стали заботиться о Н.Г.Чернышевском и его семье. Юлия Петровна стала второй матерью сыновьям Николая Гавриловича – Саше и Мише. Она не отличалась крепким здоровьем, тем не менее принимала участие в семейной традиции и переписывала письма Чернышевского, его рукописи, воспоминания – для сохранения подлинников и подготовки их к печати.

Н.Г.Чернышевский на протяжении всей жизни с большой теплотой и симпатией относился к этой женщине, в своих письмах нежно называя ее «сестрица».

¹ См.: РГАЛИ. Ф.395. Оп.1. №14.

² См.: Демченко А.А. Научная биография. Саратов. 1984. Ч.2. С.40.

³ Цит.по машинописи: Пыпина В.А. К биографии А.Н.Пыпина // ГМУЧ. ОФ.№3915. Папка 3. Л.156.

⁴ См.: Эстетические отношения искусства к действительности. Изд.второе А.Н.Пыпина. СПб. 1865. (С автографом «А.Н.Пыпин» и многочисленными пометами на страницах М.Н.Чернышевского // ГМУЧ.ОФ. №633.

⁵ ГМУЧ. Научный Архив. №353.

⁶ См.: Завещание Г.И.Чернышевского от 5 июля 1858 года. Собственноручная копия, засвидетельствованная 16 января 1859г. // ГМУЧ. ОФ №2097.

⁷ См.: Юдин П.Л. К биографии Н.Г.Чернышевского // Исторический вестник. 1910, №9 (сентябрь). С.951

⁸ См.: Айвазян М.К. Чернышевский среди астраханских армян. Указ.соч. С.317-320.

⁹ Приложение к акту №2 от 5 ноября 1948 года // Акты приема материалов в основной фонд ГМУЧ. Начало 10 мая, окончено 5 ноября. Оп.3. Ед.хр.1.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Рукопись. Письмо М.С.Поповой Н.М.Чернышевской от 4 декабря 1964 года // ГМУЧ. Научный Архив. Д.№9. Оп.1. Ед.хр.689. Л.2.

¹² Рукописи были найдены во время разбора архива покойного Ф.В.Духовникова и напечатаны А.А. Лебедевым в журнале в 1911 году.

¹³ См.: Беспалова С.В. Н.Г.Чернышевский и Г.С.Саблуков (к истории их взаимоотношений) // Н.Г.Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов. 1994. С.149.

¹⁴ Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. В 3-х тт. СПб, 1913. Т.3. С.232.

Е.Н.МАНОВА

«МЕЧТА И ЗАДАЧА МОЕЙ ЖИЗНИ – УСТРОИТЬ МУЗЕЙ ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА»

(Из дневниковых записей М.Н.Чернышевского 1917-1924 годов)

Михаил Николаевич Чернышевский (1858-1924), младший сын Н.Г. и О.С. Чернышевских, большую часть своей жизни посвятил сохранению и популяризации научно-литературного наследия своего отца.

Глубокое и всестороннее изучение его жизни и деятельности позволяет реально представить себе, через какие изнурительные испытания пришлось пройти саратовцам, прежде чем на волжской земле был воздвигнут первый в России подлинный памятник «литературному Прометею» – мемориальный музей-усадьба Н.Г.Чернышевского¹.

Существуют источники, по которым буквально по дням можно проследить историю возникновения и развития музея в первые годы Советской власти. Среди них наиболее интересным является «Дневник» М.Н.Чернышевского (ОФ, №529). Он представляет собой 320 листов рукописного текста, собранных в 8 пронумерованных по годам тетрадей. Каждая состоит из разного количества листов различного формата. В трех из них имеются небольшие книжечки путевых заметок, связанных с поездками Михаила Николаевича в Петербург и Москву в 1919-1923 годы. Свои мысли и наблюдения автор заносил в «Дневник» карандашом и перьевой ручкой, используя чернила фиолетового или черного цветов. Записи в

«Дневнике» велись спонтанно, от случая к случаю, иногда с перерывами до полугода. Причинами тому, как указывал сам М.Н.Чернышевский, были его болезненное состояние, бытовая необеспеченность, большая деловая загруженность и необходимость частых отъездов из города.

«Дневник» содержит планы М.Н.Чернышевского по устройству музея, связанные с этим хозяйственно-экономические вопросы, раскрывает непростые взаимоотношения первого директора музея с представителями местной администрации и центральными органами новой власти, повествует о невзгодах и трудностях революционного времени, передает впечатления М.Н.Чернышевского о его встречах с видными государственными и политическими деятелями минувшей эпохи (Л.Б.Каменевым, А.В.Луначарским и др.). Обращает на себя внимание и другая особенность дневниковых записей – непереносимое присутствие в них ощущения приближающейся смерти. С этой мыслью автор не расставался на протяжении всего повествования.

Он начал вести его в 1917 году, когда жизнь в Петрограде оказалась невыносимой и встал вопрос: оставаться в столице, или переехать в Саратов, где жили его родные и близкие. Михаил Николаевич выбрал последнее. И в 1919 году принял окончательное решение вернуться в родной город, где ему к тому же предстояло воплотить в жизнь свою заветную мечту – создать музей памяти отца.

Примечательно, что до своего возвращения в Саратов Михаил Николаевич искренне считал, что, занимаясь изданием и популяризацией научно-литературного наследия своего отца, он выполнил главную задачу своей жизни – увековечение памяти Н.Г. Чернышевского. Но время поставило перед ним более трудную задачу – устройство литературно-мемориального музея Н.Г.Чернышевского.

Настоящая публикация - не первая попытка обращения к «Дневнику» М.Н. Чернышевского. Он и раньше становился предметом исследования². Однако общественно-политическая ситуация в тот период, когда появились указанные публикации, не позволила передать в них всю сложность обстановки в момент создания музея, поэтому публикаторы, очевидно, сознательно опустили остроту оценок иных ситуаций и действий нерадивых чиновников.

Ниже мы публикуем фрагменты из «Дневника», воссоздающие, на наш взгляд, подлинную историю событий, сопутствующих

созданию музея - исполнению мечты Михаила Николаевича. Полные драматизма, они позволяют нам ощутить переживания автора, яснее осознать истинную ценность его служения заветной цели.

* * *

4 сентября 1917 г <ода>.

Стоят мучительно-тревожные дни. Сердце обливается кровью за судьбу России, которая висит на ниточке³.

Сегодня ходят слухи, якобы из контр-разведочного бюро, что Вильгельм⁴ отдал приказ взять Петроград. Предполагается удар на Двинск и на Нарву с моря.

Говорят, что, в случае успеха немцев, Англия объявит войну России.

Говорят об эвакуации, но будет ли она и удастся ли – вопрос.

Я свез в Академию Наук все материалы о Ч<ернышевском>. У меня остались портреты и часть рукописи «Отблески сияния»⁵, которую я спешу переписать, но не знаю, успею ли – это адский труд, от которого можно ослепнуть, а у меня глаза и без того шалют.

Я готов к смерти и думаю, что она не за горами... Семью конечно жаль, но свет не без добрых людей: быть может даже и в это смутное время они найдутся. А не найдутся – ну что ж! Воля Божия...

Последние годы своей жизни я употреблял на то, чтобы наверстать то, что было потеряно в молодости, хотя и в молодости особенно плохого ничего не было. Только я не мог принимать участия в общественных делах, будучи эклектиком с юных лет.

Все-таки, все что я мог сделать для памяти моего отца, я сделал и сделал тщательно и добросовестно. О труде моем может дать понятие хотя бы одно количество написанного моею рукою (все – в Академии Наук у Евгения Александровича Ляцкого⁶). С текущею перепискою рукописи «Отблески сияния», кажется, завершается мой труд и я могу умереть со спокойною совестью – все что мог – сделал и счастлив тем, что «тут и моего хоть капля меду есть».

Саратов. Дневник с 20 апреля 1919 <года>

...В конце концов я решил поехать в Саратов. Служба моя кончалась⁷, новые занятия не налаживались (хотя и были возможны), силы падали, дороговизна и условия жизни делали почти невозможным дальнейшее пребывание в Петербурге. К тому же представлялся случай поехать с одним инженером в служебном вагоне без пересадки, прямо из Петербурга до Саратова. Упускать такой случай при настоящей железнодорожной разрухе – было прямо неблагоприятно. Я мог бы прожить в Петербурге еще до осени, но к тому времени условия передвижения могли ухудшиться настолько, что я уже был бы не в силах воспользоваться ими. А оставаться в Петербурге на зиму, при постоянном риске остаться без топлива, света и воды и при все возрастающей дороговизне – было прямо невозможно. Положим, что и в Саратове условия жизни сильно ухудшились, но все таки там и семья и то, что состав-

ляет заботу последних дней моей жизни – устройство музея памяти моего отца. Главное, что удерживало меня в Петербурге – это боязнь сесть семье на шею и жить паразитом на ее счет <...> Но с другой стороны около месяца я мог бы прожить на остатки своего жалования, а потом надеялся найти и в Саратове какое-нибудь платное занятие. Итак, я решил ехать в Саратов, с тем, чтобы кончить там свои дни – мне хочется быть похороненным если и не совсем рядом, то все-таки недалеко от моего отца. Мне даже кажется, что я должен умереть 17 октября этого года, в день его смерти – в этот день мне будет столько же лет, сколько и ему тогда.

Я приехал в Саратов под самую Пасху. Погода была чудная и теплая. Волга только что вскрылась и можно было наблюдать интересную картину – ледоход при жаре 35° на солнце. Вечером и утром температура понижалась до 14–15 градусов, но днем можно было ходить в одной рубашке.

Дом я нашел в страшном запущении. Двор завален бревнами и досками, новыми и старыми от сломанной кухни, и в такой грязи, что мое хозяйское сердце не выдержало – вооружился метлою и первым делом вымел весь громадный наш двор, который не мели, вероятно, уже несколько лет. На это ушло целых два дня – в один день невозможно было все кончить <...>

Работа по устройству музея ограничилась пока лишь тем, что сломали полусгнившую кухню на дворе, в которой жил много лет почтальон Венедикт, исправлявший в свободное время обязанности дворника, и привезли небольшое количество бревен и досок. При мне их сложили порядком в одну кучу, а то все было разбросано кое-как по всему двору <...>

На доме красуется вывеска «Музей имени Н.Г.Чернышевского». Каждый день приходит народ осматривать этот музей и каждый день приходится всем объяснять, что Музей будет устроен лишь после ремонта дома, который до такой степени пришел в ветхость, что не допускает устройство Музея без приведения его в приличное состояние. Ремонт дома находится в ведении Губернского Отдела Народного Образования или «Губотнароба» по новейшей терминологии. Ремонт продвигается чрезвычайно медленно и едва ли будет закончен в настоящем году. Кто в этом виноват – трудно сказать. Вернее всего, что общая разруха, отсутствие единства действий разных органов и планомерности работ <...>

26 мая [1919 года].

Погода пасмурная, 12 градусов, ветер тише, барометр немного поднимается. Всю ночь клопы заедали. Ходят слухи, что Петербург занят и что об этом кто-то уже сегодня читал в газетах. Ходил по городу, читал газеты, но ничего подобного не нашел⁸. Колю⁹ забрали в солдаты – кто-то тянул за него жребий и приходится идти «добровольцем». Завтра должен он отправляться в Солдатскую Слободку, где узнает свою дальнейшую участь. Деньги все выходят, новых все еще не присылают, с местом все еще вопрос остается где-то в облаках – никакого уведомления, положение делается более чем серьезное. Думаю созвать домашний совет и внести вопрос о том, как быть дальше. А пока, весь этот месяц я поил и кормил весь дом и, кажется, слишком уже роскошно. Я признаться думал, что Нина¹⁰ и Гуревич¹¹ платят Ел<ене> Матве-

евне¹² гораздо больше, но по справке оказалось, что они (в особенности Гуревич) гораздо «умнее», чем я думал, а между тем мы можем существовать только при системе домашней коммуны, где каждый будет участвовать в общих расходах.

4 июня [1919 года] среда

... Во вторник застал, наконец, Спирина. Оказывается он в Москву так и не ездил, а смета у него и предварительная бумага к ней от Губотнароба тоже у него, бумага от 4 апреля!! А сегодня 4 июня – ровно 2 месяца смета лежит не отправленная в Москву. Прочитал Спирина нотацию по этому поводу, говорил в очень спокойном и мягком тоне и боюсь, что он не понял всего яда моих спокойных слов. Вот и делай дела с такими тупыми головами! Потеряно 2 месяца строительного сезона и будет потерян минимум еще месяц на утверждение сметы. Это прямо преступление со стороны Спирина. А он едва ли это понимает. Говорит, что через три дня поедет в Москву. Если не поедет, придется ехать самому, а Спирина почему-то этого не хочет. Тут зарыта какая-то собака. Прямо возмутительно.

7 июня [1919 года].

День жаркий. Ходил на базар – овощи, пшено и яйца – 315р<ублей>. Собирался было поехать в Москву с Бенешевичем¹³ (начальником дороги), но в его вагоне уже не было места. Елена говорила, что будто бы Спирина проговорился, что ездил в Москву (а мне он сказал, что не ездил), что Луначарский¹⁴ не принял от него сметы т.к. он ему лицо неизвестное, и не стал с ним разговаривать, а Спирина поднес Луначарскому свое стихотворение. Этим и ограничились результаты поездки Спирина в Москву по делам Музея. Это надо выяснить. Если это правда (чему я впрочем пока еще не верю), то роль Спирина является крайне подозрительной. Он все время толкует о каком-то Отделе Искусств, который принимает якобы горячее участие в деле Музея, а однако я здесь уже 1½ месяца и не видел ни одного представителя этого Отдела, а ведь могли бы зайти и поинтересоваться и переговорить со мною.

<12 октября 1919 года>.

Раздел 1.01 В ГОРИСПОЛКОМ

30 окт<ября> (17 окт<ября> стар<ого> стиля) исполняется 30 лет со дня смерти в Саратове знаменитого писателя борца за свободу Николая Гавриловича Чернышевского. Чернышевский родился и жил в молодости в Саратове в том самом доме¹⁵, который пожертвован народу сыном этого писателя под устройство музея памяти Н.Г.Чернышевского. Этот дом – реликвия представляет собой исторический памятник, который признано необходимым сохранить во всей его неприкосновенности, но капитальный ремонт его задержан пока по разным случайным обстоятельствам. В этом доме живет в настоящее время со своею семьею сын Чернышевского Михаил Николаевич, который выбивается из сил, изнемогая от бремени уже почти непосильных для его возраста (62⁰⁰ год) житейских забот и невзгод. Он так много сделал в своей жизни для увековечения памяти своего отца, что по справедливости заслуживает поддержки наравне с домом, а между тем, за неокончением ремонта

дома его семье предстоит остаться этой зимой и без воды, и без отопления, и без свету.

Поэтому, ко дню 30 Октября было бы вполне уместно привести этот дом-реликвию хотя бы в мало-мальски приличный вид, а для этого прежде всего надо:

- 1) Прибить на лицевой фасад дома уже готовую (в Губотнаробе) мраморную доску с надписью: «В этом доме родился и жил в молодости Николай Гаврилович Чернышевский».
- 2) Укрепить забор со стороны Гимназической ул<ицы> - забор накрепился настолько, что угрожает при падении жизни прохожих, в особенности детей.
- 3) Прочистить дымовые трубы, т.к. были уже случаи воспламенения сажи, что угрожает пожаром всему дому.
- 4) Очистить ямы отхожего места. Ямы переполнены настолько, что находясь на пригорке угрожает залить весь двор вонючими нечистотами.
- 5) Провести в дом водопровод. – После сломки кухни надворного флигеля, где помещался водопровод, трубы остались на дворе на открытом месте и зимою конечно замерзнут.
- 6) Вставить в некоторые рамы выбитые ветром стекла и укрепить на зиму сами рамы.
- 7) Снабдить дом и флигель дровами на 7 печей.
- 8) Дать хотя бы сколько-нибудь керосину для освещения.
- и 9) Вообще принять меры для ускорения капитального ремонта дома, без которого невозможно и устройство самого музея.

По поводу этого последнего пункта позволяю себе высказать некоторые свои соображения: медленность в работах быть может можно объяснить, между прочим, тем, что музей Чернышевского до сих пор не причислен официально ни к какому отделу: он мог бы быть причислен к Отделу Искусств, но собственно говоря «Музей» пока еще фактически не существует и речь идет прежде всего о ремонте дома. Мог бы заняться этим делом Горотнароб. Таким образом дом Чернышевского можно уподобить подкинутому ребенку, за которым как-то случайно ухаживают несколько случайных нянек вместо одной настоящей. А народная мудрость говорит, что у семи нянек дитя без глаз. Очень много времени ушло на составление сметы (в Губотнаробе), отсылку ее и утверждения в центре. В настоящее время, как я слышала, все формальности наконец выполнены, смета утверждена и на днях ожидается получение денег. Но строительный сезон уже потерян и семье Чернышевского придется зимовать в доме, лишенных самых необходимых удобств.

Елиз<авета> Ник<олаевна> Григорьева¹⁶.

· 6 декабря 1919 года ·

Раздел 1.02 В Горисполком

Семья знаменитого писателя, борца за свободу Н.Г.Чернышевского живет в особо тяжелых условиях из-за неосуществления давно уже решенного

вопроса о капитальном ремонте дома, пришедшего в полный упадок; живет впроголодь и проголодь <...> Из-за разбитых окон тепло в комнатах не держится: у меня в комнате температура от 2 до 4 градусов. К этому присоединяется полное отсутствие какого бы то ни было способа освещения.

Я не имею до сих пор никакого повода сомневаться в полном уважении к заслугам и памяти моего отца со стороны Советской власти. Результатом этого уважения было бы придти по возможности на помощь и облегчение столь тяжелой жизни моей семьи, хотя бы, например, в смысле предоставления керосина для возможности заниматься по вечерам <...> Не могу работать и прошу дать керосину для освещения. Мы живем в музее имени Н.Г.Чернышевского (улица Чернышевского, 47), где 6 комнат, в которых иногда, только на несколько минут зажигается маленькая лампадка, а большинство времени проводится в полной темноте¹⁷.

Михаил Чернышевский.

3 мая <1920 года>

Всю зиму не записывал ничего: С наступлением холодов руки настолько замерзли, что даже писать было трудно. Зима была ужасная, пока некогда описывать, опишу потом, а теперь возобновляю запись с мая 1920 <года>.

3 мая был у Ребельского, нового заведывающего внешкольным Отделом Губотнароба. Перед этим почву у него подготовили Пиксанов¹⁸ и Соколов¹⁹, прием был очень сочувственный, обещал все сделать и после завтра прислать водопроводчика для исправки водопровода. – 2 мая написал письмо Бонч-Бруевичу²⁰.

<1920 год>

<...> Весною 1919 г<ода>, т.е. с февраля по апрель было приступлено к ремонту дома: был привезен строительный материал, явились рабочие и сломали флигель. Я надеялся, что работа и дальше пойдет так же успешно, но в это время произошло какое-то обстоятельство, выяснить которое мне так и не удалось, но работы вдруг приостановились и вот уже ровно год как стоят на мертвой точке. Заведовавший ремонтом инженер <...> заявлял мне в мае 1919 г<ода>, что «он теперь палец о палец не ударит для Музея, потому что кредита нет, а Государственный Контроль не пропускает ни одной копейки». А между тем смета, составлявшаяся с августа 1918 г<ода>, была готова только к апрелю 1919 г<ода>, а на утверждение в Москву была послана только в июне и утверждена там лишь 17 сент<ября> в сумме 257 <тысяч> с зачетом выданных ранее 50 <тысяч>.

6/VIII <1920 года> пятница

К 10½ у<тра> пошел в Кремль, Потешный дворец – к А.В.Луначарскому, который принял меня около 12 ч<асов> очень приветливо. Я подал ему докладную записку и проект Положения о Музее, и он тотчас же продиктовал бумагу в Наркомпрос и в Совнарком о внесении этого вопроса в Коллегию Наркомпроса и в Совнарком, о причислении Музея к Отделу Музеев, об ассигновании на нужды Музея до конца года впредь до предоставления общей сметы, 1 млн. руб<лей> на ремонт (рамы и электричест-

во) и дрова. Назначил мне персональный оклад в 15 т<ысяч> и дал бумажку в Саратовский Губпродком о выдаче мне усиленного (академического) пайка.

4/IX 1920 год суббота

<...> Поезд пришел вовремя без опоздания в 11 ч<асов> утра²¹. Сдав вещи на хранение, пошел прямо в Кремль к Фотиевой²², но т.к. у меня не было пропуска в Кремль, то мне посоветовали переговорить с нею по телефону. Не могли дозвониться. Пошел в Наркомпрос и там меня прямо убили, оказывается, что все, что было сделано 3 недели тому назад и что я считал окончательно сделанным, все это осталось лежать до возвращения Луначарского из его поездки на юг. А вернется от через 2 недели. Кроме того, в Коллегии Наркомпроса решили отнести Музей не к Отделу Музеев, а к Научному Сектору, а у меня уже было все налажено с Отделом Музеев и там все такие милые и симпатичные люди. И там я уже составил и смету, и записку, и проч<ее>.

Теперь придется все переключать и начинать сначала. А насчет жалованья послана бумага в Наркомтруд и оттуда никакого ответа. – Хотел переговорить с Фотиевой по телефону, но опять не дозвонился, взял разрешение на пропуск и пошел опять в Кремль. К счастью, застал ее дома. Но она уже собиралась уходить и не могла долго разговаривать. Но – опять очень неутешительно – говорит, что Ленин не получал письмо от Горького²³. Может быть, Ленин передал этот вопрос не ей, Фотиевой, а кому-нибудь другому, она справится, а спросить самого Ленина нельзя, т.к. он уехал и вернется только во вторник. Во всяком случае она узнает, и напишет мне об этом. – Оставил ей памятную записку и Саратовский адрес.

25/IX - 1920 год суббота

Сегодня утром опять дождь. Платье и сапоги не совсем еще просохли, но пришлось одеть <...> ушел с боязнью, что не застану в Отделе Музеев Иванова. Но застал и переговорил, он сомневается, что из 1 м<иллиона> Контроль разрешил выдачу аванса. От Иванова пошел в Столешников в столовую, пообедал и к Лещенко²⁴, но не застал его и отправился опять в Отдел Музеев к Машковцеву²⁵, который встретил меня словами: «Читали декрет сегодня?» - Какой декрет? – «Да о Музее Чернышевского». – Оказывается, что в сегодняшнем № Известий (№213, 25/IX 1920) уж опубликован декрет Совнаркома об национализации Музея и об отпуске ему 1 м<иллиона> рублей <...>, а в Коллегию Отдела Музеев внесено [предложение] об утверждении штата сотрудников Музея. – Пошел оттуда в Наркомпрос, где попросил написать бумажку Саратовскому Губотнаробу об оказании мне, всякого содействия. Хотел переговорить с Гринбергом²⁶ о возможности получить аванс в счет 1 м<иллиона> рублей, но тот был очень занят, так что приходится отложить до понедельника.

11/I 1921 года

От Губтопа²⁷ получил разрешение на 1 куб. хворосту. Просил у Губотнароба ½ саж<ени> дров – Елифанов отказал – («вы получили ½ саж<ени> 2 нед<ели> тому назад, а кроме того получаете дрова из Губтопа»). Не дрова, а хворост, хворостом весь дом не отопить. «Все равно. Дров нет»). За хво-

ростом придется ехать в лес и собирать его. За лошадьми надо обращаться опять таки к Епифанову, не знаю, скоро ли даст – это совершенно невозможный человек. Просто не знаю, что делать с дровами – или совсем не дают, или по чайной ложке через 2 часа. Дали паек, а сварить не на чем. Со стороны местных властей вместо поддержки одни только придирки. Начинается упадок духа, не знаю – выдержу ли. Ни Чернышевским, ни Музеем никто не интересуется и не ценит, все (из имеющих власть) смотрят на музей как на какое-то ничемное занятие, стоящее на последнем месте, а семью Чернышевского прямо не признают и не желают оказывать ни поддержки, ни льгот. А покупать дрова на базаре нет возможностей: одно полено стоит 400 рублей, а для русской печки, напр<имер> надо 10-12 пол<ен>, да для других печей, тысяч на двадцать в один день надо. Попробую съездить в Москву, м<ожет> б<ыть> там помогут, а если не помогут и там, то уже не знаю, что и делать, а без дров зимою все равно что без хлеба. Страшно волнуюсь, не могу спать, страшное сердцебиение, силы падают, рука все более немеет, пальцы еле сгибаются и больно, едва могу держать в руке что-нибудь тяжелое, а приходится целый день раскалывать поленья на мелкие щепки, иначе не горят – совсем мокрые. Сегодня вдруг сделалась оттепель (3 град<уса> тепла), сильный ветер, скользко, еле-еле на ногах держишься. Угол крыши оторвало, боюсь как бы не снесло ветром, надо бы приколотить, а достать до крыши нельзя – лестницы нет; была, а приехали <...> за досками и взяли не только доски, но и лестницу распилили пополам и хотели увезти, да уже мы не дали, а все таки лестница хоть и осталась, но коротка. Был в Политпросвете, говорил с Левиной о положении Музея и дома, обещала поговорить с Епифановым о дровах. – Заходил в Р<абоче> К<рестьянскую> И<нспекцию>, действует ли декрет о бесплатном отпуске топлива, оказывается нет еще. Говорил и о 108 т<ысячах рублей>. Советует нажимать на Губотнароб.

4/II.1921 <года>.

Сегодня прибыл в Саратов Луначарский и я с 12 до 3½ [часов] стоял в Губотнаробе на лестнице, ожидая его выхода. Наконец дождался и на ходу поздоровался и сказал: «Анатолий Васильевич, не найдете ли возможным уделить хоть несколько минут на осмотр Музея Чернышевского?» – Шедший рядом с ним секретарь его <...> грубо перебил меня и не дав ответить Луначарскому, закричал: «Ни одной минуты, товарищ, нет свободной, мы завтра уезжаем!» Тогда Луначарский смиренным, полупросящим тоном заметил ему: «А может быть мы и успеем на минуту заехать завтра утром?» – «Ну, может быть, завтра утром часов в 10, вы будете дома?» – «Да, когда угодно – я хоть весь день буду дома». – «Ну, хорошо, так может быть, завтра». – Я отдал ему заготовленную мною памятную записку для Луначарского, а Луначарский, продолжая спускаться с лестницы, кому-то сказал: «Как же, мы с товарищем Чернышевским знакомы, много раз встречались, надо будет заехать».

5/II.1921 <года>.

<...> Теперь уже 1-ый час, а Луначарского все нет и, очевидно, уже он и не придёт. Вообще вчерашняя встреча произвела на меня такое впечатление, как будто его водит какой-то импресарио, подобно оперным знаменитостям.

на гастроли. и сам он не смеет распоряжаться своим временем по собственному желанию <...>

5/III 1922 - года .

Во вторник 28/II был у Ребельского, навести справку, совсем ли пропало дело с электричеством или есть еще надежда на проведение его. Ребельский опять уверял меня самым категорическим образом, что электричество будет и что он дает мне честное слово, что завтра уже он покончит с этим делом. Однако до сих пор – монтеры не являются, а между тем цены на все продолжают расти не по дням, а по часам. Месяц тому назад, когда прекратили работу по электричеству, не хватало около 2 млн., а теперь, вероятно, уже нужно около 4 млн. – Хлеб вчера был по 90.000 <рублей> за 1 фунт.

20/III. 1922 <года>.

Прошло 2 недели, а об электричестве ни слуху, ни духу. Вероятно, ничего не выйдет. <...> С жалованьем опять задержка – даже еще за декабрь не получили полностью, а уже скоро и апрель <...>

Настроение духа опять стало отвратительное. Был у Чернова²⁸ и отводил у него душу. Он хотел на днях придти и лично ознакомиться с содержанием Музея, чтобы быть в курсе после моей смерти. Совсем теряю надежду на ремонт и на устройство Музея. Раскаиваюсь, что задумал это и привез все из Петербурга. Боюсь, что после моей смерти все погибнет. Незачем было и огород городить. Не знаю, что теперь и делать. Денег у правительства очевидно нет, не хватает даже и на самое необходимое, жалованье не уплачивается за несколько месяцев, строить очевидно ничего невозможно. Даже не знаю можно ли думать и о новых рамах, но для этого нужно ехать в Москву, а ехать не на что, т.е. главным образом, чтобы прожить в Москве, теперь каждый день в Москве обойдется в 399-400 тысяч если не больше, т.е. на месяц надо миллионов 12-15, а меньше чем в месяц ничего не сделаешь.

Москва - 27 пятница <июль, 1923 год>

Отправился было в Моссовет к Каменеву²⁹, но его нет, не принимает и скоро уезжает в отпуск. Добился к его секретарю – Музыкину, причем ошибся лестницей и пришел таким ходом, каким не полагается, но ничего благополучно – не выставили <...> Оставил Музыкину визитную карточку с просьбой передать Каменеву. Музыкин обещал дать знать по телефону.

30 понедельник июль, 1923 год.

От Музыкина все нет звонка, не знаю, что и делать. Поехал к Музыкину. В дежурной сказали, что Каменев здесь, а Музыкин сказал, что Каменев как уехал в пятницу, так и возвратился только сегодня и сейчас же уехал в Совнарком, так что он не успел доложить ему. Просил позвонить ему в 4-5 часов. <...> Пришел домой и начал с 4½ <часов> звонить по телефону – телефон все занят, звонил через каждые 2 минуты, наконец, к 5 часам дозвонился – все еще не доложил, просил позвонить в 6 ч<асов>. Около 6 ч<асов> звонил несколько раз, так и не дозвонился. Придется завтра опять заехать к нему. Тут что-то неладно – доложить и подать мою карточку – это дело нескольких минут, а не нескольких дней. Неужели Каменев не желает принять меня и

Музыкин не решается сказать мне это прямо? Завтра уже неделя как я в Москве и все без толку <...>.

3 пятница <июль, 1923 год>

Пошел к 12 ч<асам> к Музыкину, но его еще не было, ждал до 1 часу, пришел и объявил, что сегодня Каменев не будет принимать. Я начал его упрощать, нельзя ли как-нибудь сегодня, а то ведь три дня пропадают – до вторника. Наконец, он сказал, что в 5 - ч<асов> у Каменева заседание и что может быть, если я не больше 10 минут займу, Каменев согласится принять меня перед заседанием. В 5 ч<асов> приехал Каменев, принял и велел внести вопрос о 10 тысячах в ближайшее заседание Совнаркома.

11/X.1923 <года>.

Ремонт продолжается, но как всегда, то того, то другого не хватает и работа приостанавливается. За все лето выстроили только сарай (<...>большой и хороший, с ледниками), да и то не кончили, а кухню в Пып<инском> доме¹⁰ довели только до зимы до крыши. по всей вероятности все будущее лето будут продолжать ремонт и кухню Пыпинского дома, так что к Музею можно будет приступить только будущей осенью. – Недели три тому назад пришла бумага из центра о назначении мне персональной пенсии в размере ставки ответственного работника 17 разряда <...>

12/1.1924 <года>.

Строительные работы кончились. Пыпинский дом заколотили со всех сторон, оставили только одну дверь, через которую входит и выходит ночной сторож Степан Федорович Евлентьев, который остался караульщиком на зиму <...> Новый сарай населили козы и куры, погреба оказались отличные и картошка чувствует себя там великолепно. Теперь меня только беспокоят два вопроса – 1) возобновятся ли весной строительные работы? По отчетам видно, что израсходовано 9,5 <тысяч рублей>, а всего было 300.000 р<ублей> совз<наков> + 10 т<ысяч> зол<отом>, хотя по моему расчету должно было быть вместо 300.000 совз<наков> - 10 - 12 т<ысяч> зол<отом>, следовательно всего 20 - 22 т<ысячи> зол<отом>, но бухгалтерия не перевела своевременно 300 т<ысяч> в золото и в течение полугода на них можно было сделать только часть забора. Если будет признано это правильным, то значит на весну остается всего лишь около 500 руб<лей> зол<отом>, а на окончание Пыпинского дома, а также на ремонт флигеля и на канализацию нужно около 5 т<ысяч> зол<отом>. Чего доброго произойдет большая задержка с деньгами и может быть это лето даже и не будут работать. Пока, впрочем, еще ничего определенного сказать нельзя, но я приготовился даже и к такому печальному концу, который все-таки меня очень удручает. 2) Дело с Госиздатом до сих пор на мертвой точке вот уже целый год. Верочка¹¹ писала (со слов Щеголева)¹², что дела Госиздата сильно пошатнулись. Чего доброго и тут придется поставить на всех крест. Очень и очень все это печально.

6 апр еля 1924, года

Опять долго не записывал. все как-то некогда, или лень от усталости. Собираюсь ехать в Москву. В конце марта был тут Б.М.Соколов и предложил мне прочитать 2-3 лекции о Чернышевском в Москве и вот вчера пришла те-

леграмма с предложением приехать от Академии Художественных Наук¹³. Кстати, буду хлопотать и об отпуске средств на продолжение ремонта. Весь март прохворал – страшные схватки в животе, адская боль, потом озноб и жар. Просто хоть ничего не ешь. Теперь полегчало, но временами все-таки возобновляется <...> Вот она, настоящая старость, пора, видно, очищать свет от своего присутствия¹⁴.

¹ Подробнее об этом см.: Чернышевская Н.М. Семья Н.Г.Чернышевского. Саратов. 1980. С.80-142.

² См.: Чернышевская Н.М. Указ.соч.; Смирнова В.В. Из «дневника» М.Н.Чернышевского // Пропагандист великого наследия. Вып.1. С.74-78; Пузанкова И.В. Так это все начиналось... // Коммунист. 29 сентября 1990г. С.3.

³ Речь идет не только о сложной ситуации, сложившейся внутри страны, но и о военных неудачах России в I мировой войне (1914-1918).

⁴ Вильгельм II (1859-1941) – германский император и прусский король (1888-1918); активно способствовал развязыванию I мировой войны.

⁵ Роман «Отблески сияния» был написан Н.Г.Чернышевским в 1882 году.

⁶ Ляцкий Евгений Александрович (1868-1942) – историк русской литературы, этнограф, один из первых биографов Н.Г.Чернышевского.

⁷ В дореволюционный период М.Н.Чернышевский работал в департаменте железнодорожных дел.

⁸ Контрреволюционные силы в мае 1919 года начали наступление на Петроград. Войска генерала Юденича подступили к самому городу, но в конце августа 1919 года были отброшены к эстонской границе. Нависшая над Петроградом угроза была ликвидирована.

⁹ Чернышевский Николай Михайлович, сын М.Н.Чернышевского.

¹⁰ Чернышевская Пина Михайловна (1896-1976) – дочь М.Н.Чернышевского. В течение 50-лет после смерти отца была бессменным директором Дома-музея Н.Г.Чернышевского.

¹¹ Гуревич Виктор – муж Елены Михайловны Чернышевской.

¹² Чернышевская Елена Матвеевна (1864-1940) – жена М.Н.Чернышевского.

¹³ Бенешевич Иван Иванович – бывший служащий Рязано-Уральской железной дороги.

¹⁴ Луначарский Анатолий Васильевич (1876-1933) – советский государственный и партийный деятель, литератор. С октября 1917 по 1929 годы Нарком просвещения РСФСР.

¹⁵ Постройка дома закончилась в 1826 году, а 24 июля (12 июля по старому стилю) 1828 года в нем родился Н.Г.Чернышевский.

¹⁶ Григорьева Елизавета Николаевна – знакомая О.С.Чернышевской. Неоднократно просила М.Н. Чернышевского писать от ее имени разные заявления, письма, которые потом переладала в Губисполком.

¹⁷ Дополнительные акценты в показ как подлинных поистине драматических реалий создания музея, так и раскрытие сокровенных мыслей М.Н.Чернышевского, которые он не мог высказать вслух, вносит впервые публикуемый документ с примечаниями на обороте автора «Дневника»:

«Я получил сей чудный талисман
Что вместо дворника для дома дан
Пусть по почам громил он устрашает

И дом заветный охраняет»

Такую примечательную запись в стихотворной форме 16 марта 1920 года сделал Михаил Николаевич со следующими пояснениями: «До осени 1919 г.<ода>, – писал он, – я тщетно добивался получить для новых работ (и для охраны дома от ночных набегов) дворника и ночного сторожа. Через 7 месяцев моих хлопот получил это удостоверение (от 13 марта 1920 года). «Настоящее удостоверение выдано от Секции музеев и охраны памятников искусств и старины при Губернском Отделе Народного Образования в том, что дом №47, находящийся на у.<глу> ул.<иш> Чернышевского и Гимназической, как исторический памятник <...> – находится под охраной Советской власти и никакие поломки как самого дома, так и окружающих его строений и заборов безусловно недопустимы, а лица, виновные в них, будут привлечены к законной ответственности» (Саратовский обл. Музей Краеведения. Оп.1. Ед.хр.1. Материалы и положения об организации Дома-Музея Н.Г.Чернышевского. Переписка по ремонту и протоколы комиссий, сметы на постройку памятника Н.Г.Чернышевского. С 1918 по 1926 годы. Л.2-2об.).

¹⁸ Пиксанов Николай Кириянович (1878-1969) – русский историк отечественной культуры, литературовед. Чл.-корр.АН СССР (с 1931года), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1957г.). Родоначальник изучения областных культурных центров XVIII-XIX вв. С 1917 по 1921 годы – профессор кафедры русской литературы Саратовского университета.

¹⁹ Соколов Борис Матвеевич (1889-1930) – российский этнограф, литературовед. С 1919 по 1923 годы – профессор кафедры русской литературы Саратовского университета.

²⁰ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873-1955) – советский государственный и партийный деятель, этнограф, литературовед. В 1917-20 годы управляющий делами Совнаркома.

²¹ Автор имеет в виду свой приезд из Петрограда в Москву.

²² Фотиева Лидия Александровна (1881-1975), участник революционного движения в России. С марта 1918 года была личным секретарем В.И.Ленина.

²³ Еще в 1908 году М.Горький предложил государству выкупить дом у наследников Н.Г.Чернышевского и создать в нем музей писателя.

²⁴ Лещенко (Шатов) Дмитрий Ильич (1876-1937) – участник революционного движения в России. После Октябрьской революции Секретарь Наркомпроса.

²⁵ Машковцев Николай Егорович (1883-1962) – историк живописи, чл.-корр. Академии художеств.

²⁶ Гринберг Захар Григорьевич (1889-1949) – советский государственный деятель; после Октябрьской революции комиссар Петроградского учебного округа, член Государственной комиссии по народному образованию, в 1920-21 годы член коллегии Наркомпроса.

²⁷ Губтоп – Губернский топливный Отдел.

²⁸ Чернов Сергей Николаевич (1887-1942) – историк, исследователь освободительного движения в России. С 1917 года приват-доцент (с 1918 года – профессор) Саратовского университета.

²⁹ Каменев Лев Борисович (1883-1936) – политический деятель. С ноября 1917 года председатель ВЦИК, в 1918-26 годы председатель Моссовета; в 1923-26 годы заместитель председателя СНК.

³⁰ Дом Пыпиных был приобретен делом Н.Г.Чернышевского, священником Сергиевской церкви Г.И.Голубевым с аукционного торга у саратовского купца

И А.Трумницкого по купчей, совершенной 22 ноября 1801 года. Из зданий, находящихся на усадьбе музея, наиболее старое – Пыпинский дом.

⁴¹ Пыпина Вера Александровна (1864-1930) – старшая дочь А.Н.Пыпина, сыграла немаловажную роль в создании музея.

⁴² Щеголев Павел Елисеевич (1877-1931) – историк и литературовед. В 1918-1926 годы редактор журнала «Былое», один из основателей Музея Революции в Ленинграде.

⁴³ Во время своей последней поездки в Москву М.Н.Чернышевский планировал сделать доклад о книге В.А.Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского».

⁴⁴ М.Н.Чернышевский скончался 3 мая 1924 года в Москве. Похоронен в Саратове рядом с могилой отца.

Е.Н.ПАКАЛИНА

МАТЕРИАЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОНДАХ МУЗЕЯ

Для музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского традицией стали выставки, посвященные деятельности этого единственного музея в городе, работавшего в годы войны.

В 1995 году была развернута выставка, заслуживающая особого внимания. Ее авторы попытались всесторонне осветить жизнь музея в 1941-1945 годы. В одном из разделов выставочного комплекса была воспроизведена часть экспозиции, существовавшей в этот период. Другие разделы рассказывали о том, чем жил музей, кто работали в нем, что делали, с какими трудностями им пришлось сталкиваться, как изменился характер деятельности музея в связи с началом войны и приближением фронта к Саратову.

В фондах сохранилась богатейшая коллекция, которая послужила основой для выставки. В целом она оставляет несколько сотен музейных предметов и документов.

Прежде всего, это документы деятельности самого музея и его сотрудников, которых было немного: директор Нина Михайловна Чернышевская – внучка Н.Г.Чернышевского, заместитель директора по научной работе, профессор ЛГУ Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, экскурсовод Полина Александровна Супоницкая, известные фотографы Александр и Виктор Леонтьевы, художник Е.Ф.Тимофеев. Некоторые из них работали в музее лишь небольшой период времени, но все они оставили в его истории заметный след. В научном архиве хранятся их личные дела, отчеты и

другие документы. Богатый материал предоставляет книга отзывов посетителей.

Основная часть документального раздела коллекции, являющегося, безусловно, приоритетным для музея, была сформирована при участии Н.М.Чернышевской: ее дневниковые записи, блокноты, воспоминания, обширная переписка, в том числе с фронтовиками, черновики ее научно-исследовательских трудов. Эти материалы передавались в фонды в течение всей жизни Нины Михайловны, а после ее смерти музеем был завещан ее огромный личный архив. В этом немаловажную роль сыграла Вера Самсоновна Чернышевская, которая передала в музей в 1980 году архив своей матери. В дальнейшем многие интересные материалы оказались в составе коллекции также благодаря ей.

Фотографии тех лет поступили в музей в основном благодаря работе замечательных фотографов, мастеров своего дела - братьев А.В. и В.В. Леонтьевых, В.П.Боженко. Прошло полвека, а небольшие снимки продолжают восхищать нас образностью заснятых сюжетов и качеством изображения.

Рукописи, письма, газеты, сообщения Совинформбюро, редкие брошюры, плакаты были собраны и переданы в фонды сотрудниками музея и членами семьи Чернышевских. Некоторые материалы поступили от лиц, тесно связанных с музеем, и от посетителей музея.

Факты, содержащиеся в документах, письмах, газетах могут быть использованы учеными и студентами, преподавателями и писателями. На их основе можно создавать радиопередачи и журналистские очерки. Нужно учитывать, что «тревожные сороковые» неминуемо отдаляются от нас, очевидцев тех событий остается все меньше. И, чем дальше военные годы, тем ценнее становятся для нас пожелтевшие листки писем-треугольников, фотографий, газет, этих молчаливых свидетелей прошлого.

В данной статье перечислены лишь некоторые документы и материалы, наиболее ярко и образно, на наш взгляд, передающие атмосферу военных лет жизни музея.

Рукописи и документы

1. Чернышевская Н.М. Дом-музей Н.Г.Чернышевского в годы Отечественной войны. 1943 год (?). Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 17 x 20,7 см. Заметки в виде плана о различных фор-

мах деятельности музея. Подарена музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4296.

2. Лазерсон Б.И. План работы музея в военный период. Точная дата неизвестна. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 17,3 x 29,5 см. План делится на 4 раздела по видам работы музея. Черновые записи. Подарен музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4298.

3. Акт о списании коленкора, в который были упакованы музейные ценности во время налетов на Саратов немецкой авиации (сентябрь 1942 года и июнь 1943 года). 31 декабря 1944 года. Размер 21,4x15,1см. Акт написан профуполномоченным музея А.В. Леонтьевым, внизу стоят подписи его и дворника З.А.Гришина, а также круглая печать музея. В левом верхнем углу наложена резолюция Н.М.Чернышевской: «Бухг[алтерии]: Списать в расход. Директор Н.Чернышевская. 31/ХІІ 44г.». Передан в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/3009.

4. Чернышевская Н.М. Записки 1945 года. Рукопись. Бумага, чернила. 90 листов. Размер 27,5 x 19 см. Представляют собой дневниковые записи, которые позже Нина Михайловна называет «Записками лектора». Содержат рассказ о жизни музея в военный период, о лекторской работе в госпиталях, о личных встречах с фронтовиками и т.п. Переданы в составе архива семьи Чернышевских 11 июля 1993 года. №7347/2689.

5. Чернышевская Н.М. Расписание лекций вне музея по путевкам Волжского райкома на февраль 1944 года. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 27 x 17 см. Представляет собой график лекций сотрудников музея с указанием даты, места и времени лекции. Передано в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2976.

6. Путевка Н.М.Чернышевской на проведение чтения художественной литературы для раненых госпиталя №995¹. Без даты. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 15,4 x 7,1 см. Такие мероприятия назывались «читками», о чем свидетельствует надпись с заглавием документа. Написана Н.М.Чернышевской. Слева стоит штамп Дома-музея Н.Г. Чернышевского. Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2974.

7. Чернышевская Н.М. В Совинформбюро. 29 февраля 1944 года. Рукопись. Бумага, чернила. 4 листа. Краткие сведения об истории музея, о своей жизни и научной деятельности. В конце припис-

ка Н.М.Чернышевской: «9/III [1944г.] узнала от корреспондента «Правды» Самарина, что этот материал принят для печати в Вашингтон и Канаду. Н.Чернышевская». И внизу: «Это было передано в Международный женский день»². Передан в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2032.

8. Чернышевская Н.М. Приветственное письмо Ленинградскому университету. 24 февраля 1944 года. Рукопись. Бумага, чернила. 4 листа. Размер 19,5 x 26,5 см. Текст написан Н.М.Чернышевской с подписями сотрудников Дома-музея Н.Г.Чернышевского: Н.М.Чернышевской, В.Е.Евгеньева-Максимова, П.А.Супоницкой, З.А.Гришина. Листы сшиты нитками. На обороте последнего листа надпись Н.М.Чернышевской: «Этот адрес был наспех написан в последнюю минуту, п.[отому] ч.[то] заказанный не был принесен к сроку и был подан мне в то время, когда я уже сидела в президиуме и ждала своей очереди для выступления. Тот был составлен полнее и лучше и оформлен художественной виньеткой. А этот остался мне на память. 24/II-44». Передано в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/1990.

9. Книга отзывов Дома-музея Н.Г.Чернышевского. 10 января 1941 года – 14 октября 1946 года. Рукопись. Бумага, картон, ледерин, чернила. 40 листов. Размер 20,3 x 28,6 см. В твердом переплете. Дело №5. Опись №2 НА музея.

10. Чернышевская Н.М. Записная книжка-блокнот. 1943 - 1944 годы. Рукопись. Бумага, чернила, карандаш. 27 листов. Размер 7,7 x 12 см. Содержит краткие заметки о жизни музея. В зеленом бумажном переплете. Передана в составе архива семьи Чернышевских 11 июля 1993 года. №7347/1862.

11. Чернышевская Н.М. Записная книжка-блокнот. 28 ноября – 10 декабря 1944 года. Рукопись. Бумага, нитки, карандаш, чернила. 16 листов. Размер 11,2 x 18,6 см. Записи о поездке Н.М.Чернышевской в Москву. Передана в составе архива семьи Чернышевских 11 июля 1993 года. №7347/1864.

12. Чернышевская Н.М. Архивная практика студентов (запись в дневнике от 17 апреля 1945 года.). Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 19 x 28,3 см. Подробный рассказ о прохождении студентами архивной практики в Доме-музее Н.Г.Чернышевского. Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/314.

13. Головатый Ф.П.³ Отзыв о посещении Дома-музея Н.Г.Чернышевского 28 июня 1944 года. Рукопись. Бумага, чернила, карандаш. 1 лист. Размер 19,4 x 29,6 см. №887.

14. Чернышевская Н.М. Черновик письма в редакцию газеты «Красноармеец». 6 июня 1944 года. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 19 x 25,8 см. Передан в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2978.

15. Евгеньев-Максимов В.Е. Черновик афиши Дома-музея Н.Г.Чернышевского. 1944 год (?). Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 14,8 x 21,5 см. Содержит рукописные вставки Н.М.Чернышевской. Подарен музеем В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4297.

16. Афиша Дома-музея Н.Г.Чернышевского о приеме экскурсий в период Великой Отечественной войны. 1944 год (?). Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 43,7 x 31 см. С изображением Дома-музея Н.Г.Чернышевского (репродукция художника Выборнова в синих тонах). Содержит информацию о пополнении музея новыми экспонатами, о часах работы музея. Передана музею Н.М.Чернышевской в 1946 году. №1982.

17. Чернышевская Н.М. Записная книжка-блокнот. 1944 год. Рукопись. Бумага, нитки, ледерин, чернила, карандаш. 70 листов. Размер 9,5 x 14 см. Содержит краткие заметки о жизни автора и музея. На 1-м листе автограф К.Федина от 25 апреля 1944года. Имеет переплет темно-вишневого цвета. На его верхней крышке наклеен лист бумаги с надписью: «1944». Некоторые листы сшиты. Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/307.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

1. Письмо М.Н. Первушина от 23 мая 1944 года Н.М.Чернышевской с фронта в Саратов. Рукопись. Бумага, чернила. 2 листа. Размер 10,3 x 16,6 см. Со штампом военной цензуры. №4300/1.

2. Письмо М.Н. Первушина от 19 июля 1944 года Н.М.Чернышевской с фронта в Саратов. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 14,6 x 10,3 см. Написано на почтовой карточке с изображением военного плаката. Со штампом военной цензуры. №4300/2.

3. Письмо М.Н. Первушина от 20 июня 1944 года Н.М.Чернышевской с фронта в Саратов. Рукопись. Бумага, черни-

ла. 1 лист. Размер 14,7 x 18,2 см. Написано на бланке с изображением плаката. Со штампом военной цензуры. №4300/3.

4. Письмо М.Н. Первушина от 11 ноября 1944 года Н.М.Чернышевской из Германии в Саратов. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 13,5 x 19 см. Написано на бланке с выдержкой из приказа №95 И.В.Сталина от 22 февраля 1943 года. Со штампом военной цензуры. №4300/5.

5. Письмо Слободчикова (инициалы не указаны) от 22 сентября 1943 года с фронта в Дом-музей Н.Г.Чернышевского в Саратове. Рукопись. Бумага, чернила. 1 лист. Размер 16,7 x 20,9 см. Написано на листе, сложенном в виде треугольника. Со штампом военной цензуры. №4292.

6. Письмо М.И. Уколова от 27 сентября (год не указан) с фронта в Дом-музей Н.Г.Чернышевского в Саратове. Рукопись. Бумага, карандаш. 2 листа. Размер 16,8 x 20,2 см. Листы сложены в виде треугольника. Со штампом военной цензуры. №4293.

Все перечисленные письма подарены музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года.

7. Телеграмма из редакции газеты «Красноармеец» за подписью «Семенов» (инициалы не указаны) от 20 октября 1944 года Н.М.Чернышевской из Куйбышева в Саратов. Бумага. 1 лист. Размер 19,1 x 7,3 см. О высылке статьи о Н.Г.Чернышевском. Со штампом военной цензуры. Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2429.

ФОТОГРАФИИ

1. Экскурсия в годы войны. 1945 год (?). Фотобумага, чернила. Размер 8,1 x 11,1 см. Изображена большая группа школьников, преимущественно девочек, на ступенях лестницы Дома-музея Н.Г.Чернышевского. На обороте внизу надпись неустановленного лица: «Неизвестная экскурсия. 1945 ?». Ниже штамп: «Фот.[ография] А. и В. Леонтьевых». Из архива авторов. Время поступления точно не установлено. №10485 (НВФ).

2. Н.М.Чернышевская ведет экскурсию в годы войны. 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 16,8 x 11,5 см. Изображена Н.М.Чернышевская, которая проводит экскурсию по литературной части экспозиции музея. Рядом с ней стоят мужчина в солдатской форме и подросток. На обороте вверху надпись неизвестного лица: «Директор Дома-музея Н.Г.Чернышевского Н.М.Чернышевская в дни Великой Отечественной войны объясняет посетителям экспо-

зицию музея». Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2098.

3. Дом-музей Н.Г.Чернышевского. 1940 год. Фотобумага, чернила. Размер 11,5 x 8,6 см. Вид дома со двора зимой. На обороте надписи Н.М.Чернышевской: «Дом-музей Н.Г.Чернышевского. 1940г» и «Фото[графия] бр.[атьев] Леонтьевых». Приобретена у авторов в 1940 году. №1637.

4. Художник Е.Ф.Тимофеев дежурит на крыше Дома-музея Н.Г.Чернышевского. 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 16,8 x 12 см. Е.Ф.Тимофеев изображен сидящим на крыше музея с каминными щипцами в руках. На обороте в центре надпись неизвестного лица: «Художник Е.Ф.Тимофеев дежурит на крыше Дома-музея Н.Г.Чернышевского в дни фашистских налетов на г.Саратов». Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2100.

5. Бомбоубежище на территории Дома-музея Н.Г.Чернышевского. 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 16,9 x 11,5 см. На фотографии изображены две женщины и ребенок, стоящие у входа в бомбоубежище. На обороте сверху надпись неизвестного лица, идентичная названию фотографии⁴. Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2099.

6. Н.М.Чернышевская у входа в подвал, где хранились музейные предметы. 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 10,9 x 7,8 см. Нина Михайловна стоит около открытой двери в подвал, опираясь рукой на колонну Дома-музея. На обороте сверху надпись неизвестного лица: «Директор Дома-музея Н.М.Чернышевская у входа в подвал, где хранились музейные ценности. 1943г.». Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2103.

7. Сторож З.А.Гришин на огороде во дворе музея. Дата и автор фотографии неизвестны. Фотобумага, картон, карандаш. Размер 15,1 x 11,6 см. З.А.Гришин изображен около капустной грядки. На обороте сверху надпись неизвестного лица: «Подарена музею Верой Самсоновной Чернышевской. 19 января 1984 года». №4318.

8. Н.М.Чернышевская в госпитале №995 с ранеными. 1944 год. Фотобумага, чернила. Размер 17,3 x 11,9 см. Нина Михайловна стоит в белом халате между кроватями, на которых лежат трое раненых. На обороте сверху надпись В. С. Чернышевской: «Дальний у стены – украинец Шинкорук Д.В. Второй – белорус Кафтанов (инициалы не указаны) из Мин.[ской] обл.[асти]. Первый – украин-

нец. больной желтухой. Фот.[ография] А. и В. Леонтьевых». Внизу подпись Н.М. и В.С. Чернышевских. Подарена музею В.С. Чернышевской 19 января 1984 года. №4308.

9. Фронтовики на балконе мезонина Дома-музея слушают рассказ Н.М. Чернышевской. 1944 год. Фотобумага, карандаш. Размер 13,9 x 8,8 см. Нина Михайловна ведет рассказ, указывая рукой в сторону Волги, ее слушают трое мужчин в военной форме и девушка. На обороте вверху надпись В.С.Чернышевской: «Партизан, лейтенант; участники Брянского фронта, курсант Саратов.[овской] школы НКВД Гапиенко и студентка СГУ филфака Черникова Лидия Серг.[еевна]». Внизу подпись Н.М.Чернышевской. Автор неизвестен. Подарена музею Н.М.Чернышевской 1 августа 1967 года. №10743 (НВФ).

10. Сотрудники Дома-музея Н.Г.Чернышевского собирают посылку на фронт. 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 16,6 x 11,6 см. Около стола, на котором находится содержимое посылки, стоят слева направо: В.Е.Евгеньев-Максимов, П.А.Супоницкая, Н.М.Чернышевская. Все происходит в одной из комнат экспозиции музея. На обороте пояснительная надпись неизвестного лица. Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2101.

11. Капитан РККА записывает свои впечатления о музее в книгу отзывов. Год и автор неизвестны. Фотобумага, карандаш. Размер 6,5 x 5,7 см. На обороте пояснительная надпись неизвестного лица. Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/2973.

12. Ф.П.Головатый, Н.М. и В.С. Чернышевские возле Дома-музея Н.Г. Чернышевского. 1944 год. Фотобумага, бумага, чернила. Размер 11,7 x 8,9 см. Фотография наклеена на лист бумаги размером 19 x 14,2 см. Ф.П.Головатый стоит в профиль, а Н.М. и В.С.Чернышевские – в фас на фоне музея. На листе бумаги под снимком надпись Н.М.Чернышевской. Работа И.В.Парусова. Подарена музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4306.

13. Научные сотрудники Дома-музея Н.Г.Чернышевского за обсуждением нового плаката на тему: «Н.Г.Чернышевский и Н.А.Некрасов – великие патриоты земли русской». 1943 год. Фотобумага, чернила. Размер 16,9 x 11,7 см. Вокруг стола стоят слева направо: Н.М.Чернышевская, В.Е.Евгеньев-Максимов, П.А.Супоницкая, Е.Ф.Тимофеев. На обороте пояснительная над-

пись неизвестного лица. Работа В.П.Боженко. Приобретена у автора в 1943 году. №2104.

14. Известный литературовед, профессор ЛГУ Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (псевдоним, настоящая фамилия Максимов) в Доме-музее Н.Г.Чернышевского. 1944 год (?). Фото-бумага, картон, чернила. Размер 8,8 x 11,9 см. Наклеена на лист картона размером 8,9 x 11,9 см. В.Е.Евгеньев-Максимов сидит, левой рукой опираясь на витрину экспозиции, в правой руке он держит открытую книгу. На обороте пояснительная надпись В.С.Чернышевской. Работа В.П.Боженко (?). Подарена музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4315.

ГАЗЕТЫ

1. Вырезка из газеты «Коммунист» (г.Саратов) №164 от 10 августа 1943 года. Бумага. 1 лист. Размер 11,5 x 20,5 см. Статья Н.М.Чернышевской «В доме великого патриота». Поступила в музей в 1943 году. Библ.фонд №5690.

2. Вырезка из газеты «Коммунист» (г.Саратов) №128 от 20 июня 1943 года. Бумага. 1 лист. Размер 10,5 x 25 см. Вверху снимок Дома-музея Н.Г.Чернышевского (вид со двора), работа А.Стабенова. Внизу слева публикация без автора «К юбилейной выставке...». Поступила в музей в 1943 году. Библ.фонд №5689.

3. Газета «Коммунист» (г.Саратов) №147 от 26 июля 1944 года. Бумага. 2 листа. Размер 29,7 x 41,4 см. На 2-й странице статьи Н.М.Чернышевской «Он славил русское оружие» и А.Скафтымова «Пример беззаветного служения интересам народа», «Голос, зовущий к победе» – подборка отрывков из писем в Дом-музей Н.Г.Чернышевского, высказываний Н.Г.Чернышевского о родине, патриотизме. Вверху справа снимок, где изображена Н.М.Чернышевская в палате госпиталя среди раненых офицеров Красной Армии. Работа А.Стабенова. Внизу слева публикация без автора «К юбилейной выставке...». Поступила в музей в 1944 году. №3849/176.

ИЗОМАТЕРИАЛЫ

1-2. Два рисунка на двух листах для писем. 1945 год. Бумага, акварель, чернила. Размеры: 17,8 x 23,5 см и 16,4 x 10,8 см. Наклеены на лист бумаги размером 20,2 x 30 см. Представляют собой рисунки, выполненные красной и желтой красками, изображающие цветок и ветку вишни. Один из листов серого цвета. На листе-основе внизу надпись Н.М.Чернышевской: «Образцы наших работ

для госпиталей». Подарены музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4288/1-2.

3. Плакат. Великий русский патриот Н.Г.Чернышевский. 1942 год. Бумага, гуашь, карандаш. 1 лист. Размер 57 x 82 см. Работа художника Б.В.Миловидова. Приобретен у автора в 1942 году. №255.

КНИГИ

1. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Под ред. Н.А. Алексеева. Москва: Изд-во политкаторжан, 1929. 464с. Бумага, картон, чернила, карандаш. Размер 20 x 14 см. В переплете желтоватого цвета. На правом листе верхнего форзаца надпись Н.М.Чернышевской: «Эту книгу я читала и рассказывала раненым в госпитале №995 18-19 июля 1944г. в дни Великой Отечественной войны. Н.Чернышевская». На шмуцтителе и нижнем форзаце также надписи и автографы Н.М.Чернышевской. Подарена музею В.С.Чернышевской 19 января 1984 года. №4320.

2. Гуковский Гр., Евгеньев-Максимов В.Е. Любовь к родине в русской классической литературе. ОГИЗ. Саратовское Обл.изд-во, 1943. 88с. Бумага, чернила. Размер 13,5 x 20 см. Без переплета. На 1-м листе дарственная надпись: «Дорогой и глубокоуважаемой Нине Михайловне Чернышевской в воспоминание о дружеских встречах в Доме-музее в суровые дни Великой Отечественной войны от В.Е.Максимова. 25/VII 1943г.». Передана в 1980 году в составе архива Н.М.Чернышевской. №5849/308.

¹ Госпиталь находился в здании 46-й средней школы. Сегодня на этом месте расположен Саратовский НИИ травматологии и ортопедии (ул.Чернышевского, 148).

² Вероятно, речь идет о трансляции этого сообщения по радио. К сожалению, неизвестно, был ли напечатан этот материал на американском континенте.

³ Головатый Феррапонт Петрович (1890-1951) – выдающийся участник всенародного патриотического движения по сбору средств в фонд Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. 15 декабря 1942г. Головатый внес 100 тыс.руб. в Государственный банк, заказал построить на эти деньги боевой самолет и призвал всех колхозников отдать свои трудовые сбережения на усиление военной мощи Советского государства (См.: БСЭ.М., 1952. 2-е изд. Т. 11. С.607-608).

⁴ В дальнейшем, если надпись на фотографии лишь дублирует ее название, автор считает возможным указать только на наличие надписи и сообщить, когда это известно, кем она сделана.

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПОЕЗДКИ О.С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ В СИБИРЬ

«Иркутск. С дозволения начальства. В пятницу 22 числа июля 1866 года на даче «Луна» А.Редров будет иметь честь дать...»¹.

Так начиналась программа (храняемая в музейном архиве) музыкального и увеселительного праздника, на котором побывала в период своего «иркутского сидения» Ольга Сократовна Чернышевская.

Иркутск был одной из остановок на длинном пути из Петербурга в далекую Кадаю, в который она отправилась в один из майских дней 1866 года.

«До Нижнего Новгорода ехали по железной дороге, от Нижнего до Перми на пароходе, а от Перми до самого конца – на лошадах»², - вспоминал сопровождавший матушку М.Н.Чернышевский.

Поездка Ольги Сократовны в Сибирь состоялась при весьма неблагоприятных условиях, месяц спустя после рокового выстрела Дмитрия Каракозова, потрясшего Россию. Покушавшийся на жизнь царя оказался бывшим учеником саратовской гимназии, поэтому над сибирским узником вновь сгустились тучи.

Атмосферу тех дней отразили записи, приводимые ниже.

«После покушения 4 апреля время было очень тревожное, иметь... доказательства не только письменных сношений, но и прочего знакомства с Чернышевским было небезопасно»³, - отмечал его младший сын Михаил.

«[М.Н.] Муравьев (крупный царский сановник, в 1866 году председатель Верховной комиссии по делу Д.В.Каракозова – А.О.) хотел вызвать Чернышевского, но император умнее М<уравье>ва, не дозволил, двух смертей человеку не бывает»⁴, - записал 6 мая 1866 года в дневнике об имевших место в Петербурге слухах писатель Ф.М.Решетников. Сохранившиеся документы красноречиво говорят о том, что за выстрелом Каракозова последовал ряд полицейских мер, усиливавших надзор за Чернышевским.

Николай Гаврилович постоянно возражал против приезда к нему жены. «Что сказать тебе, моя милая голубочка, о твоём намерении ехать сюда? Подумай, подумай, как велика дорога, как она утомительна, ты знаешь. я всегда принимаю за наилучшее решение

– то, на котором ты остановишься; но умоляю тебя, подумай о дальности, об утомительности пути!», - писал он ей 19 апреля 1865 года (Т.14. С.790).

И все-таки, вопреки всем этим обстоятельствам, она поехала!

Возможно, кто-то из читателей насторожится: неужели автор попытается воссоздать образ жены Чернышевского, стремившейся вместе с революционерами освободить «главу радикальной партии» из сибирского заточения? Ведь до сих пор исследователи, затрагивая этот сюжет, пытались, главным образом, выяснить причастность или не причастность жены писателя к попыткам его освобождения⁵.

Однако, попробуем все же выйти из рамок устоявшихся стереотипов и посмотреть на поступок Ольги Сократовны как на поступок женщины, которой всегда были свойственны неоднозначные, часто противоречивые настроения и поступки. И в этом могут помочь те дошедшие до нас немногочисленные документы, относящиеся к ее сибирской поездке, многие годы спустя ставшие музейными экспонатами⁶.

Причины поездки О.С.Чернышевской к мужу в Сибирь трудно объяснить с позиции формальной логики. На наш взгляд, они могут быть поняты через призму истории взаимоотношений Николая Гавриловича и Ольги Сократовны. Их знакомство состоялось 26 января 1853 года в доме саратовских старожилов Акимовых. Все подробности встреч с Ольгой Васильевой, весь ход развития своих отношений с нею Николай Гаврилович подробно и искренно заносил в свой «Дневник». Уверовав в глубину своих чувств, он, в частности, писал: «Я не отступлю, не усомнюсь ни в себе, ни в ней. Только бы иметь ее своей женой <...> Я знаю ее <...> я люблю ее! <...> О сомнение, прочь! <...> Довольно ли я буду получать денег? Работать я буду как нельзя больше, насколько у меня достанет сил» (Т.1. С.453-497).

В то же время избранницей Чернышевского овладевали чувства иного рода. «Я хочу иметь такого мужа, каким вы будете по вашим словам» (т.е. покорного супруга – А.О.) – признавалась она при встречах с Николаем Гавриловичем. «Вы мне нравитесь; но я не влюблена в Вас, да разве любовь необходима? Разве всегда женятся по страсти? А все-таки живут хорошо»⁷.

Любовь Николая Гавриловича совпала с желанием Ольги Васильевой вступить с ним в брак с целью вырваться из утомлявшей

ее опеки матушки, Анны Кирилловны. Безусловно, ей также льстило, что о ее будущем муже в саратовском обществе шли разговоры, как об «особенном человеке». Но при этом она не слишком вникала в глубинный смысл этой характеристики.

Жизнь молодых супругов в Петербурге была наполнена совершенно разным содержанием. Активная общественная и поистине титаническая научно-литературная деятельность Чернышевского протекала рядом с веселым и беззаботным образом жизни его жены. Успех в мужском обществе кружил ей голову, и в действиях своих она не привыкла отдавать себе отчета, как и в деньгах, кофoрые вместе с увеличивающимся заработком мужа прибывали год от года и которыми она пользовалась по своему усмотрению.

Арест мужа 7 июля 1862 года на первых порах ошеломил Ольгу Сократовну. Но ее дальнейшее поведение – постоянные поездки к родным и знакомым и кратковременные наезды в Петербург для свидания с узником Петропавловской крепости – позволяют судить о ее легкомыслии и нежелании понимать серьезность положения, в котором он оказался.

Все хлопоты, связанные с «делом Чернышевского» взяла на себя семья Пыпиных. Перед отправкой писателя в Сибирь Пыпины виделись с ним каждый день. «Об Ольге Сократовне забота была его (Н.Г.Чернышевского – А.О.) главная..., - писала Евг.Н.Пыпина в Саратов 12 мая 1864 года.- Ему хочется дожидаться Ольгу Сократовну»⁸. «Во вторник 20 мая проводили мы Николю, – писала она 22 мая.- Ольга Сократовна приехала сюда (18 мая) и уехала (20 мая). <...> Мы так и не простились с Ольгой Сократовной, она уехала без нас»⁹.

«Милый Сашенька [А.Н.Пыпин – А.О.], – писала 21 мая Ольга Сократовна. – Напиши, пожалуйста, поскорее о том, как все там у Вас устроилось. [Речь идет об отъезде Н.Г.Чернышевского в Сибирь – А.О.] Да не скрывай ничего! <...>

Р.С. Что Лапуничка [Н.Г.Чернышевский – А.О.] не жалел, что я еще не была у него? Напиши все как было»¹⁰.

Итак, логика поступков Ольги Сократовны после ареста мужа свидетельствовала, по нашему мнению, о ее намерении в скором времени забыть его и заново устраивать свою жизнь. И после его отправки в Сибирь она продолжает разъезжать, дети – Саша и Миша – живут то у четы Боковых, то в семье Пыпиных.

Один из участников революционного движения, уроженец Виленской губернии П.Адамович, после ареста показывал: «В 1863 году наш полк стоял в Нижнем Новгороде. В ноябре в том доме, где я снимал квартиру, поселилась О.С.Чернышевская. Однажды, собираясь в театр, она пригласила как компаньонов меня с товарищами. Затем, бывая в Москве, я останавливался у нее на квартире. Ольга Сократовна обычно жила у своей саратовской приятельницы Варвары Калистовой, где бывали Болеслав Шостакович, Ярослав Добровский, изобличенные позднее в тяжких государственных преступлениях»¹¹. 10 апреля 1866 года полковник московской жандармерии Н.В.Воейков получил анонимный донос о существовании в Москве кружка революционеров, связанного с польским освободительным движением. В доносе были упомянуты имена П.А.Ровинского, В.Г.Калистовой, О.С.Чернышевской, К.Н.Пасхалова, Б.П.Шостаковича¹².

В приведенных документах, конечно же, является явной натяжкой ставить Ольгу Сократовну в один ряд с названными революционными деятелями, основываясь только на фактах их личного знакомства.

Ныне не вызывает сомнений, что сам образ жизни Ольги Сократовны не мог позволить радикальным демократам рассматривать ее как возможную участницу подготавливаемых ими попыток освобождения Чернышевского. В лучшем случае они могли подтолкнуть ее к поездке в Сибирь с целью получения в дальнейшем необходимой им информации о содержании писателя на каторге¹³. В то же время не исключено, что до Ольги Сократовны могли доходить слухи (например, через ту же Варвару Калистову) о готовящихся попытках освобождения мужа. Личность Николая Гавриловича опять вырастала в ее глазах до размеров «особенного человека».

После ареста Чернышевского и отправки его в Сибирь отношения Ольги Сократовны с его ближайшими родственниками Пыпиными не складывались. На них она смотрела как на людей, во всем обязанных мужу, считала, что они должны удовлетворять все ее требования как жены человека, для которого она была «радостью жизни». Ольга Сократовна не могла не ощущать того, что Пыпины считали ее недостойной партией для горячо любимого ими Николи. Поездка в Кадаю могла быть с ее стороны и своеобразным вызовом этим людям, не понимавшим ее и не одобрявшим многие из ее поступков.

Ольга Сократовна ехала в далекую Сибирь, вероятно, руководствуясь и чисто житейскими соображениями. Вырванная после ареста мужа из так устраивавших ее комфортабельных условий жизни, она постоянно испытывала душевный дискомфорт. В Кадае же находился человек, которому она могла излить свои душевные переживания, который мог терпеливо выслушать ее многочисленные жалобы.

Поездка Ольги Сократовны могла осуществиться и благодаря некоторым особенностям ее характера, связанным с постоянной жаждой острых ощущений. Как ни парадоксально, но этот ее поступок можно поставить в один ряд с ее участием в тушении саратовских пожаров и помощью пострадавшим от наводнения на Неве в Петербурге.

Сами подробности поездки О.С.Чернышевской в Сибирь как бы высвечивают присущие ей черты характера. Ее целеустремленность и настойчивость проявились, в частности, в период ее «иркутского сидения». С 18 июня по 12 августа она пробыла в Иркутске, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы через Петербург добиться кратковременного свидания с мужем. Но и в этот тяжелый период желание быть на виду, стремление развлечься не покидали ее. Этим можно объяснить и посещение ею упомянутого музыкального и увеселительного праздника, на котором посетители наряду с музыкой, песнями, воздушными шарами, иллюминацией и фейерверком могли получить по умеренным ценам чай, кофе, вина и закуски¹⁴.

Трудно судить и о том, какие надежды возлагала Ольга Сократовна на свою поездку. С уверенностью можно сказать лишь о полном ее разочаровании. Тяготы, перенесенные ею в период этого утомительного и длительного путешествия, эмоциональный шок, пережитый от увиденных воочию тяжелых условий, в которых содержался сибирский узник, привели к осознанию факта, потрясшего ее душевные силы: она поняла, что никогда больше не сможет посетить его и тем более поселиться вместе с ним. На обратном пути нервы ее не выдержали, она пыталась покончить с собой.

Тем не менее, сам факт поездки О.С.Чернышевской в Сибирь независимо от побудительных мотивов, которыми она была вызвана, невольно вызывает уважение к ней. Ее поступок можно также расценить как первый шаг в направлении к христианским нормам поведения, к соблюдению которых она была привержена к концу

жизни. И в дальнейшем, все долгие годы сибирского заточения мужа, она ждала его возвращения, не прервала отношения с ним, не отказалась носить «крамольную» фамилию Чернышевской.

<...>Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь», - писал Н.Г.Чернышевский жене 5 октября 1862 года (Т.1. С.456).

Слова узника Петропавловской крепости оказались безоговорочно пророческими в первой части его послания. Возобновленные ныне споры не только о значимости наследия Н.Г.Чернышевского, но и личностях писателя и его жены, лишний раз подтверждают, что их имена принадлежат истории.

¹ ГМУЧ. ОФ. Папка 28 №569.

² Чернышевский М.Н. Примечания // Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. - СПб., 1912. Вып.1. С.176.

³ Чернышевский М.Н. К письмам Н.Г.Чернышевского из Сибири (1865-1883 годы). Рукопись. ГМУЧ ОФ. Там же.

⁴ Литературное наследство. - М., 1932. Вып.3. С.481.

⁵ См.: Озерянский А.С. К вопросу об отношении Н.Г.Чернышевского к попыткам его освобождения из сибирского заточения (обзор историографических суждений) // Друзья свободы и добра. - Нижний Новгород, 1990. С.138-142.

⁶ Среди них представлены пять листов из расходной книжки О.С.Чернышевской за 1866 год, квитанция на ее имя из прачечной А.С.Ивашевой в Иркутске. Также сохранилась телеграмма П.Н.Пыпиной Е.М.Павлинову (врачу, сопровождавшему Ольгу Сократовну в период поездки) от 16 августа 1866 года с просьбой сообщить о дате их возвращения; квитанции Вольных почт на прогоны на лошадях из Перми, Екатеринбурга, Тюмени (См.: ГМУЧ. ОФ. Папка 28. №569).

⁷ Пыпина В.А. Любовь в жизни Чернышевского. С.13, 16.

⁸ Там же. С.67.

⁹ Там же. С.67-68.

¹⁰ Там же. С.68.

¹¹ Клеин Б. Освобождение Чернышевского // Неман, 1977. №9. С.161-162.

¹² См.: Русско-польские революционные связи. Восстание 1863 года. Материалы и документы. Москва-Вроцлав. 1963. Т.2. С.509-511.

¹³ Так, такую цель преследовал купец Н.Н.Пестерев, организатор первой неудавшейся попытки освобождения Н.Г.Чернышевского. Для этого летом или осенью 1865 года он встречался с О.С.Чернышевской // См.: Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. Научная биография в 4-х ч. Саратов. 1994. Ч.4. С.32.

¹⁴ См.: ГМУЧ. ОФ. Папка 28. №569.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ГМУЧ)

Основными печатными источниками сведений об А.Н.Чернышевском являются очерк Н.М.Чернышевской «Старший сын», напечатанный впервые в журнале «Русская литература» №1 за 1978 год, а затем, в более полном виде, в книге «Семья Н.Г.Чернышевского», Саратов, 1980, и статья Н.А.Пыпина «Сын-вья Чернышевского» в сборнике «Звенья» №1, М., 1932. Материалом для изучения вопроса является также опубликованная переписка Н.Г.Чернышевского с родными – «Чернышевский в Сибири», Вып. I-III., СПб., 1912-1913, Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч. Т. XIV-XV. М., 1949-1950.

В фондах музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского имеется ряд архивных документов, содержащих дополнительные сведения о трагической и яркой личности старшего сына Н.Г.Чернышевского. Это, прежде всего, «Материалы к статье об А.Н.Чернышевском» объемом 255 печатных страниц. Н.М.Чернышевской, ее же неопубликованная статья «Творчество А.Н.Чернышевского» 1923-1935гг., 32 печатные страницы, лишь малая часть которой вошла позже в состав ее очерка «Старший сын»; это статья В.А.Пыпиной «О Саше Чернышевском» 1924г. 11 стр., «Воспоминания» Е.М. Чернышевской, 108л. и ее же статья «Ольга Сократовна Чернышевская как жена, мать, свекровь и бабушка», 25л., выписки М.Н. Чернышевского из семейной переписки Пыпиных и некоторые другие материалы.

Как свидетельствуют архивные данные, Н.М.Чернышевская работала над очерком об А.Н.Чернышевском на протяжении длительного времени, неоднократно возвращаясь к нему. Очерк был издан в 1978 году. По некоторым фрагментам материалов к очерку, наполненных скрытой полемикой, видно, что Нину Михайловну не удовлетворяла статья Н.А.Пыпина в «Звеньях», написанная якобы «по личным впечатлениям». «Н.А.Пыпин (1875г.р.) на 21 год младше Саши. Какие же у него личные впечатления?, - писала Нина Михайловна. Вся статья Н.А. написана по материалам, сообщенным ему В.А.Пыпиной, иногда использ[уются] ее восп[оминания] без ссылок на нее и без кавычек»¹.

По свидетельству Н.М.Чернышевской, мысль написать об Александре Николаевиче была подсказана ей отцом. Поводом для такого предложения послужил выход в свет книги В.А.Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского»². «Теперь тебе надо бы написать об Александре Николаевиче, - сказал мне папа незадолго до своей смерти, - материала о нем в музее много». И я начала писать о Саше Чернышевском или «Саше маленьком», как называют его в семейных письмах»³.

Первый вариант очерка Н.М. начинается характерным эпизодом, сразу задающим эмоциональный и личностный тон ее рассказу:

«Наша семья сидела за обедом. В это время швейцар принес письмо моему отцу. Последний прочел его, ничего не сказал и с какой-то досадливо-горькой усмешкой протянул его маме. Мама тоже прочитала и с недоумением отдала его нам, т.к. мы, заинтригованные, нетерпеливо протягивали к нему руки. Письмо было закрытое, со штемпелем "Roma". Когда очередь дошла до меня, в моих руках очутился листок, из спутанных иероглифов которого ничего нельзя было понять... Это письмо было написано папиным братом Александром Николаевичем Чернышевским. Он отвечал папе на ряд деловых писем, писавшихся ему папой и дотоле остававшихся без ответа.

Это было первое мое реальное соприкосновение с личностью Александра Николаевича, и оно оставило во мне незабываемое впечатление... Я и раньше слышала от мамы, что папин брат - душевнобольной человек... В детстве мне казалось это только смешным. После письма в душе шевельнулось какое-то тяжелое чувство»⁴. В дальнейшей жизни, - пишет Нина Михайловна, - ей самой пришлось столкнуться с душевнобольным человеком - сестрой ее близкой подруги - и только тогда она в полной мере осознала, каким горем становится для семьи присутствие в ней такого больного.

Грустью и горечью пропитаны строки письма Ольги Сократовны старшему сыну от 5 марта 1882 года:

«Я мысленно прозвала тебя «неудачник». Ровно 28 лет тому назад и тоже в пятницу (тяжелый день) в 4 часа дня тебя силою заставили жить. Самый акт твоего рождения был необыкновенно неудачен. Доктора присудили тебя к смерти, но я воспротивилась этому, и сказала, чтобы они со мною делали все, что знают, но чтобы ты

² Речь идет о самом раннем варианте.

только был жив, а иначе я не хочу жить, я забыла в это время свои тяжелые страдания. молила только господа, чтобы ты был жив. И бог услышал мою грешную молитву. И ты, и я, оба остались живы. > Но теперь я часто думаю: к лучшему ли это? Не лучше ли было тогда же нам с тобою покончить с этою жизнью. Не пришлось бы нам с тобою столько выстрадать, сколько приходится терпеть в настоящее время. Не знаю, как ты? У тебя характер очень странный. Иногда все кажется, что ты только и любишь, что себя и больше никого. А в самом деле бог тебя знает, что ты такое. Только ты не в папашу. Тот был очень ласковый... Ты не сердись, мой милый, на это. Я привыкла говорить правду»⁵.

«... Бог тебя знает, что ты такое»... Действительно, характер Александра был причудливым сочетанием противоположных черт. Еще в гимназические годы Саша выделялся «честностью и чистой душой» и, по свидетельству М.Н.Чернышевского, «товарищи признавали в нем неподдельное рыцарство духа»⁶. Екатерина Николаевна Пыпина говорила: «Боков причислял Сашу к редким людям нынешнего века»⁷. Александр Николаевич Пыпин писал в 1884 году, заступаясь за племянника перед Николаем Гавриловичем: «Денег он не нажил, но он нажил то, что мне нравится в нем больше, чем если бы он стал черствым богачом: нажил чистую, честную душу, глубокою правдивость, благородный идеализм – это привлекало к нему в нашем кругу всех, кто знал его ближе»⁸.

И в то же время: «Очень мудреный он был человек, эгоцентрик нетерпимый при всех своих гуманных стремлениях, он считал себя превыше всех и требовал к себе исключительного внимания»⁹, - вспоминает В.А.Пыпина. Все прекрасные качества не могли уравновесить нелепого высокомерия, вспыльчивости, нетерпимости, беспричинной обидчивости, невозможности владеть собой – черт, которые были тягостны даже для близких и любящих людей и, естественно, затрудняли все контакты Александра с окружающими. К тому же, «чувства ответственности, значения принятых на себя обязательств Саша положительно не знал»¹⁰. Поведение Александра в быту обнаруживало многие «странности», которые, по воспоминаниям В.А.Пыпиной, начала проявляться у него в юношеском возрасте. Он страдал повышенной брезгливостью, «усиленно мыл руки, боялся взяться за ручку двери, чтобы не запачкаться, открывал дверь локтем, избегал здороваться за руки, стал носить перчатки, долгими часами жонглировал перед окном металлическими ша-

рами и гирями, которые специально для себя заказывал»¹¹. Тогда же появились у него приступы необузданной раздражительности. Вера Александровна справедливо полагает, что эти, с виду безобидные, чудачества были грозными симптомами надвигающейся психической болезни. «Как к этому относились Боков или Тарханов¹², я не знаю, - пишет Вера Александровна, - дома же у нас обращались с Сашей чрезвычайно мягко, а выходки его и неуравновешенность считали просто причудами странного склада характера. А впрочем, Сашу быть может тогда и лечили, да я только этого не знала и не знаю»¹³.

В поздней редакции очерка Н.М.Чернышевской проводится мысль, что толчком для развития психической болезни Александра послужило его пребывание в действующей армии, куда он отправился добровольцем во время русско-турецкой войны. Говорилось также о «тайном намерении ценою пролития своей крови вернуть отца»¹⁴. Трудно в настоящее время судить о достоверности такого мотива. В опубликованной редакции очерка «Старший сын» нет ссылки на источники информации по этому поводу. Но такая ссылка присутствует в «Черновых материалах»: «Грянула война 1877г. Общество оживленно встретило ее. Сама Ольга Сократовна вместе с Евгенией Николаевной Пыпиной строили планы поездки на фронт в качестве сестер милосердия; все были охвачены патриотическим порывом, и эта же волна захлестнула Сашу. Он решил ехать на фронт добровольцем... Вдумчивый и одаренный Саша жил в мире научных занятий и поэтического творчества. Оба (с братом) были скрытными, сдержанными в проявлении внутренней жизни. В глубоком подводном течении ее созрела мысль Саши, воплотившаяся в непреодолимое героическое решение: ценою своей жизни, ценою своей крови спасти отца и освободить семью от многочисленных преследований. К сожалению, Саша не рассчитал своих сил. ... Н.А.Пыпин в своей статье «Сыновья Чернышевского» расценивает поездку Саши на фронт как «непонятное» чудачество. Но я не раз слышала от своих родителей и от В.А.Пыпиной, что замысел у Саши был именно таков»¹⁵. Вера Александровна в статье «О Саше Чернышевском» пишет:

«Мне казалось, что папа недоверчиво относился к Сашиной военной затее. Позднее мне кто-то говорил, что будто Сашей руководила мысль, что раненый он будет ходатайствовать у царя о смягчении участи своего отца. Дома я об этом не слыхала. Быть может,

это из области легенды. Так или иначе, но «поход Саши» свелся на нет. Саша не выдержал тяжелых переходов, быстро заболел тропической лихорадкой и ногами и был возвращен и освобожден от военной службы»¹⁶.

О реакции родных и близких Нина Михайловна пишет: «Узнав о решении Саши идти на фронт добровольцем, Пыпины пришли в ужас. Петр Иванович Боков, зная тонкую нервную организацию Саши и его плохое зрение, уговаривал его отказаться от участия в войне. Но Сашино решение было непоколебимо»¹⁷. Судя по всему, Нина Михайловна имеет в виду следующее письмо П.И.Бокова к Александру: «Мой милый друг, из вчерашнего письма я узнал, что ты собираешься стать в ряды Дунайской действующей армии. Ты имеешь много оснований действовать теперь самостоятельно, но я позволю тебе сказать только одно, что здоровье твое не такое, с каким нужно быть воину. Имей в виду, что во время битвы нужно иметь хоть относительное спокойствие и владеть собой, тогда как ты не всегда можешь удержаться от волнения при обычных условиях жизни... Я знаю твое здоровье достаточно и скажу откровенно, что лучше тебе не быть боевым человеком. Неправильность твоего зрения также помешает тебе быть хорошим стрелком. Прими, милый мой Саша, все это в расчет и сообщи опять о твоем решении»¹⁸.

Отношение к поступку Александра у Николая Гавриловича было резко отрицательным. В своих письмах он долгое время просто избегает высказываться по этому поводу, чтобы не написать резких слов. Большое эмоциональное напряжение чувствуется в лаконичных, повторяющихся строчках письма от 25 октября 1877года: «Трудно было мне в предыдущих письмах сдерживать себя от более подробного изложения моих мыслей о решении Саши отправиться в действующую армию. Трудно это мне и теперь. Но сдерживал себя прежде. Сдержу себя и теперь. Трудно это. Но сдержу себя»¹⁹.

Болезнь сына он воспринимает как избавление от худшей опасности. В письме от 7 февраля 1878 года он пишет Ольге Сократовне о Саше: «Я получил от него известие, что его отослали из армии по болезни. Это самое лучшее из всего, что могло быть с ним»²⁰. Однако, когда грозная опасность в виде гибели или тяжелого увечья миновала, Николай Гаврилович в письмах многократно высказывает опасения о последствиях желтой лихорадки, считая ее опасной болезнью, «которая очень упорно и прекрасно умеет сокращать

жизнь людей»²¹. О другом заболевании психическом – которое разрушит будущее его умного и талантливого сына, он еще не подзревал.

Начиная с лета 1878 года в письмах Николая Гавриловича к Александру присутствует тема, очевидно волнующая обоих, – тема о добывании «куска хлеба»: «Радует меня, что ты зарабатываешь себе честный кусок хлеба усердным трудом»²². «Радуюсь, что ты зарабатываешь себе кусок хлеба»²³. «Благодарю тебя за сведения о том, как зарабатываешь ты себе (и брату?) кусок хлеба и в какой обстановке вы с ним живете. Прошу тебя, продолжай писать мне об этом»²⁴.

В действительности уже в эти годы стало ясно, что Александр ни на одной службе не может удержаться длительное время. Из письма Евгении Николаевны Пыпиной к родителям от 1 декабря 1882 года видно, что она еще не замечает в таком поведении болезненных проявлений, а воспринимает его скорее как следствие неправильного воспитания и влияния Ольги Сократовны. Сообщая о том, что Саша перезанимал деньги у всех Пыпиных, Евгения Николаевна пишет далее: «Впрочем о многом он судит по-своему; напр[имер] Виктории раз объяснял, что ему говорила мамаша, что ему нечего смущаться, что приходится пользоваться помощью от нас, что когда Саша наш приехал в П[етербург], то между Н[иколаем] Г[авриловичем] и им никогда не было счетов и теперь их быть не должно. Что сказал бы на это Н[иколай] Г[аврилович], который после болезни Саши писал, как мучит его то, что Саше приходится слишком много работать на его семью, что это наверное болезнь от усиленного труда. Надо прибавить, что кроме того, что все тысячу раз возмещено, разница та, что Саша и в университете никогда не был без работы денежной, никогда не сидел сложа руки и не тратил напрасно денег, а тут о занятиях долго-долго не было и речи, да и теперь они выбираются по вкусу...»²⁵. Однако и эти, «выбираемые по вкусу» занятия не могли проходить успешно. Блестяще и разносторонне образованный молодой человек был не в состоянии заниматься даже репетиторством – широко распространенным среди студентов способом заработка. «Все интересы Саши, как математические, так и отвлеченные, его память, эрудиция, – все разбивалось вдребезги, сталкиваясь не с самой действительностью, как таковой, а с необходимостью все эти данные претворить во что-либо конкретное, формулированное, приведенное хотя бы в самый

примитивный порядок для приобщения к жизни. Для этого у Саши не было никаких данных и от его органической неуравновешенности все шло прахом...», ²⁶ - пишет В.А.Пылина.

4 июня 1882 года П.И.Боков извещает родных Александра: «Мое заключение: Саша неизлечимо больной, работать не может никогда. Жить ему нужно на юге, в семье, где он хотя работать и не будет, но его будут занимать работой (что очень важно). Без курения можно рассчитывать на сносное существование, но только на юге, а не в Петербурге, и без семьи»²⁷. Однако у Ольги Сократовны как раз в это время возникает новая идея – женить сына. В очерке Н.М.Чернышевской описывается «история любви» Александра и Зинаиды Палуевой. В ней, как представляется, много голубых и розовых тонов, реальность была куда прозаичнее. Елена Матвеевна Чернышевская в своих воспоминаниях описывает события следующим образом: «Она [Ольга Сократовна – Г.А.] все писала старшему сыну: «Женись! Женись! – и послала ему карточку Зины Палуевой, которая ей очень понравилась и расхваливала ее ему. Он сначала не хотел (заработок у него был непостоянный, - уроки математики, он кончил университет кандидатом с отличным дипломом). А потом она его соблазнила, повторяя одно и то же в своих письмах к нему, и он влюбился в Зину. А Миша поехал на лето к ним в имение, прожил там долго с О[льгой] С[ократовной], влюбился в Зину и отбил ее у брата. Саша сильно взволновался, стал преследовать Зину, пугать ее своей настойчивостью. Зина с испугу дала ему слово быть его невестой. А он заболел душевно, и она от него бегала. С Мишей она кокетничала, целовалась, собиралась за него замуж, а потом, наигравшись, отказала ему потому, что он очень мал ростом (она очень высокая девушка).

В разных источниках встречаются упоминания о влюбленностях Александра, и о попытках сватовства. Елена Матвеевна, например, пишет в своих «Воспоминаниях» об Александре: «Взгляды у него на женщину самые светлые и благородные. Он говорит, что «будет любить только одну женщину, свою жену, а остальные женщины для него не существуют. Что «невеста брата – святыня для него». Спустя много лет я поняла эту последнюю фразу: из старых писем я узнала, что Миша отбил у него невесту – Зину Палуеву. Потом А[лександр] Н[иколаевич] влюбился в Соню Пушкину, гимназистку...»²⁸ (В рукописи Елены Матвеевны далее отсутствуют два листа – 237 и 238).

В.А.Пыпина пишет: «Личная жизнь у Саше не складывалась. Что он был девственник – в этом нельзя сомневаться... Была какая-то неясная для меня история, когда О[льга] С[ократовна] вздумала женить Сашу, причем на девушке, которая нравилась Мише, но в чем именно было дело, я не знаю. Не видела я также, чтобы Саша был захвачен к кому-либо чувством любви, да и то сказать, даже дружить по-настоящему с ним было мудрено, я еще девочкой инстинктивно чувствовала, что от дружбы с ним ничего не может выйти путного, что всегда рискуешь чем-нибудь для тебя непонятным обидеть его, и я всегда была с ним настороже, как ни хотелось иногда быть с ним по-сестрински ласковой»²⁹.

Для близких людей, окружавших Александра, его психическое заболевание воспринималось постепенно, на протяжении многих лет. Какой же жестокий удар должен был пережить Николай Гаврилович, когда за короткое время ему пришлось осознать действительное положение вещей. Александр Николаевич Пыпин и другие родственники в своих письмах избегали этой темы: «От отца скрыли о Сашиной болезни. - пишет Нина Михайловна. - не желая отягощать лишней горестью и без того безотрадного его существования, но приближался срок встречи отца и сына. Осенью 83 года Николай Гаврилович вернулся из ссылки и реальность подвела к нему не того Сашу, облик которого сложился у него в мыслях во время переписки»³⁰. Нечем в то время было порадовать отца и Михаилу Николаевичу. Елена Матвеевна описывает свое представление об этой встрече, сложившееся у нее, вероятно, со слов Михаила Николаевича и Ольги Сократовны: «Впечатление от этого свидания в душе Николая Гавриловича осталось очень тяжелое. Два здоровых, широкоплечих молодца, два силача, совершенно не приспособленных к зарабатыванию средств к жизни и не имеющие никакого заработка (кроме изредка перепадавшего), не устроившиеся нигде - все это подействовало на Николая Гавриловича крайне удручающе... И пожилая мать, которую нужно содержать. «Несчастные дети...» - сказал Николай Гаврилович»³¹.

При первых же встречах, почувствовав в Саше что-то «нелепое», «эксцентричное», Николай Гаврилович, очевидно, сначала не осознал всю серьезность и трагичность ситуации. 13 ноября 1883 года он делится с Варварой Николаевной Пыпиной впечатлением, которое произвел на него старший сын: «Действительно он чудачина, совершенно неленый. Но это впечатление производит он, я на-

деюсь, лишь потому, что оброс толстою корою нелепых понятий и стремлений; после нескольких долгих разговоров мне удалось открыть в этой коре трещины, сквозь которые проглянул здравый смысл и стало видно доброе, честное сердце. Надеюсь, что кора спадет с бедняжки и что тогда он перестанет быть беднягою и нелепым чудачком.

Николай Гаврилович верил в силу разума, в то, что своими резонами поможет сыну, исправит его неверные понятия и представления. Более того, он считает себя обязанным приложить к этому все силы, т.к. видит в себе первопричину всех несчастий Александра. В другом письме он пишет Варваре Николаевне: «Благодарю тебя, Варенька, за то, что защищаешь Сашу против отзывов моей досады на него. Действительно, он добрый и хороший человек, и лишь неблагоприятные обстоятельства его поры учения и юношеского развития сил причина тому, что до сих пор он еще не сумел устроить свою жизнь так, как было бы хорошо для него. А в тех неблагоприятных обстоятельствах виноват лишь я. И я же, виноватый относительно его, досадную на него, - это противно справедливости и здравому смыслу»³².

Все усилия Николая Гавриловича оказались напрасны. Он понял, что Александр не просто чудак, а больной человек. Не недостатки воспитания и неблагоприятные обстоятельства жизни, а отягощенная наследственность³³ явилась причиной неудавшейся судьбы, нереализованного потенциала.

¹ Чернышевская Н.М. Черновые материалы к статье об А.Н.Чернышевском. ГМУЧ. ОФ. №7347/2. Л.22.

² Пыпина В.А. Любовь в жизни Чернышевского. Пг. 1923.

³ Чернышевская Н.М. Черновые материалы к статье об А.Н.Чернышевском. ГМУЧ. ОФ. №7347/6. Л.4.

⁴ Там же. Л.2-3.

⁵ Там же. Л.25.

⁶ Чернышевская Н.М. Семья Н.Г.Чернышевского. Саратов. 1980. С.50.

⁷ Там же.

⁸ Чернышевский Н.Г. Литературное наследие. Т III. М.-Л. 1930. С.549.

⁹ Пыпина В.А. О Саше Чернышевском. ГМУЧ. ОФ. №871. Л.14.

¹⁰ Там же. Л.8.

¹¹ Там же. Л.3.

¹² Гарханов И.Р. известный физиолог, профессор

¹³ Пыпина В.А. О Саше Чернышевском. Л.4.

¹⁴ Чернышевская Н.М. Семья Н.Г.Чернышевского. С.55.

¹⁵ Чернышевская Н.М. Черновые материалы. №7347/2. Л.130-131.

- ¹⁶ Пыпина В.А. О Саше Чернышевском. Л.5.
- ¹⁷ Чернышевская Н.М. Семья Н.Г.Чернышевского. С.55.
- ¹⁸ Чернышевская Н.М. Черновые материалы... №7347/2. Л.132.
- ¹⁹ Чернышевский Н.Г. ПСС. Т.ХV. С.95.
- ²⁰ Там же. С.112.
- ²¹ Там же. С.147.
- ²² Там же. С.318.
- ²³ Там же. С.321.
- ²⁴ Там же. С.365.
- ²⁵ Чернышевский М.Н. Выписки из семейной переписки. Пыпиных и Чернышевских об А.Н.Чернышевском 26 мая 1879 – 17 авг. 1886г. ГМУЧ. ОФ. №583. Л.4.
- ²⁶ Пыпина В.А. О Саше Чернышевском. Л.8.
- ²⁷ Чернышевская Н.М. Черновые материалы... №7347/2. Л.173.
- ²⁸ Чернышевская Е.М. Воспоминания. Л.236.
- ²⁹ Пыпина В.А. О Саше Чернышевском. Л.14.
- ³⁰ Чернышевская Н.М. Черновые материалы... №7347/2. Л.173.
- ³¹ Чернышевская Е.М. Ольга Сократовна Чернышевская как жена, мать, свекровь и бабушка. ГМУЧ. ОФ. №7347/4947. Л.2.
- ³² Там же. С.434.
- ³³ По свидетельству современников, бабушка Александра Николаевича по матери Анна Кирилловна Васильевна была психически нездорова. См. об этом: Чернышевская Н.М. Семья Н.Г.Чернышевского. С.45.

Искусство и Женщина – «ступени к христианству»

(о духовном возрождении общества в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя)

Русская исповедальная проза обязана Гоголю не столько жанровой образовательностью, сколько личностью своего творца, «высокое благородство сердца» и «страстную любовь к правде и благу» которого с искренней любовью и признательностью утверждал Н.Г. Чернышевский.¹ «Да, как бы то ни было, а великого ума и высокой натуры человек был тот, - писал он о Гоголе, - кто первый представил нас нам в настоящем нашем виде, кто первый научил нас знать наши недостатки и гнушаться ими. И что бы напоследок ни сделала из этого великого человека жизнь, не он был виноват в том. И если чем смутил нас он, все это миновалось, а бессмертны остаются заслуги его»².

Способность Гоголя к самоотречению во имя правды и добра отметил в начале XX века М.О. Гершензон: «Его мышление насквозь практично и утилитарно и именно в общественном смысле. Жить и служить людям - для него синонимы».³ А в конце XX века Ю.Д. Марголис свою последнюю книгу завершил надеждой на то, что «современный читатель... извлечет из «Выбранных мест из переписки с друзьями» уверенность в необходимости обращения к самому себе, к усовершенствованию собственной души во имя устремления к «божественному» предназначению человека».⁴

* * *

В сложной структуре «Переписки» с особой масштабностью выделяются две темы, звучащие наиболее оптимистично в рассуждениях писателя о возможном духовном возрождении общества, – Искусство и Женщина.

Назначение искусства Гоголь декларирует как показ «внутреннего построения человека... из самородных начал земли своей, чтобы увидели мы, что есть действительно в нас лучшего, собственно нашего, и не позабыли бы его вместить в свое построение».⁵ В книге писем 1847 года около трети ее объема он отвел критическому разбору русской литературы, дал оценки поэтам и писателям

с точки зрения их служения России: «... долг писателя – не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям» (207). Это заявление можно назвать генеральным принципом эстетики писателя, законом, обязательным для него и соблюдавшимся во всем его творчестве.

Надо сказать, что он так и не создал определенного эстетического манифеста. Однако мощный, последовательный, упорядоченный и логичный комплекс убеждений выводил Гоголя на уровень самых значительных теоретиков искусства в русской культуре XIX века. Феномен стандартизации и развития гоголевских традиций в «натуральной школе», единственном концептуальном течении в рамках русского реализма второй трети прошлого столетия, придает его теоретическим постулатам программный статус. «При развитии, подобном тому, какое получил Гоголь, только для очень немногих, самых сильных умом людей настает пора умственной возмужалости, та пора, когда человек чувствует, что ему недостаточно основываться в своей деятельности только на отрывочных суждениях, называемых отдельными фактами, а необходимо иметь систему убеждений».⁶

Эта «система убеждений» окончательно сформировалась у Гоголя в момент ожесточенных эстетических споров в кругу российской интеллигенции. О накале страстей свидетельствует П.В. Анненков: «Друзья не скупилась на взаимные обличения и жестокие упреки, когда стояли лицом друг к другу, и обращались тотчас же в прежних друзей и верных товарищей, когда замолкали или расходились по домам».⁷ Самая горячая полемика разгоралась по «народному вопросу». Кризис начинавшегося «мрачного семилетия» (1848-1855) давал себя знать. Западники (московские и петербургские) и славянофилы выносили категорию народности в первые пункты своих литературно-эстетических деклараций, используя саму литературу в качестве арены для утверждения истины. «После народа, ничего более важного и более достойного внимания и изучения, чем русская литература, вовсе и не существовало в России: ее одну там и видели и на нее возлагали все свои надежды».⁸

Не только поэзия в широком смысле слова, но искусство в целом носило тогда проблемно-общественный характер. О литературе того времени Н.Г. Чернышевский писал: «Литература у нас пока сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа, и потому прямо на ней лежит долг заниматься и такими интересами, которые

в других странах перешли уже, так сказать, в специальное заведение других направлений умственной деятельности».⁹

Н.В. Гоголь своим отъездом за границу в значительной мере «обезопасил» себя от внутрилитературного противостояния. Ему не приходилось прибегать к поддержке «авторитетов», чтобы подтвердить или опровергнуть собственные эстетические установки. Он, сумев избежать искуса мелочных литературных притязаний, формулирует «нравственный кодекс» писателя: «У всех вообще, даже и у тех, которые едва слышат о писателях, живет уже какое-то убеждение, что писатель есть что-то высшее, что он непременно должен быть благороден, что ему многое неприлично, что он не должен и позволить себе того, что прощается другим». («О лиризме наших поэтов») (250). Роль писателя, как видим, не исчерпывается чисто эстетическим смыслом. Писатель оказывается неким барометром нравственности, совестью всего человечества.

В споре западников и славянофилов Гоголь не поддерживает ни ту, ни другую сторону. И здесь, и в интерпретации фигуры художника в социальном процессе он продолжает тему пушкинского «Странника»:

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Внезапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен
Как тот, кто на суде в убийстве уличен,
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»¹⁰

Два последних вопроса, впервые так откровенно поставленные великим предшественником Гоголя, предполагали конкретное решение проблемы общественного и нравственного долга каждого художника. (Ср.: «Иди ж... держись сего ты света; Пусть будет он тебе единственная мета, Пока ты тесных врат спасенья не достиг...»)¹¹ Это означало душевное очищение, возможность «никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать».¹² Такое отстранение от «толпы детей ничтожных мира», по мысли Пушкина, способно обеспечить художнику исполнение пророческой функции:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.¹³

Гоголь в «Выбранных местах», особенно в главах, посвященных эстетической проблематике («О том, что такое слово», «Об Одиссее», переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов», «Карамзин», «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»), решает те же самые задачи, что и пушкинский лирический герой. Однако, выводы, к которым приходит автор, кардинально отличаются от пушкинских. «После надрывного «душевного вопля» Гоголя в русской литературе стали уже невозможны «звуки сладкие и молитвы», - отмечает К.В. Мочульский.¹⁴ Отличные от пушкинских ценностные ориентации констатирует в творчестве Гоголя и В.В. Розанов: «В отличие от пушкинского странника, Гоголь пожелал совместить акцию спасения души своей со спасением земли».¹⁵

Действительно, художник у Гоголя – субъект более общественно-психологический, нежели эстетический. В его задачу входит не только пробуждение «добрых чувств» и «милости к падшим». Автор «Переписки» скорее заботится о воспитании и преображении души, причем весьма активными методами. Здесь уже нет самоустранения, самодостаточности пушкинского «пророка». Художник у Гоголя выступает в роли некой этической силы, вобравшей в себя и безграничный восторг народного духа, и величайшую «трезвость ума», и поэтическую «полноту языка», силы, направленной на совершенствование и исправление «поврежденных нравов». Если Пушкин «звал прочь из битвы, то Гоголь – в битву. Это и есть, конечно, битва с вечным злом за вечное благо».¹⁶ Так писатель становится центральной фигурой эпохи. Гоголь пишет: «Нынешнее время есть именно поприще для лирического поэта... Простой картиной действительности, оглянутой глазом современного светского человека, никого не разбудишь... Нет, отыщи в минувшем событии подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех... У тебя есть на то орудья и средства: в стихе твоём есть сила, и упрекающая и подъёмлющая. То и другое теперь именно нужно. Одних нужно поднять, других попрекнуть: поднять тех, которые смутились от страхов и бесчинств, их окружающих; попрекнуть тех, которые в святые минуты небесного гнева и страданий повсюдных дерзают предаваться буйству всяких скаканий и позорного ликования» (269). Формулируются два определяющих фактора гоголевской концепции художника. Первый: общественная роль

писателя всегда predetermined психологическими мотивами. Поэт врачует не социальную базу мироустройства, а конкретных носителей нравственного начала. Предмет его воздействия – душевный склад человека. Это обусловлено объективными причинами: привычки, традиции, образ мысли, составляющие фундамент нравственности, передаются из поколения в поколение через слово. Поэтому именно словом художник способен преобразить душу. «Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших! – Понимая опасность бестактного обращения со всемогущим этическим орудием, буквально заклинает Гоголь. – Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово: пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах» (217).

Не случайно первым отметил в «Переписке» «событие литературное и психологическое» тонкий ценитель слова, поэт П.А. Вяземский.¹⁷ Он разглядел вновь зарождающуюся тенденцию в литературе – действие на общественное сознание через психологизм творчества. Это предполагает не критику внешних общественных форм, а тщательную настройку внутреннего механизма личности. Пройдет немного времени, и явится, наконец, художник, который проведет анализ человеческой души почти по Гоголю, – Ф.М. Достоевский.

Второй момент в гоголевской теории художника связан с дидактическим, назидательным характером выступления. Если художник предстает перед нами основой нравственного совершенствования для других, то методом достижения поставленной цели может стать для него морализаторский дух сочинений. Об этой особенности гоголевской позиции М.О. Гершензон пишет: «Итак, есть только один путь к обновлению жизни, только одна форма истинно-полезной общественной деятельности: нравственное влияние каждого отдельного человека на каждого в отдельности из окружающих его, как личным примером, так и увещанием».¹⁸

А. Терц так резюмирует гоголевскую миссию художника: «Не писать – но спасать. Не изображать – ворожить, уповая на преобразование мира. Силою слова живого насквозь перестроить свет».¹⁹ Самому писателю хотелось бы стать другим: «Обладея великим художественным талантом, он не был свободно и радостно увлекаем своим гением, – пишет М.О. Гершензон, – а был изнутри подвергнут запрячься в ярмо, как угрюмый раб, как вол... Он не хотел быть по-

этом; он страстно хотел сделаться специалистом по части обществоведения и благоустройства». ²⁰

Кажется, именно в «Переписке» Гоголю удалось найти идеальное соотношение между двумя функциональными ипостасями художника. Ни одно другое гоголевское произведение не совмещает в себе столь необычный лиризм и явно выраженную публицистику и общественную проблематику.

Таким образом, становятся понятными исходные посылки «пользы» и «должности» - главные, определяющие мотивы книги. Теперь это кажется странным, но даже В.Г. Белинский, долгое время почитавшийся в споре о «Переписке» бескомпромиссным оппонентом Н.В. Гоголя, в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» провозглашал тот же утилитарный, с «пользой» и «должностью» подход к социальной функции художника. П.В. Анненков вспоминал: «В тесной связи с настроением Белинского находится уже его призыв, обращенный к художественной русской литературе и беллетристике – принять за конечную цель своих трудов служение общественным интересам... Не раз и в старое время Белинский высказывал те же мысли – о необходимости ввода в литературу мотивов общественного характера и значения как способа сообщать ей ту степень дельности и серьезности, с помощью которых она может еще расширить принадлежащую ей роль первостепенного агента культуры». ²¹ Надо отметить, что Гоголь видел именно художника центральным персонажем психологического преобразования личности, а Белинский считал литературу ареной общественной полемики. Ожесточенный спор критика и автора писем, таким образом, не носил принципиального характера. Они решали одну и ту же задачу, но разными методами.

Общественная проблематика «Переписки», «сплошной и страстный призыв к личности – отдать все силы на служение общему благу», ²² вызваны желанием достучаться до души каждого человека, каждой личности, потому что «все существование общества определяется существованием корней», а «корни эти в душах людей». Какой бы социальный вопрос ни рассматривался писателем, какие бы «ответы» на него ни предлагались, любой «проблемный узел» в книге «завязан» на «индивидуальном духе человеческой личности». ²³

«Узлом», не менее важным, чем тема Художника, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» является тема Женщины, ее

возможностей в усовершенствовании общества. По мнению Гоголя, общество, улучшая положение женщины, поднимается на еще одну «ступень к христианству». «Женский вопрос» занимал писателя на протяжении всего его творчества. Уже первая статья, опубликованная им в «Литературной газете» А.А. Дельвига (1831, № 4, 16 января), передает глубокую озабоченность автора этой проблемой: «Мы зреем и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннее постигаем женщину?»,²⁴ - спрашивает он.

«Влияние женщины может быть очень велико, именно теперь, в нынешнем порядке или беспорядке общества, в котором, с одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а с другой – какое-то охлаждение душевное, нравственная усталость, требующая оживотворения. Чтобы произвести это оживотворение, необходимо содействие женщины» (210), - утверждает Гоголь в главе «Женщина в свете». Здесь он выступает защитником и тонким ценителем женской красоты, «орудия сильного» в деле нравственного преобразования и совершенствования личности.

Он создает обобщенный образ женщины, вобравшей в себя черты многих современниц. Важными здесь представляются штрихи к характеристике этой условной, идеализированной представительницы прекрасного пола. Рассматривая главы «Женщина в свете», «Что такое губернаторша» и «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту» как «некую целостность»²⁵, отмечаем доминантные черты светской женщины: красота, чистая прелесть, невинность («Женщина в свете»), ум, вернее - благоразумие, наблюдательность, великодушие, жизненный опыт у губернаторши («Что такое губернаторша»), твердость характера, «крепость воли», хозяйственность у всякой замужней женщины («Чем может быть жена...»). Женщина, обладающая таким набором качеств, способна, считает Гоголь, стать инициатором преобразования не только отдельного мужчины, но всего общества в целом: «Вам ли бояться жалких соблазнов света? Влетайте в него смело, с той же сияющей вашей улыбкой. Входите в него, как в больницу, наполненную страждущими» (214).

Для правильного понимания проблемы необходимо уточнить, что Гоголя интересует только женщина дворянского происхождения. Очевидно, что и мотив «больницы для страждущих», «лазарета», «тяжких болезненных страданий», звучащий на каждой странице книги, тоже имеет отношение лишь к дворянскому сословию.

Говоря «общество», писатель всегда имел ввиду только его «верхушку». Систематизируя факты, получаемые от своих корреспондентов, он мог констатировать кризис именно российского дворянства. Образом жизни и кругом общения принадлежа к этому сословию, он желал уничтожить «пошлость пошлых людей» дворянского круга, искал для этого внутренние ресурсы личности у представителей того же дворянства.

Гоголь стремился обозначить некий путь выхода из кризисной ситуации и не последнее место здесь отводил женщине. Она представлялась писателю не только хранительницей семейного очага как своеобразной «ячейки общества». Мы имеем полное право говорить, что «женский вопрос» существует для Гоголя не изолированно, он не замкнут, не самодавлеющ, а связан с глубинными общественными процессами, с самыми коренными и злободневными проблемами русской жизни. Важность этой посылки подтверждается в том числе и на уровне композиции книги: Гоголь выносит женскую тему в первую, не считая «Завещания», собственно проблемную главу («Женщина в свете»).

Сегодня для нас совершенно очевиден факт наличия в общественно-политической парадигме того периода «женского вопроса». Г.А. Тишкин в статье «Женский вопрос в истории России» считает вторую треть XIX века периодом правового закрепления статуса женщины в обществе. «В 30-40-е годы XIX века, - пишет он, - женский вопрос не выходил из поля зрения передовых общественных кругов России. Появились и первые работы по вопросам правового положения женщин».²⁶

Действительно, всплеск интереса к женской проблематике ощущался каждой клеточкой российского общественного организма. Так, великая княгиня Елена Павловна, супруга Михаила Павловича, брата Николая I, в «Записках о женском образовании» стремилась разрешить проблему: «Каково место женщины в российском обществе, что нужно сделать, чтобы ее жизнь была полезна государству, и чтобы женщину не обвиняли в праздности и бездействии».²⁷ Гоголь, по сути, решал те же самые задачи в книге писем. В главе «Чем может быть жена для мужа...» он определяет женщине руководящее место не только в деле нравственного совершенствования, но и в борьбе за духовное освобождение личности: «Дрянь и тряпка стал всяк человек: обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет те-

перь нигде свободы в ее истинном смысле. Эту свободу один мой приятель... определяет так: «Свобода не в том, чтобы говорить произволу своих желаний «да», но в том, чтобы уметь сказать им «нет». Никто теперь в России не умеет сказать самому себе этого твердого «нет». Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина напомнит ему о том!» (337).

С присущей его авторской манере скрупулезностью, Гоголь создает идеализированный образ дворянки 40-х годов XIX века, сообразно статусным моделям поведения выписывает для нее буквально руководство к действию: «Но друг, ради Христа, не оставляйте вовсе спихнутого с места чиновника, как бы он дурен не был: он несчастен... Не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным; иногда с горя, с отчаяния, со стыда впадет он в еще большие преступления. Действуйте или через вашего духовника, или вообще через какого-нибудь умного священника» (309). («Что такое губернаторша»).

«Всю хозяйственную часть дома возьмите на себя; приход и расход чтобы был в ваших руках. Не ведите общей расходной книги, но с самого начала года сделайте смету всему вперед, обнимите все нужды ваши, сообразите вперед, сколько можете и сколько вы должны издержать в год, сообразно вашему достатку» (334). («Чем может быть жена...»).

Гоголь предложил свой путь преобразования общества посредством влияния на психологию мужчины красотой и доброй волей женщины. Он не призывал изменять внешние формы дворянского уклада: «Все полно, достаточно, все устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях, подавая руку другу, и останавливать только на пути к злоупотреблениям» (354). («Занимающему важное место»). Гоголь полагал, что кризис сословия вызван излишней самонадеянностью, «близорукостью» многих представителей дворянства: «В последние годы не столько беспорядков провели глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадеялись на свои силы да на ум свой» (344). («Близорукому приятелю»).

Человек, по мнению Гоголя, должен переболеть, вытерпеть неудачу, оказаться в экстремальных обстоятельствах, испытать мучительные физические страдания прежде, чем сделаться нравственно чище, благоразумнее и добрее. В главе «Значение болезней» роль «сестры милосердия» в этом своеобразном «лазарете» Гоголь доверяет женщине: «Клянусь, женщины гораздо лучше нас, муж-

чин. В них больше великодушия, больше отважности на все благородное... Если только сумеете заговорить с ними языком самой души, если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокое поприще, которого ждет от нее мир..., то ... женщина подвигнет себя самую на все чистое, подвигнет своего мужа на исполнение честного долга и, швырнувши далеко в сторону свои тряпки, всех поворотит к делу» (313). Женщина в изображении Гоголя вырастает в нравственную величину, способную одухотворить и облагородить общество, вывести его на христианский путь.

Понятно, что не все мужчины согласятся или были согласны с ним, не все с восторгом восприняли идею нравственно-эстетического исправления в личном или общественном плане. Так, И.С. Тургенев весьма скептически отнесся к гоголевской мысли: «Какую услугу оказал бы ему издатель, - замечает автор «Отцов и детей», - если бы выкинул из его писем целые две трети или по крайней мере все те, которые писаны к светским дамам... Более противной смеси гордыни и подыскивания, ханжества и тщеславия, пророческого и прихлебательского тона - в литературе не существует!»²⁸

Однако нам более импонирует крылатая фраза «Красота спасет мир», нежели ворчание скептика. Идея автора «Переписки» о психологическом преобразовании общества не потеряла своей прелестной значимости даже в наше время. О женском влиянии на души мужчин недавно выступил журнал «Тайм»: «Сегодня многие протестантские церкви признают посвящение в сан женщин. Сдают позиции и ригористы в вопросах веры и церковных обычаев - католики. Уже сегодня шансы, что вашим духовным наставником, к которому вы могли бы регулярно обращаться с исповедью и покаянием, будет представительница прекрасного пола».²⁹

По сути Н.В. Гоголь был первым русским писателем, осмыслившим современный ему «женский вопрос» на высоком философско-публицистическом уровне и заложившим основу для его рассмотрения в будущем. Художественное воплощение гоголевский идеал получил в образах... «тургеневских» женщин. Вероятно, прав все-таки Гоголь, гений которого обладал даром провидения. Потому не кажутся тщеславными его слова из 11 главы первого тома поэмы «Мертвые души»: «Русь! Чего ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так и зачем все. что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Русь... Она ведь женского рода.

«... давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России»,³⁰ - утверждал автор «Очерков гоголевского периода русской литературы».

- 1.Чернышевский П.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский П.Г. Полное собр. соч.: В 15 т. М., 1939-1953, т. III, М., 1948. С.13.
- 2.Чернышевский П.Г. Эстетические отношения искусства к действительности //Чернышевский П.Г. Избранные произведения М.Л., 1950. С.401-452.
- 3.Гершензон М.О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. С. 88.
- 4.Марголис Ю.Д. Книга Н.В.Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи истории восприятия. СПб., 1998. С. 236.
- 5.Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. //Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т.6. С.367. – Далее в тексте ссылки на это издание даются в скобках (римские цифры – том, арабские – страница). В ссылках на «Выбранные места из переписки с друзьями» указываются только страницы.
- 6.Чернышевский П.Г. Сочинения и письма Н.В. Гоголя // Чернышевский П.Г. Письма без адреса. М., 1983. С.39.
- 7.Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838-1848. // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1938. С.252.
- 8.Там же. С.317.
- 9.Чернышевский П.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. С. 303.
- 10.Пушкин А.С. Странник // Пушкин А.С. Полное собр. соч. В 10 т. М., 1963. Т.3. С.342.
- 11.Там же.
- 12.Пушкин А.С. Из Индемонта // Там же. С.369.
- 13.Пушкин А.С. Поэт и толпа // Там же. С. 89.
- 14.Мочульский К.В. Гоголь// Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.. С.37.
- 15.Розанов В.В. Гоголь // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 119.
- 16.Мережковский Д.С. Гоголь // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. Москва-Харьков, 1994. С. 595.
- 17.См.: Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 173.
- 18.Гершензон М.О. Исторические записки. М., 1910. С.104.
- 19.Терц А. В тени Гоголя. // Терц А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1992. Т.2. С.20.
- 20.Гершензон М.О. Исторические записки. М., 1910. С.104.
- 21.Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 328.
22. Гершензон М.О. Исторические записки. М., 1910. С.98.
23. Там же. С. 96.
24. Гоголь Н.В. Женщина. Ук. собр. соч. Т.1. С.9.
- 25.Барабаш Ю.Я. Гоголь. Загадка «Прощальной повести». М., 1993. С. 68.
- 26.Тишкин Г. А. Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура. СПб., 1995. С. 156.
- 27.Данилова Е. Ученый нашей семьи // Родина. 1996. №3. С.78.
- 28.Тургенев И.С. Гоголь // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1968. Т.6. С. 365.
- 29.См.: Михеев В. Пана женского пола // Известия. 31 марта 2000 года. С 4
- 30.Чернышевский П.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. С. 15

РАССАДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

В одном из кварталов, примыкавших к сформировавшемуся с 1780-81 годов новому административному центру губернского города Саратова, в начале XIX века сложился усадебный комплекс, владельцем которого был саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе. Действительный статский советник Алексей Давыдович Панчулидзе (1768-1834) занимал должность саратовского гражданско-губернатора с 1808 по 1826 годы. И городская усадьба, и знаменитое загородное имение Панчулидзева в районе Кладбищенских оврагов являлись его частной собственностью. Главный дом городской усадьбы Панчулидзева строился в 1812 году по проекту архитектора, имя которого остается неизвестным.

В 1814 году городской дом Панчулидзева, «... в котором все стены ... выщекатурены под мрамор, печи изразцовые, фигурные и прочее все соответственно сему...», был поврежден пожаром. После этого события в доме не осталось «...ни полов, ни рам, ни дверей, ни косяков, ни парадной лестницы», - это было «... заброшенное здание, которое своими закоптелыми стенами свидетельствовало о богатерской силе огня»¹. В таком виде в 1817 году усадьба Панчулидзева была приобретена городской казной под гимназию. В соответствии с утвержденным 5 ноября 1809 года новым уставом учебных заведений в первой четверти прошлого столетия главные народные училища в губернских городах России преобразовывались в мужские гимназии. В Саратове гимназия была открыта позже, чем в Рязани, Пензе, Симбирске и многих других губернских городах, где они существовали уже в первом десятилетии XIX века. Только в 1815 году губернатор Панчулидзев начал сбор пожертвований на приобретение здания для гимназии. Одновременно обсуждался вопрос о том, какое из зданий в городе следует купить. Губернским предводителем дворянства князем Чегодаевым были предложены на выбор: здание дворянского собрания на Московской улице или городской дом губернатора Панчулидзева. Откомандированный в Саратов в 1816 году архитектор Казанского учебного округа Марш, и помогавший ему саратовский губернский архитектор Суранов отмечали, что «дом дворянства найден неподходящим.... дом же Панчулидзева, каменный двухэтажный с деревянным оштукатуренным мезонином, обращенным к Волге,

оказался весьма удобен и приличен для гимназии по его обширности и красоте помещения, по средоточенности в городе и по близости к (Александро-Невскому) собору, создаемому усердием граждан»². В конце 1816 года архитекторы Марш и Суранов сделали серию чертежей, фиксирующих облик городской усадьбы Панчулидзева до ее перехода в собственность казны. Одновременно ими были разработаны предложения по перестройке здания под гимназию.

Наконец сумма, необходимая для покупки домовладения Панчулидзева, была собрана, и акт был оформлен юридически. В утвержденном Александром I 26 мая 1817 года докладе князя Голицына говорилось: «... для помещения в Саратове губернской гимназии, с предполагаемым при ней учебным заведением для дворянских детей, признан ... удобным дом гражданского губернатора ... Панчулидзева, оцененный по смете в 189836 рублей ... Губернатор, желая и со своей стороны способствовать общей пользе, согласился отдать свой дом на означенное употребление, с уступкою из сметы 39836 рублей, за тем 30000 рублей, принимая на собственный счет и все вышеозначенные перестройки».

30 августа 1820 года состоялась торжественная церемония открытия Саратовской первой мужской гимназии. Приличествующе случаю звучали похвальные слова строителям и жертвователям, напутственные – воспитателям, назидательные – воспитанникам. Спустя столетие, к юбилею гимназии, будет написан не один труд по истории учебного заведения, которое слыло в Саратове «рассадником просвещения». С ностальгической снисходительностью мемуаристы припомнят многое из того, что казалось навсегда забытым, исследователи поднимут архивы и вызовут к жизни документы, ныне, к сожалению, бесследно исчезнувшие, так что единственным источником, позволяющим нам заглянуть в прошлое, станут эти труды³. Первым директором гимназии был Алексей Михайлович Ченькаев (1820-1823). Директорство Ченькаева запомнилось современникам ревизорским посещением Ивана Ивановича Лажечникова, известного романиста, тогдашнего директора Пензенских училищ. Тщательная ревизия вскрыла в Саратовской гимназии ряд злоупотреблений. Относительно учебно-воспитательной стороны дела зоркий ревизор отметил, что «были замечены ... постыдные поступки учеников гимназии». По итогам ревизии Саратовская гимназия в нравственном отношении оказалась наихудшей во всем учебном округе и такое понижение нравственности Лажечников отнес исключительно «к слабому смотрению бывшей дирекции»⁴.

Вновь назначенный директор Иван Павлович Менделеев приехал в Саратов с намерением собственным примером воспитывать в юношах терпение и любовь. Сын священника из Тверской губернии, выпускник Главного педагогического института, он известен ныне не только славою своего сына Дмитрия, но и собственным вкладом в педагогическую копилку. Вот некоторые из воспитательных сентенций Менделеева: «Доколе жизнь продлится, не надобно терять из виду детей, особливо, когда они не укрепились в нравственности, и не укрепили своего характера». — «Надобно дельное отличать от неделного, первому учиться, а последнего убежать, надобно подражать пчеле, которая с разных цветков собирает сок и делает сладкий мед. О, когда бы мы, люди, этому насекомому умели подражать! Но, к сожалению, под рукой человека чистое и сладкое делается горьким»⁵. При Менделееве были отремонтированы здания гимназии, бедный пособиями физический кабинет обогатился некоторыми приборами, составлена подробная опись книг фундаментальной библиотеки гимназии. Директор прилагал также заботы к преподаванию искусств. Однако, николаевская Россия не потеряла умного воспитателя юношества. Как человек просвещенный, Иван Павлович не очень соблюдал посты и живущих при гимназии воспитанников старался кормить хорошо постоянно. Об этой «вольности» директора кто-то донес в округ и тогдашний попечитель, Михаил Леонтьевич Магницкий, после произведенной им ревизии отыскал в гимназической жизни непорядки и в наказание назначил Менделеева на ту же должность в Пензу.

Случайно ли, в силу ли складывающихся роковых обстоятельств директора гимназии вдруг оказывались растратчиками гимназических средств. Так, А.Н. Ченыкаев присвоил из казны 2 тыс. рублей. В 1833 году «за день до смерти директора Пономарева оказалась в растрате гимназическая сумма 5810 р. 48 к. ассигнациями, которая в течение 1834 года неизвестными лицами внесена вся». Таким образом, старшие учителя отделались от уплаты казенного долга из своего скудного жалования. Через десять лет, после исчезновения очередного директора гимназии Гине В.Ф. «... в денежных суммах, книгах и учебных пособиях, принадлежащих гимназии, оказался недостаток всего на 8812 руб. 24 коп. сер.<ебром>». Точно так же оказался недостаток и в суммах Саратовской публичной библиотеки на 614 р. 88¾ коп. серебром». Как известно, учителя выплачивали не только растраченную Гине сумму, но и все судебные издержки по производству самого дела.

Мемуаристы отмечают, что «золотой век» Саратовской гимназии приходится на пятидесятые годы. В ту пору здесь трудились лучшие, особенно в преподавании литературы, педагогические силы, каких не знало ни предшествующее, ни даже последующее время. В обществе чувствовалась огромная жажда знания и необычное стремление к саморазвитию. В данном случае школьные учителя сослужили делу просвещения великую службу. «Работавший до тех пор в неизвестности скромный учитель вдруг выдвинулся на сцену – в нем все стали видеть главного виновника культуры народа. Учителя являлись первыми проводниками просветительных идей, которыми были вдохновлены на университетских скамьях и дружеских кружках и которые они разносили из центров просвещения по самым глухим закоулкам дореформенной России. Им родина наша главным образом обязана воспитанием поколения, вынесшего на своих плечах реформы 60-х годов»⁶.

Саратов в 50-е годы выделился среди других городов России по своему интенсивно поступательному движению вперед и занял одно из первых центральных мест в смысле пробуждения общественной жизни. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, в Саратове жили в то время многие просвещенные люди, из которых одни состояли на государственной службе, другие были ссыльные. Они выделялись и своими талантами и своей поразительной работоспособностью: одни из них обладали обширной эрудицией, соединенной с природной гибкостью и тонкостью ума, другие были необыкновенно усидчивы. Общее несчастье, так же как и общие интересы и любовь к труду, сблизили этих идеалистов: они сдружились между собою и обменивались своими впечатлениями по поводу читанного и слышанного в своих дружеских беседах. Частые встречи и постоянные беседы на излюбленные злободневные темы требовали определенных мест и времени для обмена мыслями и, таким образом, сами собой стали возникать кружки, так много содействовавшие успеху просвещения.

Учителя Саратовской гимназии первые откликнулись на эти беседы: они составили товарищеский кружок с литературным направлением. На «встречи» у учителя истории Белова заглядывали Мордвинов, управляющий Саратовской удельной конторой, учитель Лакомте, председатель казенной палаты Ган, врач Стефани, бывали здесь и гимназисты. Душою общества слыли Костомаров и Чернышевский.

Старшим учителем русской словесности в IV-VII классах гимназии Николай Гаврилович Чернышевский числился официально с 6 января 1851 года по 10 сентября 1853 года.

Преподавание предмета до Чернышевского велось в гимназии неудовлетворительно, что отмечено в официальном отчете по итогам 1850-1851 учебного года. Учитель словесности Волков Ф.П., по воспоминаниям выпускника 1853 года Виссариона Дурасова, о Пушкине отзывался, как о писателе, тратившем свой талант на «пустяки», Лермонтова называл мальчишкою-забиякой, а Гоголя - писателем грязным и циничным, о Тургеневе, Некрасове, Гончарове ученики ничего не слышали с учительской кафедры. Статьи Белинского были им неизвестны⁷.

Первые уроки Н.Г.Чернышевского поразили учеников своей новизной и необычностью. «Гимназисты увидели, что новый учитель в своем преподавании непохож на других, все он делает по-своему, что они до сих пор не видели и не слышали. Он не садится на учительское место, а ставит стул около учеников, об учебнике Кошанского, который всем опротивел, даже и не упомянул. Вместо него он стал читать ученикам произведения наших классиков: Жуковского, Лермонтова, Пушкина и др., о которых гимназисты совершенно не имели понятия, и критически разбирать их, и, таким образом, открыл своим юным слушателям сокровищницу, из которой они могли бы черпать свое образование и развитие»⁸.

Мемуаристы рассказывают, что уроки Чернышевского проходили очень оживленно. На них обсуждались темы, связанные не только с историей и теорией литературы, но и с русской, а также всеобщей историей, причем от учеников требовались самостоятельные суждения по каждому вопросу.

В обязанность преподавателя словесности входило проведение литературных бесед в форме диспутов. Вначале зачитывалось сочинение одного из учеников, назначались трое оппонентов, а трое других вместе с автором сочинения защищали его. С приходом Чернышевского «беседы приняли живой, осмысленный характер. лишенный парений и коленопреклонений»⁹.

Сочинения с протокольной записью диспутов отсылались для контроля в канцелярию учебного округа, откуда препровождались на кафедру словесности Казанского университета на рецензирование. Кстати, Саратовская гимназия считалась одним из лучших учебных заведений в Казанском учебном округе, и потому ее выпу-

скиники пользовались правом поступления в Казанский университет без экзаменов. Рецензентом в те годы был адъюнкт Н.Н.Булич. Положительно оценивая содержание сочинений учеников Чернышевского, Булич отмечал незнание ими грамматических правил. Современные исследователи утверждают, что молодой учитель, действительно, главную цель преподавания словесности видел вовсе не в грамматике, не в схоластических упражнениях «красно и прилично выразаться», он «практически знакомил учеников с классическими произведениями авторов, разбирая их влияние на общество и его развитие, и вообще способствовал к правильному уразумению духа и направления авторов в зависимости от исторических причин или событий», при этом он «умел развить охоту к чтению, учил правильному использованию источников»¹⁰.

Н.Г.Чернышевский не скрывал своих антикрепостнических настроений ни от сослуживцев по гимназии, ни от ее директора А.А.Мейера, человека сухого и педантичного, типичного представителя сурового николаевского времени. Современники вспоминали, как однажды в порыве гнева директор раздраженно воскликнул: «Какую свободу допускает у меня на уроках Чернышевский! Он говорил ученикам о вреде крепостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство. В Камчатку улекут меня за него!»

Алексей Андреевич Мейер, управляя гимназией с 1851 по 1862 год, оставил по себе недобрую память, а за мстительный характер и гнусавый голос получил от учеников обидное прозвище - «каторжник, рваные ноздри». Гимназисты не любили Мейера, им не нравилось его обхождение с ними - грубое, надменное, властное. Скоро представился случай к выражению неудовольствия, к протесту. Директор обругал ученика V класса Пучинского за то, что тот пришел в класс в очках. Возмущенные старшеклассники решили потребовать у Мейера извинения в присутствии учеников и учителей. Но когда ученик 7-го класса А.Катин-Ярцев вышел к директору для переговоров, тот взял его за шиворот и повернул к двери. Дальше случилось невообразимое. Катин-Ярцев размахнулся и ударил Мейера по лицу. Случай этот получил широкую огласку, гимназия, имевшая репутацию «неблагонадежной», подверглась ревизии и проверкам. В Саратов были командированы попечитель Казанского учебного округа Стендер и его помощник Шестаков. Следствие закончилось закрытием трех классов гимназии, увольнением десяти воспитанников и высылкой в 24 часа из Саратова учителя матема-

тики Дмитриева и преподавателя латинского языка Караваева за организацию гимназических сходок на своих квартирах и чтение вредных статей Д.И.Писарева. Ученики устроили высылаемым учителям бурные проводы, побили окна в квартире директора. Катина-Ярцева месяц держали в полиции, после чего выпустили из гимназии с «волчьим билетом», т.е. без права поступления в высшие учебные заведения страны. Мейер с поста директора был отстранен.

Громким эхом отозвалось в Саратовской гимназии каракозовское дело. Покушавшийся 4 апреля 1866 года на царя Дмитрий Каракозов был воспитанником гимназии, и, естественно, известие о покушении вызвало переполох среди преподавателей, опасавшихся, что придется нести ответственность за воспитание Каракозова. Показателен тот факт, что дело Каракозова связали с Чернышевским. Однако во время следствия выяснилось, что в бытность Чернышевского в гимназии Каракозов учился лишь в I классе. Вскоре после каракозовского дела в Саратов приехал министр народного просвещения граф Д.А.Толстой. В речи перед учителями, не называя имени Чернышевского, он прямо обвинял его в распространении «разрушительных идей, последствием коих, как теперь сказывается на опыте, было умственное и нравственное развращение некоторых людей, сделавшихся несчастною жертвою этой пропаганды»¹¹.

Вероятно, министр имел в виду студентов Казанского университета, воспитанников Саратовской гимназии, сыгравших видную роль в общественном движении 60-х годов: И.Умнова, П.Пескова, С.Клауса и др. В Москве саратовцы Ю.Мосолов, В.Попов, Н.Шатилов, А.Волосатов организовали нелегальную организацию, известную под названием «Библиотеки казанских студентов». Всего же в нелегальных кружках, антиправительственных организациях и тайном обществе «Земля и воля» участвовало около 30 выпускников Саратовской гимназии¹².

Не случайно саратовская гимназия получила лестное определение «рассадник просвещения». Из ее стен вышла целая плеяда высокоталантливых ученых и общественных деятелей, занявших почетное место в истории отечественной науки и культуры, чьи научные открытия внесли весомый вклад в мировую науку и культуру. Золотыми буквами вписаны в историю гимназии имена ученого-химика Николая Зинина, историка-слависта Павла Ровинского, выдающегося эпидемиолога Григория Минха, академика Александра Пыпина, врача-терапевта, профессора Григория Захарьина, изобре-

тателя Павла Яблочкова, историка русского языка и летописания Алексея Шахматова, физика и биолога, профессора Порфирия Бахметьева и многих других. Эти имена не забыты и поныне.

¹ Черняев П.Н. Из прошлого Саратовской гимназии. // Труды Саратовской Ученой Архивной комиссии (СУАК). Саратов, 1911. Вып.27. С.2.

² Там же. С.3.

³ Духовников Ф.В. Первые страницы Саратовской мужской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т.1. Вып.2. С.26-48; Жеребцов В.О. Воспоминание о Саратовской первой мужской гимназии и С.-Петербургском университете. Саратов. 1912; Лакомте М.А. Воспоминание о Саратовской гимназии // Труды СУАК, Саратов, 1903. Вып.23. С.1-26; Черняев А.Н. Материалы для истории Саратовской 1-й гимназии. Биографические очерки директоров, 1820-1851, Саратов. 1909.

⁴ Черняев П.Н. Материалы для истории Саратовской 1-ой гимназии. С.12.

⁵ Там же. С.25.

⁶ Там же.

⁷ См.: Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С.56.

⁸ Там же. С.60.

⁹ Воронов М.А. Болото. СПб. 1870. С.123.

¹⁰ Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1978. Ч.1. С.236-237.

¹¹ Северная почта. 1866. №196. 13 сентября.

¹² См.: Бушканец Е.Г. Ученики Н.Г.Чернышевского по гимназии в освободительном движении второй половины 1850 – начала 1860-х г.г. Казань. 1963.

К.В. РАТНИКОВ

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О С.П. ШЕВЫРЕВЕ:

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ

По праву став одним из наиболее ярких и последовательных продолжателей дела Белинского в отстаивании демократических идеалов общественного устройства и защите реалистического направления отечественной литературы, Н.Г.Чернышевский вместе с тем унаследовал и тот круг противников, с которыми неустанно полемизировал «неистовый Виссарион». К числу постоянных литературных и политических оппонентов Белинского принадлежал профессор Московского университета, академик Петербургской академии наук, ведущий литературный критик активно поддерживавшего правительственный курс журнала «Москвитянин» Степан Петрович Шевырев (1806 – 1864). Консервативная общественная пози-

ция Шевырева, его враждебная настроенность по отношению к реалистическим тенденциям авторов «натуральной школы» вызывали отпор со стороны демократических общественных сил сороковых годов, следствием чего явилось постепенное формирование единого образа этого литературного деятеля, закрепленного в целом «антишевыревском» цикле критических статей и памфлетов, направленных на выявление несостоятельности общественно-литературной позиции Шевырева и развенчании его академического авторитета. Начало этой полемической традиции было заложено еще в середине тридцатых годов Белинским, посвятившим своим принципиальным спорам с Шевыревым обширную статью «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»» (1836), а позднее – знаменитый памфлет «Педант. Литературный тип» (1842), способствовавший окончательному формированию иронического отношения к Шевыреву в прогрессивных общественных и литературных кругах. Свою лепту в «снижение» образа академического критика внес и Герцен, язвительными штрихами обрисовавший образ соиздателя «Москвитянина» в фельетоне «Ум хорошо, а два лучше» (1843). Таким образом, к моменту публикации в «Современнике» третьей статьи из цикла «Очерков гоголевского периода в русской литературе» (февраль 1856), рассматривающей деятельность Шевырева-критика в сороковые годы, были уже заложены прочные основы неприятия его литературных концепций и выработана тактика саркастического отрицания его общественной программы.

Глубоко закономерно, что в цикле «Очерков гоголевского периода», одной из главных задач которого стало возвращение в русскую литературу, после семи лет жесткого цензурного запрета, имени и идей Белинского, Чернышевский не только проявил полную солидарность со своим предшественником по всем принципиальным вопросам, но и творчески усвоил и взял на вооружение многие приемы из арсенала его литературно-общественной борьбы. Полемическое рассмотрение Чернышевским литературной и идейной позиций Шевырева наглядно демонстрирует, как молодой критик, опираясь на опыт Белинского, развил и усовершенствовал методы низвержения необоснованного авторитета противника и опровержения его неприемлемой точки зрения. Третья статья «Очерков» Чернышевского в хронологическом отношении представляет собой как бы продолжение спора, начатого Белинским с Шевыревым еще в тридцатые годы, но уже преимущественно на материале литера-

турно-критических выступлений Шевырева на страницах «Москвитянина» в сороковые годы. Тем самым Чернышевский словно бы отсылает заинтересованного и хорошо осведомленного в текущем литературном процессе читателя к прежней статье Белинского 1836 года, что придает ей в новой общественно-литературной ситуации середины пятидесятых годов статус своего рода пролога к продолжающейся непримиримой полемике.

Показательно прямое соответствие между сформулированным Белинским в заглавии своей статьи – «О критике и литературных мнениях...» – отрицательным отношением к излишнему субъективизму и произвольности критических суждений Шевырева и аналогичной оценкой, даваемой им Чернышевским: «Мы уже отказались от слишком трудной задачи положительным образом определить **мнения** (здесь и далее выделено мною. – К. Р.) г. Шевырева. Приступая теперь к изложению его **критической деятельности**, соответственно своему решению, мы не будем отыскивать принципов его **критики**, вовсе даже не будем касаться их» (Т.3. С.92). От Белинского воспринят Чернышевским и способ анализа литературно-критических статей Шевырева: он рассматривает их одну за другой, в порядке их появления в номерах «Москвитянина», т. е. так же, как ранее Белинский рассматривал публиковавшиеся в «Московском наблюдателе» критические выступления Шевырева.

Помимо принципиальных моментов совпадения позиций двух критиков, можно указать также множество частных точек соприкосновения между взглядами Белинского и Чернышевского на литературную деятельность Шевырева. Так, Чернышевский вполне солидарен с иронической трактовкой Белинским поэтических опытов Шевырева в области сближения русской поэзии с итальянской путем внедрения в отечественную систему стихосложения «неслыханных октав... с шумом и скрипом» (по выражению Белинского в язвительной заметке «Просодическая реформа», 1835)¹. Напоминая читателям об этих неудачных экспериментах Шевырева, Чернышевский высказывается о них в той же пародийной манере: «Жалею, что недостаток места не позволяет нам украсить этих страниц гармоническими октавами ученого поэта...» (Т.3. С.91). Кстати, сам факт чрезмерного увлечения Шевырева Италией, излишне частыми упоминаниями о которой пестрели его статьи, отмеченный еще в «Педанте» Белинского (а также в упомянутом герценовском

фельетоне: «Степан Петрович любит Италию, поющую октавы...»², не укрылся и от Чернышевского. Анализируя статью Шевырева о сочинениях Пушкина, Чернышевский не преминул отметить эту особенность критической манеры своего оппонента: «...вы ничего не найдете в статье г. Шевырева о содержании поэзии Пушкина, ее значении в нашей литературе, ее отношениях к обществу (т. е. всего того, чему так много внимания уделял в своих критических разборах Белинский. - К. Р.). Зато очень много говорится об Италии» (Т.3. С.107).

Вслед за Белинским Чернышевский направляет огонь критики на наиболее уязвимые пассажи из шевыревских статей, подчеркивая их комическую несообразность и стилистическую курьезность. В «Педанте» Белинский подверг осмеянию чересчур напыщенное определение, данное Шевыревым творчеству беллетриста Н.Ф.Павлова: «Желая поднять до небес повести своего приятеля, он говорит, что его приятель выдвинул все ящики в многосложном бюро человеческого сердца...»³. Иронически характеризуя перечень имен, приводимых Шевыревым в качестве представителей «светлой стороны» современной литературы, Чернышевский вновь обращается к примененному Белинским полемическому выпадку, отмечая в статье Шевырева «много других замечательных суждений... о г.Павлове (который выдвинул все ящики в бюро женского сердца и которого г. Шевырев долго предпочитал Гоголю)...» (Т.3. С.112). По примеру Белинского Чернышевский не обходит саркастическим комментарием и знаменитый ультрапатриотический пассаж Шевырева о мощи России, олицетворяемой необъятным полноводием русских рек. В «Педанте» Белинский остроумно переинтерпретирует шевыревский пафос: «Начиная восхищаться родиною, он делает вопросы, вроде следующих: что, если бы наша Волга, забрав с собой Оку и Каму, да соединившись с Леною, Енисеем, Обью, Днепром, взлезла на Альпы, да оттуда - у-у-у-у! на все концы Европы; куда бы девались все эти французишки, немчура?»⁴. Чернышевский подхватывает критическую стрелу предшественника и вновь посылает ее в адрес незадачливого любителя патриотических метафор: «Статья начинается размышлением об огромности пространства, занимаемого Россиею, и о том, что всё в ней имеет громадные размеры. - В рассуждении об этом автор доходит до поэтического предположения, которое в свое время поразило ужасом бедных итальянцев... (Далее следует цитирование подлинных вы-

ражений из статьи Шевырева. – К. Р.) И не только итальянцы, даже русские были смущены этим ужасным и новым предположением, этим неслыханным бедствием, угрожающим целой стране. До 1842 года только однажды было высказано столь роковое опасение» (Т.3. С.93), – с иронией пишет Чернышевский и ссылается на фрагмент из гоголевских «Записок сумасшедшего», пародийно приравнивая тем самым сужения почтенного академика к бреду несчастного умалишенного, – блистательный пример поистине убийственного полемического выпада!

Необходимо отметить, что сам прием сатирического сравнения критика-профессора с персонажами, казалось бы, явно не подобающими ему по своему статусу, но, тем не менее, обладающими чертами неожиданного сходства с ним, был также творчески воспринят Чернышевским у Белинского. После только что цитированного пародийного пересказа Белинским в «Педанте» шевыревского гипотетического «вопроса» о последствиях для Европы от слияния русских рек, Белинский уподобляет ученого мужа, способного все-речь задавать столь странные вопросы, наивному юнцу из простонародья: «Не правда ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говорит: «А что, тятя, коли б наш чалый мерин-то сделался бурою коровою, – ведь мама молочка еще бы дала мне?»⁵. Разрабатывая удачно найденный Белинским прием полемического осмеяния оппонента, Чернышевский создает свой собственный образ для сатирического сравнения, опять-таки взятый из простонародной среды, заведомо далекой от академического положения Шевырева, что усиливало комический эффект сопоставления. Характеризуя необоснованность критических высказываний Шевырева, Чернышевский использует полемический прием пародийного сравнения, восходящий к «Педанту» Белинского: «Впечатление, которое производят они (суждения Шевырева. – К. Р.), когда перечитываешь их подряд, можно сравнить только с тем, как если бы смотреть картины несколько расшатавшейся в пружинах народной нашей панорамы, то есть так называемого в просторечии «райка». Приложишь глаз к стеклу – видна широкая река, на берегу стоят пирамиды – «вид итальянского города Неаполя», – поясняет народный наш чичероне; повертывается ручка – появляются Тюильри, Лувр. вдали Notre Dame de Paris – «Морская виктория при Гангуте, одержанная Петром великим над шведами», – поясняет народный чичероне; опять повертывается ручка

– является храм св. Петра в Риме – «вот это самая и есть Москва златоглавая», – поясняет чичероне и т. д. и т. д. Вы недоумеваете, но не можете оторваться от панорамы с интересными пояснениями чичероне. А он стоит, серьезно поглаживая бороду, и думает: «погоди, еще не такие штуки покажем» (Т.3. С.112). Ничуть не уступая по убийственной комической силе пародийному образу крестьянского мальчика, предложенного Белинским, образ «народного чичероне» у Чернышевского более точно попадает в своего адресата – известного знатока Италии профессора Шевырева: не зря в числе демонстрируемых картин фигурируют Неаполь и Рим. Играет свою роль и борода, которую с серьезным видом поглаживает пародийный персонаж: возможно, этим приемом Чернышевский хотел подчеркнуть, что со времени появления «Педанта» его герой, прежний «крестьянский мальчик», успел порядком возмужать, да вот суждения его не стали с годами сколько-нибудь основательнее.

Стремясь выявить мелочность и незначительность отстаиваемой Шевыревым литературно-общественной позиции, и Белинский, и Чернышевский указывали на стилевые изыски, на приукрашенный излишними художественными оборотами слог статей Шевырева как на объективный показатель того, что научная истина зачастую приносилась им в жертву красотам стиля. «Педант мой говорит голосом важным, протяжным и тихим, несколько переходящим в фистулу, как будто от изнурительной полноты ощущений в пустой груди, как будто от изнеможения вследствие частой декламации *ex-officio*... Слог его стал дик до последней степени»⁶, – писал в своем памфлете Белинский, и Чернышевский саркастически развивает эту мысль: «Г. Шевырев неосторожен в выборе выражений: он более заботится о их силе или картинности, нежели о том, к каким заключениям подают они повод. Но дело в том, что из его слов не надобно выводить никаких заключений: цель всех этих картинных изображений – в них самих; они – прекрасные поэтические украшения речи, имеющие своим назначением не выражение фактов действительности, а осуществление идеальных воззрений творческой фантазии поэта» (Т.3. С.98).

Особого внимания в аспекте взаимоотношения литературных позиций Шевырева и Чернышевского заслуживает выбор последним заглавия для цикла своих критических статей – «Очерки гоголевского периода русской литературы». Дело в том, что за семь лет

до появления первой из статей будущего цикла Чернышевского на страницах того самого «Москвитянина», с литературной позицией которого Чернышевский вел полемику в третьей статье своих «Очерков», была опубликована обширная литературно-критическая работа Шевырева под знаменательным заглавием – «Очерки современной русской словесности». По своей идейной направленности «Очерки» Шевырева были обращены против творческого метода писателей «натуральной школы», защищаемой позднее Чернышевским, поэтому не приходится, разумеется, говорить о каком-либо влиянии их на «Очерки» Чернышевского, кроме как поводе для резко критического разбора, однако вполне правомерно предположение о том, что само это емкое и в то же время не сковывающее авторскую свободу в выборе материала название, данное Шевыревым своим критическим этюдам (упомянув их в своей статье, Чернышевский заключил определение «очерки» в язвительные кавычки), могло быть перенято Чернышевским и использовано уже с полемической целью как своего рода опровержение консервативных построений «москвитянинского» критика.

Своими «Очерками» Чернышевский успешно продолжил идущую от Белинского традицию полемического развенчания литературной деятельности Шевырева. Но вместе с тем полемические приемы Чернышевского сами, в свою очередь, были взяты на вооружение другим критиком, также затратившим немало сил на противодействие взглядам Шевырева. Речь идет о Н.А. Добролюбова. В 1859 году, через три года после опубликования третьей статьи из «Очерков» Чернышевского, в «Современнике» появилась рецензия Добролюбова на только что вышедший из печати третий том лекций Шевырева «История русской словесности, преимущественно древней». Оценка двум первым томам была дана в своей статье Чернышевским, и те самым рецензия Добролюбова явилась продолжением критического рассмотрения научной деятельности Шевырева, как «Очерки» Чернышевского явились продолжением полемических работ Белинского: «антишевыревские» традиции в русской демократической критике оказались весьма устойчивыми.

Основой отношения Добролюбова к личности и писаниям Шевырева явилась глубокая и всепроницающая ирония, делающая фигуру Шевырева, в изображении Добролюбова, столь же комически «сниженной» и развенчанной», как и в «Очерках» Чернышевского.

Как и Чернышевский, Добролюбов проводит через всю рецензию ключевое определение, которое должно закрепить в восприятии читателей оценку личности и взглядов Шевырева. Чернышевский настойчиво иронически именовал своего героя «ученым автором» (Т.3. С.94-97, 99-100 и др.); Добролюбов обращает преимущественное внимание на другую сторону литературной деятельности Шевырева – неудачливость предпринимавшихся им попыток утверждения своих идеалов, многочисленность допускаемых в своих критических выступлениях неточностей и ошибок, вследствие чего Добролюбов закрепляет за Шевыревым ироническое наименование «опробетчивого профессора»⁷. Композиционно Добролюбов строит свою рецензию во многом сходно со статьей Чернышевского: прежде чем перейти к подробному рассмотрению собственно научного труда Шевырева, Добролюбов дает краткий обзор другим сторонам его деятельности, используя при этом некоторые аргументы из числа тех, которые приводил с своей статье Чернышевский. Так, первые же три факта показательных промахов Шевырева в рецензии Добролюбова (давняя статья «Словесность и торговля», в которой Шевырев возражал против распространения денежных отношений в области литературы; определение Шевыревым Бенедиктова как поэта мысли; предложенная Шевыревым поправка к одному из лицейских стихотворений Пушкина) упоминаются в той же последовательности и в статье Чернышевского. Всё это свидетельствует не только о доскональном знакомстве Добролюбова со статьей Чернышевского, но и о том, что статья эта продолжала оказывать неослабевающее воздействие на критическое отношение к Шевыреву в демократических кругах.

В оценке научного труда Шевырева Добролюбов гораздо более строг, нежели Чернышевский, высказывавшийся о первых двух томах шевыревской «Истории русской словесности» сдержанно и достаточно нейтрально: «Это самое ученое и самое важное сочинение г. Шевырева. Хорошую сторону его составляет то, что факты, относящиеся к истории литературы, собраны довольно полно; слабая сторона – то, что они переплетены с гипотезами и мечтами»⁸. Чернышевский обращает особое внимание на произвольность интерпретаций, даваемых Шевыревым произведениям древнерусской словесности; в частности, ироническую реплику вызывает стремление Шевырева доказать актуальность звучания основных идей эпохи Древней Руси в современных общественных обстоятельствах:

«...автор совершенно одинаковым тоном говорит и о том, что Владимир Мономах написал поучение своим детям, и о том, что Гегелева философия возникла из мыслей, изложенных в послании Никифора к Мономаху...»⁹. Для Добролюбова, ратующего за обновление всех сторон жизни современной России, решительно неприемлема ориентация Шевырева на консервативные духовные идеалы прошлого, поэтому он столь резко негативно характеризует «Историю русской словесности» как «затхлое, гнилое, трупобразное явление»¹⁰, а для опровержения проводимых Шевыревым исторических параллелей вновь использует критический выпад Чернышевского о Гегеле и Мономахе: «...г. Шевырев заключает, что истина Древней Руси – вечна... всё это прекрасно и нимало не удивило нас: мы давно знали, что г. Шевырев проповедовал печатно, что-то вроде того, что философия Гегеля заимствована из «Поучения» Владимира Мономаха»¹¹.

Таким образом, на материале «антишевыревских» статей Белинского, Чернышевского и Добролюбова выявляются характерные черты полемической традиции русской радикально-демократической критики середины XIX века – сочетание аналитичности и памфлетности, иронии и серьезной логической аргументации, неотразимости остроумных выпадов и строгой обоснованности итоговых заключений. В результате даже те авторы, чьи «литературные мнения» не слишком-то содействовали прогрессивному развитию текущего литературного процесса, всё же невольно оказали несомненную услугу отечественной литературе, выступив в качестве объектов для оттачивания полемического оружия великих русских критиков.

¹ Белинский В.Г. Собр.соч.: В 9-ти т. – М., 1976. Т.1. С.429.

² Герцен А.И. Собр.соч.: В 30-ти т. – М., 1954. Т.2. С.17.

³ Белинский В.Г. Указ.соч. Т.4. С.387.

⁴ Белинский В.Г. Там же.

⁵ Белинский В.Г. Там же.

⁶ Белинский В.Г. Там же.

⁷ Добролюбов Н.А. Собр.соч.: В 9-ти т. – М., 1962, Т.4. С.187

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

«О СПОСОБАХ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ТЕЧЕНИЕ СОБЫТИЙ»

В сообщении рассматриваются некоторые аспекты проблемы революционного действия, которые находятся на периферии внимания исследователей пореформенной эпохи, а именно – вопрос об одном из мотивов стремления «образованного меньшинства» возглавить революционный процесс.

Путь к любому политическому движению лежит через определенный сдвиг в общественном сознании. Исподволь, постепенно происходит переориентация различных социальных слоев от принятия status quo к отрицанию политического протеста.

К началу 60-х годов для подданных Российской империи стала очевидна вся непоследовательность верховных преобразователей. Общество – от либералов до консерваторов – чувствовало себя обманутым. Не говоря уже о крепостных, которые, по словам очевидца объявления Манифеста 19 февраля в Саратовской губернии – князя В.И.Васильчикова, «никак не могли поверить, что вся царская милость в том и заключается, что их еще на два года оставляют под этим гнетом»¹. В проведении реформ власть действовала испытанным путем, отдавая распоряжения сверху и ожидая снизу лишь отчета об исполнении, не предполагая никакого «сотворчества» со стороны общества.

Ситуация нашла ярчайшее отражение в нашумевшем постановлении тверского дворянского собрания 1862 года – «предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто убеждением, что правительство не в силах их совершить...». Эту идею внушала читающей публике и передовая журналистика того времени. Один из каракозовцев, описывая в показаниях Следственной комиссии свой гибельный путь в подпольную организацию, говорил: «Современник» прямо проводил ту мысль, что не ждите ничего хорошего от правительства, ибо оно не в состоянии дать этого, хорошее можно взять только самому»².

Вопрос сводился к тому, каким способом и какими силами можно достичь тех преобразований, на которые неспособно правительство. Ответ был очевиден, – если не должным образом проведенная крестьянская реформа, значит – крестьянская революция. Главной действующей силой грядущих перемен должно было стать наиболее заинтересованное лицо – народ. На первый план общест-

венной мысли выдвигалась проблема роли масс в истории вообще и в периоды революционных кризисов в особенности. Каракозовец В.Шаганов, встретившийся с Н.Г.Чернышевским в 1871 году в Сибири, вспоминал слова Учителя о том, что «центр тяжести лежит именно в народе, в его нуждах... Но только ни один народ до сих пор не спасал сам себя, и даже, в счастливых случаях, приобретая себе самодержавие, передавал его первому пройдохе»³.

Этот же взгляд на народ, далекий от идеализации его способности к самостоятельному революционному творчеству, пронизывает статьи Чернышевского конца 50-х – начала 60-х годов. Массы в силу своего социального положения слишком удалены от решения и даже осознания собственных проблем. «Нужда и невежество, - писал Чернышевский, - отымают у народа всякую возможность понимать государственные дела и заниматься ими» (Т.5. С.217). В таком состоянии масса – всего лишь «материя для производства дипломатических и политических опытов» (Т.8. С.83).

В статье «Июльская монархия» (1860) Чернышевский указывает важнейшие, находящиеся в тесной взаимосвязи, факторы прогресса – политическая власть, материальное благосостояние и образованность. Применительно к народным массам эти факторы образуют замкнутую цепь причин и следствий: народ не может быть приобщен к политической власти из-за своей необразованности, просвещению масс мешает их материальное положение, а изменить последнее можно только при такой политической системе, которая будет действовать в интересах народа. Разорвать этот порочный круг народ может только с помощью людей, «близких к нему по чувству» (Т.7. С.97-98).

Многие представители разночинной интеллигенции претендовали на историческую роль народных заступников и наставников. Именно эти «Лучшие люди» дают, по мнению Чернышевского, толчок историческому развитию, приводя общество к пониманию необходимости преобразований и направляя прогрессивную деятельность, когда «в краткие периоды усиленной работы» совершается решительный шаг вперед» (Т.6. С.12-13). Выполняя свою ответственную миссию, они должны извлечь все возможное из коротких «минут одушевления» массы, ввести ее порыв в нужное русло. Знаменитую аллегория из статьи «Не начало ли перемены?» (1861) (о лошади, которая «ездит тихо и благоразумно и вдруг встанет на дыбы... и понесет») автор заключает словами: «Будет ли какой-

нибудь прок из такой выходки, или принесет она только вред, это зависит от того, дает ли ей направление искусная и сильная рука» (Т.7. С.882). Переводя эти образы на язык политических реалий России 60-х годов, заинтересованный читатель улавливал между строк, что Чернышевский видит в демократической интеллигенции вождя масс в грядущих переменах, которые без умелого руководства окажутся пустой тратой энергии народа. Ведь просвещение масс – дело многих поколений, а взрыв народного возмущения может произойти в самом ближайшем будущем.

Проблема действия могла решаться по-разному, – умеренные круги склонялись к тому, чтобы определенным общественным давлением вынудить правительство на более решительные уступки, радикалы ставили на повестку дня подготовку к народной революции. В середине 1861 года насыщенная всеобщим ожиданием, «политическим электричеством», предгрозовая атмосфера разрядилась потоком прокламаций. Печатные и рукописные, они наводняли столицы, появлялись в провинции, обращаясь к «образованным классам», офицерам и солдатам, молодежи, крестьянству, призывая поверить в свои силы и добиться решительных перемен.

Все прокламации – от листовок «Великоросса» (№№1-3 появились последовательно в июне, сентябре и октябре 1861 года) и воззвания «К молодому поколению» (сентябрь 1861 года), вышедших из круга редакции «Современника», до знаменитой «Молодой России» (май 1862 года) – сходились на том, что «народ царем обманут»⁴, уповать на добрую волю правительства не приходится, и, главное, – «долго медлить решением нельзя». Крестьянского восстания ждали к лету 1863 года, к сроку окончательного составления уставных грамот, когда народ надеялся получить «настоящую волю».

Наиболее животрепещущей проблемой оказывался вопрос о возможности мирного исхода из создавшейся ситуации, пока «время поправить беду еще не ушло». «Крестьянский топор, крестьянская, имеющая естественно, сама собой произойти революция, – для одних пугало, для других желательное и немного страшное неизвестное – вот фон всего революционного мышления того времени», – писал современник и непосредственный участник событий⁵. Крестьянам объясняли, что раз царь такой же помещик, как и их хозяева, то «не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно»⁶, призывали собираться с силами и ждать сигнала от своих «доброжелателей». Общество предупреждали, что вскоре «надобно ждать

больших смут», и, чтобы избежать их, «образованные классы» должны объединиться, чтобы «обуздать правительство и руководить им», заставив «устранить причины к восстанию»⁷. Хаосом народного бунта пугали власти, но боялись его и сами. Представляется, что опасения, высказанные Чернышевским в «Письмах без адреса», вовсе не «подцензурный прием»⁸, как утверждает их комментатор, и не военная хитрость. Цена больше всего на свете свободную человеческую личность, в равной степени попираемую произволом, на котором базируются и верховная власть в России и народное стремление к воле⁹, Чернышевский был искренен, когда писал, что «все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки»¹⁰. Лично его, возможно, действительно не испугали бы «мужики с топорами», как он говорил в «Дневнике». Но Чернышевский предостерегал своего адресата, что масса, которой не коснулось просвещение, «станет уничтожать всю нашу цивилизацию»¹¹. «Цивилизация» – вот то общее, что равно ценно для извечных антагонистов – власти и общества, одинаково оторванных приобщением к западной культуре от русского народа. Поэтому Чернышевский и обращается к императору с предложением совместными усилиями позаботиться «О средствах, которыми можно отвлечь развязку, одинаково опасную для вас и для нас»¹².

Страх перед «новой пугачевщиной» проскальзывает в некоторых прокламациях, в показаниях молодых людей, проходивших по делу Д.Каракозова, – слова Л.Оболенского о том, что «крестьяне теперь так необразованны, что в случае переворота или революции народ уничтожит всех образованных людей, считая их своими врагами»¹³ – почти цитата из Чернышевского. На этом чувстве пытался сыграть и ожидавший восстания в 1870 году С.Нечаев, вербуя новых членов в «Народную расправу». По словам одного из его ближайших сподвижников А.Кузнецова, неопитов убеждали, что участие в организации «нужно ради их же самих, ибо иначе народ, когда поднимется, истребит всех, кто не в наших рядах»¹⁴.

Для большинства прокламаций характерен тезис о том, что во всех возможных эксцессах революционной борьбы виновато правительство. Помимо воззваний, упомянутых выше, эта мысль последовательно проводится в обращении «От Русского Народного Комитета», открывающего издание «журнала общества «Земля и Воля» (январь 1863 года), листовках «Льется польская кровь, льется русская кровь...» (февраль 1863 года) и «Свобода» №1 (конец 1862

– начало 1863 годов) – «при жестокости и тупоумии правительства» неизбежная народная революция «может получить исполинские размеры кровавой драмы»¹⁵.

Такая идея не только давала революционерам моральную санкцию на применение ответных мер против правительственных репрессий, но и снимала с них ответственность за развязывание стихии народного бунта, разрушительных последствий которого они сами опасались, несмотря на все свои зажигательные декларации. Организация революционного меньшинства должна была сыграть роль сдерживающего и направляющего фактора для спасения общества от гибели в хаосе революционной катастрофы. Повышенный рационализм эпохи 60-х вселял в «штурманов грядущей бури» уверенность в том, что им по силам будет руководить разливом воли народного моря.

Если избежать восстания не удастся, революционное меньшинство должно взять на себя подготовку и руководство вооруженным выступлением масс, чтобы, как выражались авторы «Великоросса», направить восстание «благотворным для нации образом»¹⁶. Для этого «вожакам» движения предстояло, с одной стороны, объяснить «народу и войску все зло, сделанное императорской властью»¹⁷, а с другой – показать, что есть люди, «действующие на пользу народа без различия состояний»¹⁸, то есть помочь массам определить своих союзников в борьбе и направить энергию протеста в нужное русло. Такая постановка вопроса о соотношении роли народных масс и разночинной интеллигенции в революции, не уводя шестидесятников от оценки народа как основы движения, всю инициативу предоставляла революционному меньшинству.

Вольнослушатель Московского Университета, брат известного эмигранта, И.Кельсиев, сосланный в феврале 1862 года в Пермскую губернию за участие в студенческой истории и снова арестованный 30 июля того же года в связи с обнаружением его сочинения «противоправительственного характера», писал: «Мы переживаем... то время, когда передовые люди уже выходят на борьбу, а масса еще молчит, еще не осознала себя, как нечто целое, как единую и непреодолимую силу»¹⁹. При таком состоянии оторванности революционного меньшинства от масс пропаганда в народе, развитие его самосознания необходимо. Народу нужно помочь разобраться в тех силах, которые его окружают, показать – кто друг и кто враг, чтобы его стихийный протест не обратился против тех, кто рискует для него жизнью»²⁰.

Этот момент особо подчеркнут автором и остроту его подтверждают взаимоотношения массы и революционного меньшинства на протяжении многих десятилетий русского освободительного движения. Вопрос о том, способен ли народ на открытое сопротивление власти, остается для Кельсиева открытым. Но, в сущности, считает он, можно обойтись и без «поголовного восстания», всегда связанного с опустошениями и кровопролитием. «Для реформы необходимо только согласие народа, а сила найдется и в образованном меньшинстве»²¹.

Возможно, здесь же лежит одна из причин устойчивости бланкистских тенденций в русском освободительном движении. По словам известного исследователя этого феномена Е.Л.Рудницкой, «русское революционное движение несло в себе неизменную устремленность» к бланкизму, так как революционная практика «опережала реальные исторические предпосылки для выдвигаемых социально-политических целей»²². Это базовая, объективная причина, но в своих действиях люди часто руководствуются более субъективными мотивами. Одним из них могло быть вполне справедливое опасение «образованного меньшинства» за судьбы людей «в немецком платье», которые могли пасть жертвой разрушительной стихии народного бунта, и попытка добыть «социальный рай» и для себя и для народа собственными силами, вера в которые была в начале 60-х годов почти безграничной.

Даже авторы «Молодой России», видевшие единственный выход в «революции кровавой и неумолимой, ...которая должна изменить радикально все... без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка»²³, считали, что переворот возможно осуществить и без всеобщего народного восстания. Бланкистский элемент выражен в прокламации достаточно ярко. Мы встречаем идею цареубийства как средства обезглавливания и ослабления «императорской партии» – «Падет один, уничтожится и другая»²⁴. И только в том случае, если дело не кончится «истреблением императорской фамилии... и поднимется вся императорская партия», революционеры дадут сигнал к всеобщему восстанию.

На наш взгляд, это отражение наиболее характерных черт всего движения 60-х годов с его скептическим отношением к народу как самостоятельной силе и претензий недавно эмансипированной личности из числа разночинного «молодого поколения» на роль лиде-

ров, вождей освободительной борьбы. Стремившаяся к самореализации революционная молодежь 60-х годов слишком торопилась к светлому будущему, чтобы дожидаться политического «совершеннолетия» масс.

¹ Революционная ситуация в России 1859-1861 гг. М., С.451.

² ГАРФ. Ф.272. Оп.1. Д.15. Л.219 (об.).

³ Шаганов В.Н. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб., 1907. С.28-29.

⁴ Тезис выдвинут Н.П.Огаревым в статье «Разбор нового крепостного права» // «Колокол». 1861. С.101. 103-106.

⁵ Николаев П.Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России // Литературное наследство. М., 1977. С.411.

⁶ «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» // Н.Г.Чернышевский. Письма без адреса (сб.ст.). М., 1983. (далее: Н.Г.Чернышевский. Письма...). С.301.

⁷ «Великорус» // Н.Г.Чернышевский. Письма... С.305. 313.

⁸ Н.Г.Чернышевский. Письма... С.548.

⁹ Кантор В. Срубленное дерево жизни. (Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском) // «Октябрь. №2. 2000г., С.179.

¹⁰ Н.Г.Чернышевский. Письма... С.479.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ГАРФ. Ф.272. Оп.1. Д.12. Л.315 (об.); Д.13. Л.205 (об.).

¹⁴ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов под ред. Б.П.Козьмина. М.-Л., 1931. С.108.

¹⁵ Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т.2. С.433.

¹⁶ «Великоросс» // Н.Г.Чернышевский. Письма... С.313.

¹⁷ «К молодому поколению» // Историко-революционная хрестоматия. М., 1923. Т.1. С.30.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Политические процессы 60-х. М.-Пг., 1923. С.77.

²⁰ Там же. С.77-79.

²¹ Политические процессы 60-х. М.-Пг., 1923. С.78-79.

²² Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С.3-4.

²³ Историко-революционная хрестоматия. М., 1923. Т.1. С.55.

²⁴ Там же. С.53.

В.И.Порох

М.И. СЕМЕВСКИЙ И САРАТОВСКИЙ КРАЙ

Жизненный путь М.И. Семевского (1837-1892) не дает оснований говорить о резких падениях и неожиданных взлетах. Можно сказать, что это был путь честного труженика, человека исполнительного на государственной службе и весьма ответственного в общественных делах. Чем бы он ни занимался, в любом деле, ма-

лом или большом, он работал с полной отдачей, искренне готовый служить на благо России в силу своих высоких нравственных качеств. Достигнув определенного положения, М.И. Семевский был не чужд благотворительности и меценатства. Так, в 1875 году в журнале «Русская старина» появился итоговый отчет комитета, издавшего литературный сборник «Складчина», составленный из трудов русских писателей, отданных безвозмездно, в пользу крестьян Самарской губернии, пострадавших от неурожая в 1874 году. Авторский состав был представлен известными поэтами и писателями. Среди них были П.А. Вяземский, Н.А. Некрасов, А.Н. Майков, А.П. Плещеев, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, М.П. Погодин, А.Н. Островский. Редактор «Русской старины» собирал членов комиссии у себя дома по вечерам, чтобы обсудить ход дела. 22 сентября 1874 года он писал В.П. Гаевскому: «Комиссия, заведующая продажей литературного сборника «Складчина», покорнейше просит Вас пожаловать 26 сентября, в четверг, в 8 часов вечера на квартиру г.Семевского для выслушивания отчета о ходе продажи этого издания»¹.

После 1 марта 1881 года, когда народовольцами был убит Александр II, М.И. Семевский, искренне оплакивавший погибшего императора и выделявший его из правителей предыдущих как царя-реформатора, в своем выступлении в Думе 4 марта 1881 года поддержал предложение городского Головы – И.И. Глазунова – ознаменовать память погибшего монарха рядом дел благотворительных и сооружением на месте его гибели подобающего памятника или часовни². Редактор «Русской старины» видел в Александре II великую историческую личность, с которой связано проведение «в жизнь русского народа, в государственный организм России новые великие начала к дальнейшему его преуспеванию, имея поддержку лишь в ничтожном по числу меньшинстве из высшего слоя населения, но опираясь на любовь и веру в него миллионов горячо любимого им народа»³, поэтому его оценка злодейского убийства резко отрицательная.

Начало издания «Русской старины» принесло не только удовлетворение в моральном плане, но и способствовало росту авторитету М.И. Семевского среди специалистов-историков. Это выразилось в признании его заслуг и в принятии М.И. Семевского в различные ученые общества и учреждения как в России, так и за границей. Он стал членом Археографической комиссии, состоящей при министерстве народного просвещения (1872), почетным чле-

ном Археологического института в С.-Петербурге (1872), «Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском и Новороссийском университетах, Географического Общества, русского Археологического. Королевского Общества истории в Лондоне, Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича в Москве (с 1873 года), Общества истории и древностей в Москве (с 1882 года), почетным членом Общества истории и этнографии при Казанском университете, членом Орловской, Тамбовской и Тверской архивных комиссий, почетным членом Ростовского музея древностей, почетным членом Петровского Общества исследователей астраханского края и т.д.»⁴.

Летнее отпускное время М.И. Семевский использовал для поездок по России, чтобы ознакомиться с состоянием дел архивных комиссий, открытых при них музеев и исторических архивов. Это давало ему возможность получать новые материалы для сообщений в «Русской старине», расширяло круг его знакомств с людьми, интересующимися историей. Плодотворной и богатой была его поездка в 1888 году по заданию Археологической комиссии в Приволжские губернии для осмотра памятников отечественной истории и для ознакомления с местными архивами. Его путешествие с 14 мая по середину сентября пролегло через Тверь, Москву, Троице-Сергиеву Лавру, Ростов Великий, Ярославль, Кострому, Макарьевна-Унже, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Симбирск, Царицын, Сарепту и Ростов-на-Дону.

Самая длительная остановка во время этой поездки у М.И. Семевского была в Саратове – с 27 июля по 10 августа. И это не случайно, т.к. кроме осмотра музея и работы в архивах, встреч с губернатором Саратова А.И.Косичем, Ф.В. Духовниковым, В.А. Боголюбовым и другими представителями саратовской интеллигенции, редактор «Русской старины» хотел ознакомиться с богатейшим родовым архивом князей Куракиных в имении Ф.А. Куракина в селе Надеждино-Куракино Сердобского уезда.

М.И. Семевский поработал во всех саратовских архивах – в архиве межевом, в архиве губернского правления, в архиве духовной консистории, в архиве Ученой архивной комиссии. В черновых записках для памяти он отметил, что лишь два архива находятся в сухом и пригодном помещении. Это архивы губернского правления и Ученой архивной комиссии в здании губернского правления. Посетив архив окружного суда, М.И. Семевский сделал запись в днев-

нике: «Я, кажется, схватил здесь лихорадку, до того эта сырость пронизывает. Впрочем, нахождение дел архивных довольно быстро»⁵. В обзоре своего путешествия, представленного в археологический институт, редактор «Русской старины» с горечью констатировал, что «архивы в весьма печальном положении, так, например, обширный «сосредоточенный архив судебных мест» найден в Саратове в подвале окружного суда в весьма сыром, нижние окна повыбиты; мусор, пыль и грязь... Вообще обозрение этого подвала напоминало... Семевскому виденный им подвал в Париже для стока нечистот. Что же касается до консисторского архива, то здесь оказалось, что все дела XVIII-го века сожжены были по распоряжению консистории для освобождения места и оставлена лишь маленькая связочка дел об основании церквей в губернии»⁶. Работа Ученой архивной комиссии произвела благоприятное впечатление. Он нашел ее в полном «расцвете: заседания довольно частые, отбор дел для исторического архива идет успешно»⁷. Но главное, чему он уделил большую часть времени пребывания в Саратове, это – ознакомление и некоторая систематизация родового архива князя Ф.А.Куракина.

Добираясь до имения князя М.И. Семевский в сопровождении учителя саратовской гимназии и члена Ученой архивной комиссии В.Н. Смольянинова, оказавшегося полезным помощником в работе с архивом. Последний, еще до отъезда редактора «Русской старины» в Царицын, опубликовал в «Саратовском листке» статью с весьма лестными для М.И. Семевского отзывами о результатах работы⁸.

М.И. Семевский, пересмотрев с В.Н. Смольяниновым более восьмисот томов этого достаточно обширного архива, отметил и списал особо важные документы. Перед отъездом редактор «Русской старины» подвел итоги, рассказав гостеприимным хозяевам, основываясь на подлинных материалах, о жизни и деятельности князей Куракиных в XVIII – начале XIX веков. «Особенно интересно было то, - писал В.Н. Смольянинов, - что свою импровизацию, основанную на близком знакомстве с отечественной историей и ее наиболее видными деятелями, Михаил Иванович беспрестанно сопровождал ссылками на просмотренные нами в течение последних дней громадные серии писем и других документов упомянутого архива. Как живой поднялся перед умственным взором слушателей кн. Борис Ив.(анович – В.П.) Куракин, славный дипломат и один из наиболее видных «птенцов» Петра Великого, царский свояк, «представитель мощного государя и его империи при дворах европей-

ских...»⁹. Археологическая комиссия, направившая М.И. Семевского в Приволжские губернии, не ошиблась с выбором. Его умение исследовать и трактовать исторические документы отмечено и В.Н. Смольяниновым: «При археографической опытности М.И. Семевского, по одному почерку определяющего сразу личность автора любого письма, неразборчиво подписанного, мертвый архив как бы вновь заговорил с нами понятным всем языком; масса исторических лиц промелькнула в наших воспоминаниях, и, наконец, свой интересный реферат наш почтенный историк закончил советом: не разрознивать... коллекцию исторических рукописей печатанием в повременных изданиях, ... а издать ее в серии отдельных книг...»¹⁰. Этот совет был воплощен в жизнь. Под редакцией М.И. Семевского появились три тома «Архива князя Ф.А. Куракина» (третий том вышел уже после кончины главного редактора – В.П.), содержащие новые документы о Петре Первом и отечественной истории XVIII века. Издание было продолжено и после смерти М.И. Семевского. Инициировав публикацию неизвестных ранее архивных материалов, издатель «Русской старины» обогатил историческую науку важными и интересными источниками. К примеру, давая в журнале аннотацию о выходе в свет в июне 1890 года первого тома (380 страниц – В.П.), он сообщал читателям о вошедших в него «драгоценных» материалах: письмах Петра Великого к его свояку – Б.И. Куракину (61 письмо за 1711-1724 годы); в книге «напечатаны: «Гистория о царе Петре Алексеевиче, 1682-1694 гг.», соч. кн. Б.И. Куракина, написанное им в Гаге (Гааге – В.П.) и Париже в 1723-1727 гг.; труд в высшей степени интересный, заключающий в себе новые черты для обрисовки времен Петра I и многих самых близких к нему людей. «Дневник и путевые заметки кн. Б.И.Куракина в 1705-1708 гг.», «Жизнь того же князя, им самим описанная, за время с 1676 по 1709 гг.», его же «Записки о русско-шведской войне 1701-1709 гг. и некоторые другие документы, как и предыдущие, составляющие собственноручные труды Бориса Ивановича Куракина»¹¹.

Вполне удовлетворенный проделанным путешествием, М.И. Семевский сообщает 15 августа 1888 года из Ростова-на-Дону директору С.-Петербургской библиотеки А.Ф. Бычкову, активному сотруднику «Русской старины», постоянно помогавшему ему в работе с документами, о своей находке: «Вполне доволен я своею поездкою по России и сердечно рад, что теперь же могу принести вклад в монументальный труд Ваш, искренне уважаемый Афанасий

Федорович, по изданию бумаг Петра Великого. Я говорю о собственноручно подписанном Великим Государем письме к его послу в Париже к Борису Ивановичу Куракину о приглашении «людей потребных» в учреждавшуюся Петром I Академию наук и художеств.

Письмо это я нашел в архиве князя Федора Куракина в его имении в глуши степей Саратовской губернии, и с согласия князя подлинник драгоценного акта препровождаю в ваше распоряжение. Как красноречива и многозначительна в этом историческом документе собственноручная приписка Преобразователя России: «И исправляйте немедленно!» И это писано им 17 сентября 1724 года, почти лишь за 4 месяца до его кончины. Таким образом, можно сказать, что Петр I сошел в могилу с мыслью, занимавшей его лично весьма сильно, о скорейшем учреждении в дорогом нашем Отечестве высшего рассадника наук и художеств...»¹².

В Саратове по делам издания архива М.И. Семевский был еще дважды летом в 1890 и 1891 годах. 1 сентября 1890 года в имении князя Ф.А. Куракина было заключено «домашнее условие» между М.И. Семевским, - с одной стороны, и владельцами архива и В.Н. Смольяниновым, - с другой, об издании исторического сборника. В документе отражены условия договора и финансирования публикуемых книг, двух томов описей к ним, указано количество тиража в 500 экземпляров¹³.

Напряженно работал редактор «Русской старины» над обработкой куракинского архива. Своими замечаниями, справками, чтением корректуры ему существенно помогал А.Ф. Бычков. Но утомление давало себя знать. Он жалуется на упадок сил, особенных усилий стоило прочтение неразборчивых почерков. 30 июня 1891 года он пишет А.Ф. Бычкову: «Больно уж истомился я над этим изданием, самые глаза мои налились кровью и воспалились... Пора окончить печатанием этот том и отправиться в саратовскую вотчину князя для разбора материалов к III тому «Архива»¹⁴. Через неделю 6 июля он сообщает своему адресату о близком завершении усиленных трудов: «Только к 12 июля отпечатаю я все 30-ть печатных листов этого сборника и тогда только направлюсь чрез Москву и Нижний по Волге к кн.Куракину, который сердечно приглашает меня отдыхать за подготовкой III тома его «Архива»¹⁵. Это было последнее лето, когда творческая работа сочеталась с полноценным отдыхом. 29 июля он делится с А.Ф. Бычковым своими впечатлениями: «Вот уже две недели как я гощу у добрых, приветливых во

всех отношениях милых моих друзей князя Федора Алексеевича и княгини С.В. Куракиных. Хозяева мои отвели, как выражаются, мою «постоянную» комнату в нижнем этаже своего дворца, светлую, просторную и подле самого архива (бывший кабинет князя). Архив помещается в настоящей палате в восемь окон; палата под сводами и сюда князь Федор Алексеевич не только поместил весь свой исторический архив (до 1000 томов), но постепенно хочет соединить здесь наиболее интересные предметы: для истории его фамилии и вообще исторические, каковы: портреты исторических лиц, собрание медалей, исторических картин, бюсты и проч.

Следуя строгому режиму в жизни князя Федора Алексеевича, я встаю в 5½ утра, иду гулять в роскошный парк, пью сыворотку, дабы стряхнуть с себя некоторое отучнение, плод петербургской жизни сидячей, затем купаюсь в реке Сердобе, омывающей подошву прекрасной, дубовой рощей покрытой горы, на которой возвышается дворец, флигеля и службы прекрасной усадьбы князя; а в 8 ч. утра и до 12½, т.е. до обеда сижу в архиве и тружусь над подготовкой III тома исторического сборника князя Федора Алексеевича. ...III-й том будет в 30 печатных листов и выйдет в свет в январе 1892 г.»¹⁶. Однако, намерение выпустить этот том в январе не осуществилось. Большая загруженность по изданию и редактированию «Русской старины», а также занятость в городской Думе не позволили это сделать. Но работа продолжалась. Незадолго до смерти, 22 февраля 1892 года он обратился к признанному знатоку времени Петра I – А.Ф. Бычкову: «Позволю себе препроводить к вам... первые 15 сверстанных листов III-го тома «Архива кн. Ф.А Куракина» в виду вашего любезного обещания просмотреть их и сделать, какие представляется полезными, указания»¹⁷.

¹ РО РНБ. Ф.171 (Арх. В.П. Гаевского). Ед.хр.243.

² На месте гибели Александра II построена церковь Спас-на-Крови.

³ РО ИРЛИ. Ф.274. Оп.1. Ед.хр.411. Л.13.

⁴ В.В. Тимошук. Указ.соч. С.215. Ср.: РО ИРЛИ. Ф.1.Ед.хр.405. Формулярный список о службе Члена Археологической Комиссии тайного советника Михаила Ивановича Семевского. 1892г. Ср.: РО РНБ Ф.708 (Арх. П.П.Собко). Д.911. Формулярный список М.И. Семевского 1855-1891 гг.

⁵ РО ИРЛИ. Ф.274. Оп.1. Ед.хр.8. Л.233.

⁶ Там же. Ф.265. Оп.2. Ед.хр.4597. Л.3 об-4. 23 марта 1889 г.

⁷ Там же. Л.3 об. Саратовская Ученая архивная комиссия была открыта в конце 1886 г. Ее действительным членом М.И. Семевский стал 12 декабря 1888 г.

⁸ Саратовский листок. 1888. 10 августа. №169.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Русская старина. 1890. Кн.8. С.447-448.

¹² РО РНБ. Ф.120 (Арх. А.Ф. Бычкова) Д.1223. Л.84 об.-85 об.

¹³ ПФА РАН. Ф.764. Оп.2. Д.682. Л.9 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л.11.

¹⁶ Там же. Л.11 об-13.

¹⁷ Там же. Л.19.

О.В.ЛЫСИКОВА

С.А.ПАНЧУЛИДЗЕВ И ЕГО ЭССЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ I И ДЕКАБРИСТАХ

Одним из первых историков-архивистов, обративших внимание на общность реформаторских идей декабристов и Александра I, стал Сергей Алексеевич Панчулидзев (1855 — 1917). История дворянского рода Панчулидзевых тесно связана с Саратовом. На протяжении пяти поколений, начиная с Алексея Давыдовича — саратовского губернатора 1808 – 1826 годов, и до его праправнука Сергея Алексеевича, Панчулидзевы занимали высокие административные посты в городе, многое сделали для благоустройства Саратова, который приобрёл, в том числе и их усилиями, значение одного из культурно-исторических центров Поволжья.

Сергей Алексеевич Панчулидзев родился в Пензе 7 октября 1855 года. По окончании учёбы его имя в составе лучших учащихся было внесено на мраморную доску гимназии. В 1874 году он был произведён в корнеты Кавалергардского полка. Участвуя в русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов в составе лейб-гвардии гусарского полка отличился в боях при Темнии, Хань-Правецы, Этрополе, Лютикове, Врачеше, за что был награжден орденом св. Анны IV степени. В сражениях у Горного-Бугарова и Филиппополя проявил особую храбрость и был отмечен орденом св. Станислава III степени с мечами и бантом. В 1878 — 1881 годах он обучался в академии Генерального Штаба, по окончании курса продолжил службу в полку. С апреля 1884 года — в отставке в чине ротмистра с правом ношения мундира. Годом ранее Панчулидзев был повенчан с дочерью поручика Б.А. Полторацкого Надеждой Борисовной¹. В 1887 году у них родился сын Юрий, впоследствии закончивший

императорский Александровский лицей и причисленный к Государственной канцелярии².

С 1884 года С.А.Панчулидзева бессменно состоял уездным и губернским гласным Саратовской губернии и уезда, где имел поместье в селе Екатериновка Новобураской волости. С 19 сентября 1888 года он становится действительным членом Саратовской Учёной Архивной Комиссии. В 1891 — 1892 годах избирается предводителем дворянства Саратовского уезда, выполняя обязанности председателя отдела уездных присутствий, совета училищ, земского санитарного совета. В биографии С.А. Панчулидзева первая половина 90-х годов XIX века выделяется активной общественной деятельностью: он — почётный мировой судья, член уездного земского собрания, губернского статистического комитета с 1898 года.³ В 1892 — 1898 годах он жил в своём саратовском имении, занимался сельским хозяйством, публиковал в местных изданиях статьи по аграрным вопросам.

1899 год положил начало новому периоду деятельности: 11 января Панчулидзева был причислен к министерству императорского Двора, несколько позже последовало высочайшее соизволение на сохранение за ним военного чина и мундира. Панчулидзева с семьёй переехал в Санкт-Петербург, поселился по адресу Сапёрный переулок, дом 10. 30 июля 1903 года Панчулидзева получил новое назначение управляющего архивом Государственного совета, с 1911 года состоял действительным членом Императорского Русского военно-исторического общества, старшим членом Московского археологического института. Он не прерывал связь с Саратовом: в 1912 году вошёл в уездный комитет Красного креста, в 1915 году — в саратовский губернский земский комитет по оказанию помощи раненым и семьям призванных на войну.

Панчулидзева обладал неизменно устойчивым интересом в области истории: занимался археологическими поисками на территории своего поместья⁴. Военная служба в Кавалергардском полку способствовала его работе над историей полка⁵. Он предстал перед читателями в новом качестве военного историка. Многие офицеры-кавалергарды были активными деятелями тайных обществ. В то же время среди кавалергардов были сильны и консервативные настроения. Историк литературы А.С. Суворин в 1899 году записал в своём дневнике со слов П. А. Ефремова: «Панчулидзеву Ефремов говорил: «Надо вам рассиропить историю полка декабристами. А

то ведь у вашего полка два убийцы — Дантес и Мартынов»⁶. Изучение биографий офицеров-кавалергардов подсказало тему нового исследования об Александре I и декабристах, эпохе первой четверти XIX века в целом.

В петербургский период Панчулидзева познакомился с великим князем Николаем Михайловичем Романовым (1859 — 1919), известным своими трудами о времени Александра I. Общение с ним и с Александром Николаевичем Пыпиным (1833 — 1904), чьё исследование «Общественное движение при Александре I» выдержало пять прижизненных изданий, не могло не сказаться на выборе темы дальнейших научных изысканий Панчулидзева.

Обращение к творчеству и знакомство с неординарной личностью нашего земляка — историка, архивиста, крупного общественного деятеля конца XIX — начала XX века. С.А. Панчулидзева трудно представить завершённым, оставаясь в пределах Саратова. Для этого необходимо совершить поездку, подобную той, какую предпринял сам Панчулидзева в 1899 году, а именно — из Саратова в Петербург, из провинции в столицу.

Личный архивный фонд № 1652 С.А. Панчулидзева — историка, управляющего архивом Государственного совета, находится в Российском государственном историческом архиве, насчитывает 239 единиц хранения и охватывает период с 1801 года до года его смерти — 1917. Бесспорно, ценным для декабристской историографии является дело № 70, содержащее черновую рукопись сочинения об Александре I декабристах⁷. Она насчитывает 132 листа, не датирована. Вероятно, была написана после 1903 года, когда автор получил доступ к столичным архивам. На полях рукописи находятся пометки, сделанные рукой А.Н. Пыпина. Параллельно им была написана рецензия на уже изданный труд С.А. Панчулидзева⁸.

Рукописный текст разделён на пять глав и заключение. Содержание и научный аппарат обнаруживают глубокое знание автором как опубликованных, так и архивных источников, историографии проблемы. В частности, рукопись содержит ссылки на издание «Русская старина», 1883 г. Ч. 1 (Л.15), книгу Н.И. Тургенева «Россия и русские» (Л.18), следственные показания П.И. Пестеля (Л.Л. 22, 24, 45, 54), Н.М. Муравьёва (Л.36), С.М. Семёнова (Л.37), С.П. Трубецкого (Л.53). Текст свидетельствует о знакомстве автора с конституционными проектами, реформаторскими предложениями, «Запиской о древней и новой России в её политическом и граждан-

ском отношении» Н.М. Карамзина, следственными документами по делу декабристов, книгой «Восшествие на престол императора Николая I» М.А. Корфа и, наконец, трудами А.Н. Пыпина, с которым на страницах рукописи ведётся научная полемика. Вслед за ним Панчулидзе исследовал проблему влияния императора и декабристов на общественное сознание и общественное мнение эпохи.

Первая глава рукописи имеет преамбулу: «В царствование Александра I русское общество вступило в тесную связь с жизнью западноевропейской и влияние европейских идей, отличающее всю новую русскую историю, теперь особенно глубоко подействовало на умы и в первый раз сообщило им политические стремления. Это была новая черта в истории и нашего общества, и возникновение её принадлежало именно эпохе Александра I.

По мягкому личному характеру и идеям, привитым воспитанием, Александр I сначала даже пугался того положения абсолютного монарха, которое ему принадлежало, и обнаруживал явную антипатию к особенным свойствам русской верховной власти; но жизнь сделала своё и, среди всех своих либеральных намерений, он окончил деспотизмом. Во всей его деятельности замечательным образом отражались очень различные, даже несовместимые внушения и стремления времени. В самом деле, Александр Павлович представляет собой и либеральные стремления к просвещению и освобождению общественной жизни, и он же представляет самую упрямую реакцию; при личной мягкости он допускал нетерпимый произвол и угнетения; притом он подчинялся этим различным направлениям не только в разные периоды своей жизни, но нередко в одно и то же время колебался между двумя совершенно различными настроениями.

Результаты прежнего развития и более тесное, чем когда либо прежде, соприкосновение с европейской жизнью и её политическими интересами, произвели особенное брожение общественных идей как в правительстве, так и в среде самого общества, и вследствие различных условий, соединившихся в то время, это брожение приняло направление политическое, которое до тех пор оставалось обществу почти совсем чуждым и неизвестным»⁹.

Документ, обнаруженный следственной комиссией по делу декабристов в бумагах С.П. Трубецкого, был квалифицирован Панчулидзевым как вторая часть «Зелёной книги», содержащая «сокровенную часть» Устава. Его гипотеза вызывает особый интерес.

поскольку в историографии доминирует мнение об утрате второй части Устава Союза благоденствия, составленной в Москве зимой-весной 1818 года. Документ из бумаг С.П. Трубецкого большинством историков рассматривается как начальный вариант Конституции Н.М. Муравьева.

Следственный комитет по делу декабристов заключил, что проект, найденный у С.П. Трубецкого, является ни чем иным как проектом Конституции Н.М. Муравьева. К этому же выводу пришёл и А.Н. Пыпин, сравнив её с Конституцией, написанной Н.М. Муравьевым в каземате Петропавловской крепости. Н. М. Дружинин, обстоятельно проанализировавший все три рукописи, доказывает авторство Н.М. Муравьева, опровергая тем самым предположение А.Е. Преснякова об авторских правах С.П. Трубецкого на сохранившийся документ. Принимая во внимание тезис Н.М. Дружинина об эволюционном развитии конституционных проектов, идейную преемственность Союза Благоденствия и Северного общества, наконец, вхождение Н.М. Муравьева вместе с С.П. Трубецким и А.Н. Муравьевым в комиссию по написанию Устава Союза Благоденствия, следует согласиться с важностью и актуальностью проблемы, поставленной С.А. Панчулидзевым. Исследователь небезосновательно полагает, что найденный в бумагах С.П. Трубецкого проект представляет собой вторую часть Устава Союза Благоденствия, которая легла в основу «Конституции» Н. М. Муравьева и является самостоятельным документом. «Схожесть объясняется тем,— пишет Панчулидзев, что Н. Муравьев, как один из составителей Устава Союза благоденствия, имел у себя черновой (вариант — О. Л.) полного Устава Союза Благоденствия и мог пользоваться им как материалом для составления своей Конституции»¹⁰.

15 февраля 1826 года Следственный комитет задал С.П. Трубецкому вопрос о Конституции, которую он брал с собой в поездку за границу с 26 июня 1819 года по июнь 1821 года. Декабрист отрицал данный факт, кроме того, ни разу не упомянул о Конституции Н.М. Муравьева. Речь могла идти лишь о рукописи, найденной в его бумагах и датируемой Н.М. Дружининым 1822 годом, тогда как, приняв во внимание данные о «возимой с собой изготовленной Конституции», время её написания следует отнести к первой половине 1819 года.

Рукопись, принадлежащая С.П. Трубецкому, озаглавлена: «Предположение для начертания устава положительного образования, когда Е.И.В. благоугодно будет с помощью всевышнего учредить Славяно-Росскую империю». Во-первых, уставом именовалась только программа Союза Благоденствия, во-вторых, верноподданные эпитеты никак не могут быть отнесены к программе завершающего этапа в развитии тайного общества, в-третьих, важным представляется определение государства как «Славяно-Российской империи» в названии устава или «Всероссийского Союза» (Гл. II, пункт 10), что отличается от формулировки «Российская империя» (Гл. II, пункт 8 «Конституции» Н.М. Муравьёва из бумаг И.И. Пущина).

Панчулидзеv пришёл к выводу, что «многих параграфов, имеющих во второй части «Зелёной Книги», нет вовсе в Конституции Н. М. Муравьёва, как, например §§ 7, 12, 19, 24, 49, 50 и т. д. ...многие параграфы первой конституции гораздо полнее второй. Это опять приводит нас к заключению, — продолжает рассуждение Панчулидзеv, — что первая конституция есть самостоятельная, а не список со второй (Муравьёвской)...»¹¹

Историк также отмечает особенности содержания рукописи: установление высокого ценза для выборов в законодательное собрание и на административные должности, что даёт преимущества аристократии; союзный характер государства; формальное получение крестьянами личной свободы об- рацало их «в безземельных батраков своих же помещиков»; впервые в России предполагалось реализовать принцип независимости трёх ветвей власти.

С.А. Панчулидзеv подвёл итог: «Вторая часть Зелёной Книги учреждала такое государство, какого никогда и нигде не было, так как в каждом государстве должен быть глава с известными правами, данная же Конституция эти права передаёт Верховной думе... фактически управляет государством и представляет его в международных сношениях, олигархическое учреждение из самых богатых людей, нечто вроде «Верховного Тайного совета» в начале царствования Анны Иоановны, только с большим количеством членов»¹².

Таким образом, окончательное установление авторства рукописи, найденной в бумагах С.П. Трубецкого и её качественная принадлежность к Союзу Благоденствия или Северному обществу остаются вопросами открытыми.

На страницах рукописи Панчулидзева прослеживается эволюцию типов и характеров российских самодержцев, начиная с Петра I и завершая Александром I, развитие общественной мысли в России. результатом которого стал невиданный интерес к внутриполитическим проблемам, прогрессирующий рост общественно-политического сознания первой четверти XIX века.

Историк ставит в заслугу Александру I три начинания, принесшие впоследствии значительные результаты: забота о народном просвещении, попытки законодательного разрешения крестьянского вопроса, проект ограничения самодержавной власти органом народного представительства. 24 января 1803 года вышли в свет «Предварительные правила народного просвещения» — руководства для учреждения и управления высшими и низшими учебными заведениями. В царствование Александра I к трём действующим университетам прибавились Харьковский, Петербургский, Казанский и два лицея — Царскосельский и Демидовский. По инициативе «Негласного Комитета» переводились сочинения иностранных авторов по экономическим и политическим вопросам, был основан полуофициальный «Санкт-Петербургский журнал», содержащий отчёты министров, открытые широкой публике, наконец, Александр I финансировал издание целого ряда трудов российских авторов. «Заявление принципов справедливости и человеколюбия, искренность забот правительства о распространении образования... принесли уже скоро богатые плоды: общество отозвалось, когда затронуты были его лучшие инстинкты»¹³.

Практическое осуществление реформаторских замыслов имело множество препятствий — сильная оппозиция дворянского большинства, мнение которой выразил Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях», беспокойная внешнеполитическая обстановка, неоднозначность личности самого императора, непостоянство и внешняя алогичность принимаемых им решений, но, тем не менее, Панчулидзева абсолютно уверен, что «самый принцип преобразования стоял для него (Александра I — О. Л.) вне всякого сомнения»¹⁴.

Важность и актуальность исследуемой Панчулидзевым проблемы бесспорны, исчерпывающие аргументы, достоверны и оригинальны выводы. Он полагает, что поиски необходимых средств преобразования российской действительности привели «к ясной постановке внутреннего политического вопроса. Эти первые

стремления общественной мысли и составляют отличительную черту Александровского периода русской истории. В это время общественное мнение в первый раз с известной силой направилось на предметы внутренней политики»¹⁵. Свои истоки тайные общества брали в масонских ложах, ланкастерских школах, Библейском обществе, деятельность которых носила мирный просветительский характер и поощрялась правительством. В качестве детонатора Отечественная война 1812 года способствовала не только знакомству с европейской политической мыслью, но и возрождению национального самосознания, обращению пристального внимания на внутренние проблемы государства. «Дух времени, влияние европейских событий, особенные условия русской жизни,— пишет Панчулидзеv,— дали этому либеральному союзу форму тайного общества»¹⁶.

В завершении своей рукописи Панчулидзеv суммирует выводы: «Подводя итог всему вышеизложенному нельзя не отдать справедливость декабристам, что многие из них были людьми с высокими дарованиями, понимающие современное положение государства и желающие изменить существовавшие тогда политические отношения. Несправедливы поэтому те нарекания, которые возводились на описываемое движение, что оно было только делом легкомысленного увлечения западным либерализмом, что у него не было корней и ничего народного и русского; напротив, глубоким корнем движения было образование, приобретённое русским обществом с XVIII века и сообщившее ему понятия о более совершенном общественном устройстве, о требованиях общего блага, равноправности и свободы. Декабристское движение было плодом исторического периода, пережитого русским обществом при Александре I. Правда, в этом движении были сильные увлечения европейскими идеями, декабристы увлекались западными политическими формами, но это были единственные известные формы общественной самодеятельности, достижение которой было их целью. События 14 декабря были взрывом отчаяния, но после этой трагической развязки, идеалы, коим служили «декабристы», не заглохли, и продолжили развиваться в образованной части общества и привели в царствование царя-освободителя Александра Николаевича к великим реформам.

Историческая заслуга «декабристов» заключалась в том, что они как бы приготовили будущее, вызвав внимание к народным нуждам»¹⁷.

События 14 декабря 1825 года Панчулидзевым оцениваются как «взрыв отчаяния», приведший к трагической развязке для общества в целом. Идеи и надежды декабристов, испытав проверку временем, смогли реализоваться в реформах Александра II — сына их палача, в чём и состоит один из парадоксов российской истории.

¹ Дело о потомственном дворянском достоинстве рода г.г. Панчулидзевых. ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1530. Л. 29.

² Дело о приписке Ю. С. Панчулидзева к Саратовскому дворянскому обществу. ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2648. Л. 4.

³ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. Саратов, 1892. С. 140; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. Саратов, 1897. С. 241; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. Саратов, 1899. С. 130.

⁴ Минх А. Н. Материалы для истории заселения Саратовского уезда // Труды СУАК. Саратов. 1889. Т. 2. Вып. 1. С. 27.

⁵ Панчулидзев С. А. История кавалергардов. В 4-х т. СПб., 1899-1912; Он же. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901-1908. Т. 3,4.

⁶ Зильберштейн И. С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 244.

⁷ Панчулидзев С. А. Черновая рукопись об Александре I и декабристах. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 70.

⁸ Пыпин А. Н. Рец. на: Панчулидзев С. А. История кавалергардов. Т. 1 // Вестник Европы. 1900, февраль; Он же. Рец. на: Панчулидзев С. А. История кавалергардов. Т. 2, 3 // Вестник Европы. 1904, февраль, октябрь.

⁹ Панчулидзев С. А. Черновая рукопись об Александре I и декабристах. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-3.

¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 8а. 8б.

¹⁶ Там же. Л. 17-18.

¹⁷ Там же. Л. 132.

ОБ УШЕДШЕМ ДРУГЕ

Игорь Васильевич Порох – один из тех, кому Саратов обязан прочно закрепившимся за ним статусом крупного научного центра российской науки, и, может быть, исторической в первую очередь. Сам склад характера Игоря Васильевича, человека целеустремленного, необычайно энергичного, увлеченного и умеющего увлекать других, определил размах его творческой деятельности. Она вмещала и азартный, но, вместе с тем, и кропотливый архивный поиск, критическую, независимую научную позицию, самоотдачу подлинного педагога, талант организатора науки, что нашло свой выход в его первостепенной роли как редактора периодических изданий, «Историографических сборников» прежде всего, – издания поистине единственного в своем роде, инициатора и руководителя в подготовке фундаментальных коллективных трудов.

Несколько десятилетий связывали нас с Игорем Васильевичем дружеские отношения. Все это время общение с ним – встречи, а больше переписка, были неременной, устоявшейся нормой. Конверты, надписанные его красивым, изысканным почерком – рождали ощущение устойчивости, надежности, радость интеллектуального и дружеского общения. Игорь Васильевич был мастером эпистолярного жанра: он как бы впитал традиции столь любезного ему XIX века, которые, увы, почти утеряны в наши дни.

Наши научные интересы были близки. Следует сказать, что они совпадали для Игоря Васильевича еще более с тематикой трудов М.В. Нечкиной – от декабристов до общественного движения середины 19 века. Их отношения складывались непросто: начинающий исследователь вступил в острую конфронтацию в трактовке некоторых декабристских сюжетов, прежде всего истории Южного общества, восстания Черниговского полка, с признанным авторитетом в области декабриствоведения, каким была автор двухтомного труда «Движение декабристов».

Мое знакомство с Игорем Васильевичем относится ко времени, когда я была поглощена подготовкой задуманного М.В. Нечкиной факсимильного научного переиздания продукции Вольной русской

типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Здесь и нашли мы с Игорем Васильевичем общий язык. Именно на грани 1960-х годов он переходит от чисто декабристских сюжетов к их преломлению в творчестве Герцена, участвуя в комментировании начавшего выходить тридцатитомного издания его сочинений. Потому естественным был интерес Игоря Васильевича к параллельно осуществлявшейся широкомасштабной акции, одной из слагаемых которой стала подготовка сборников Вольной русской типографии – «Голоса из России». Он стал не только автором вводных статей и комментариев к ряду помещенных здесь публикаций, но, как было отмечено в предисловии к изданию, принял участие в редактировании и рецензировании комментаторских материалов справочного тома.

Почти одновременно началось обращение Игоря Васильевича к теме «Чернышевский», к его «эпохе» в целом. «Герцен и Чернышевский» – название книги И.В. Пороха, увидевшей свет в 1963 году, обозначило отныне преимущественную область его научных интересов. Поэтому столь органичной оказалась завязавшаяся в эти годы дружба Пороха с Эйдельманом: Натан Яковлевич был деятельнейшим комментатором герценовского станка. В каждый свой приезд в Москву, где Игорь Васильевич подолгу работал в архивах, мы неизменно встречались у меня втроем, или в более широком кругу братьев-историков. Было о чем поговорить. Эйдельман с Порохом вносили взрывное начало в, казалось бы, чисто научные сюжеты.

С другой ипостасью Игоря Васильевича – организатора науки – я соприкоснулась на знаменитых саратовских конференциях. Именно эти конференции, традиционные для Саратовского университета, посвященные крупным проблемам русского общественного движения, отражают его флагманскую роль в этой области отечественного научного знания. Игорь Васильевич был одним из главных их организаторов и интеллектуальных моторов. При этом в полной мере раскрывались его человеческие качества: душевность, коммуникабельность, добрая заинтересованность в людях. Особенно его радовали удачные выступления молодых, только начинающих путь в науке людей.

Представительные саратовские конференции, на которые съезжались ученые из многих университетских центров, исследовательских институтов, ценны не только своей официальной частью – насыщенной программой представленных на ней докладов, но, пожалуй, не в меньшей мере возможностью непосредственного обще-

ния, сближения ученых разных поколений. Знаю по собственному опыту, что результатом этих встреч было привлечение молодых ученых к участию в академических изданиях, установление научных контактов с ними. И в этом – значительная доля заслуг Игоря Васильевича, его побудительной роли в творческом сплочении ученых.

Как два сообщающихся сосуда, эта сторона деятельности И.В. Пороха связала, на мой взгляд, дорогой его сердцу Межвузовский научный сборник «Освободительное движение в России», в редколлегию которого он неизменно входил, и издание «Историографический сборник», возглавлявшееся им на протяжении многих лет. Общепризнан неоценимый научный вклад этих изданий не только в разработку истории русского революционного движения, но и проблематики (это касается прежде всего «Историографического сборника»), связанной с широким спектром сюжетов отечественной и всеобщей истории. Получая от Игоря Васильевича очередной выпуск, как он писал, – «в коллекцию саратовских изданий», я заранее предвкушала радость погружения в богатый мир публикаций и оригинальных исследований.

И не могу отделить от личности Игоря Васильевича тот этический облик саратовских изданий, который придает им внимание к «персоналиям», к ученому корпусу отечественных историков. Посвящение отдельных выпусков юбилейным датам маститых ученых не только дань уважения, но и выразительная форма раскрытия историографического процесса, его «очеловечивания». Я не случайно связываю роль Пороха с этой традицией. Так, для него было делом не только долга, но потребностью души, опубликовать свою переписку с Ю.Г. Оксманом. Он успел осуществить это намерение (См. сб.: «Ю.Оксман в Саратове. 1947-1958. – Саратов. 1999»). Его отзвуки также – в последнем, 18-м, вышедшем уже после его кончины, выпуске «Историографического сборника». Помещенная здесь развернутая рецензия И.В. Пороха на издание переписки двух выдающихся российских гуманитариев – Марка Азадовского и Юлиана Оксмана – само по себе ценнейшее историографическое эссе, которое мог написать лишь человек, абсолютно владеющий проблематикой, в которую были погружены авторы переписки, живущий в том же научном мире, человек, нравственно им сопереживающий.

Игорь Васильевич не успел выпустить в свет своего фундаментальнейшего исследования, каким является его докторская диссертация о Герцене. Насколько я знаю, он много работал над подго-

товкой его к изданию. Думаю, лучшей данью памяти ученого и вкладом в историографию стала бы публикация этого труда, впитавшего в себя многолетние штудии ученого не только по изучению собственно Герцена, но и общественного движения, общественной мысли на переломных десятилетиях истории России XIX века.

Когда уходят такие люди, как Игорь Васильевич Порох, мир беднеет утратой яркой индивидуальности. В наше сложное время, в том числе и в первую очередь в духовном плане, особенно остро ощущение невосполнимости потери человека, всепоглощающим началом жизни которого была наука с ее гуманистическими ценностями.

А.С. ОЗЕРЯНСКИЙ

ОН ОСТАВИЛ НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД В МОЕЙ ЖИЗНИ...

Отзывы об И.В. Порохе как о человеке ярком и неординарном я слышал от школьного приятеля Владимира Динеса¹. Впервые же увидеть Игоря Васильевича довелось в старом корпусе истфака СГУ в 1966 году. Запомнилось, что он о чем-то оживленно говорил окружающим его коллегам. Бросалось в глаза, что он своим рассказом как бы завораживал слушателей.

Наше знакомство произошло в Москве в феврале 1971 года и было продолжено лишь в 1974 году, когда я начал работать в музее Н.Г. Чернышевского, с коллективом которого И.В. Порох долгие годы тесно сотрудничал.

Середина 1970-х – 1990-е годы стали периодом расцвета научной и педагогической деятельности И.В. Пороха, признания его заслуг как крупного ученого. Убедительным и красноречивым подтверждением вышесказанному явилось торжественно отмечавшееся в 1982 году 60-летие Игоря Васильевича. Среди многочисленных приветствий юбиляру наиболее емко и проникновенно прозвучали оценки в адресе его коллег с кафедры истории СССР досоветского периода истфака СГУ², с которой была связана вся трудовая биография И.В. Пороха. «Ваше имя громко звучит в ряду имен самых авторитетных специалистов по истории русского освободительного движения <...>, - отмечалось здесь, – Вы впечатляете не только трехзначным числом и высоким качеством научных трудов, иные

из которых известны в разных странах <...>, но и гармоничностью интересов <...>. Ваши общепризнанные достоинства: яркий талант лектора, умение заинтересовать студентов, вооружить их (как говорил Герцен) «скальпелем анализа», замечательный темперамент, мастерство полемики, остроумие делают Вас одним из лучших преподавателей кафедры, факультета, университета»³.

Перечисленные выше черты характера И.В. Пороха, отличающие его как ученого и педагога, а также присущие ему общественную активность, прямоту и бескомпромиссность, его нетерпимость к любой попытке заслонить суть дела звоном фраз, а также к малейшим проявлениям конъюнктурности, научной недобросовестности, деловой расхлябанности долгие годы мне довелось наблюдать в различной обстановке: в его доме, в музее, на научных конференциях в Саратове, Астрахани, Москве, на защите им в 1977 году докторской диссертации «А.И. Герцен в русском освободительном движении 50-х гг. 19 в.», на торжественно отмечаемых юбилеях Игоря Васильевича.

Об этом также неоднократно высказывались друзья и коллеги И.В. Пороха москвичи: В.А. Дьяков, Е.Л. Рудницкая, Е.А. Дудзинская, петербуржцы: В.Э. Боград, Р.Ш. Ганелин, Е.Р. Ольховский, с которыми мне довелось встречаться и беседовать.

Именно И.В. Порох обратил мое внимание на необходимость выяснения места А.Н. Пыпина в общественном движении России, изучения его исторических взглядов, разработки малоизученного пыпинского архивного наследия, оказывая неоценимую помощь в реализации этих замыслов.

По его рекомендациям можно судить о характере исследовательского почерка Игоря Васильевича, их содержание и направленность в определенной степени раскрывают творческую лабораторию ученого. Остановлюсь подробнее на этом, обратившись к научному редактированию И.В. Порохом переизданных воспоминаний А.Н. Пыпина «Мои заметки» (Саратов, 1996). При подготовке данной работы первостепенное значение придавалось им полной атрибуции самого источника. Также он настаивал на широкой постановке поставленных проблем в контексте эпохи 19-го века и учете современных исследований⁴. Обладая обширными и глубокими познаниями в области не только российской истории прошлого века как таковой, но и истории литературы того времени, Игорь Васильевич стал, в определенной степени, соавтором составителей

комментариев и примечаний книги. окрасив их своей эрудицией и литературным талантом⁵.

Полные и достоверные характеристики и оценки всего наследия И.В. Пороха, безусловно, потребуют тщательного анализа как трудов ученого, так и его педагогической и общественной деятельности. Они могут быть сделаны по истечению времени коллективными усилиями его учеников и последователей. Выскажу лишь еще несколько суждений по этому поводу. И.В. Пороха-ученого следует отнести к блестящей плеяде таких исследователей, как Ю.Н. Тынянов, Ю.Г. Оксман, Б.П. Козьмин, творчество которых среди других несомненных и признанных достоинств отличали сплав историка и литератора. В списке научных трудов⁶ И.В. Пороха преобладают статьи по проблемам освободительного движения и историографии, публикации исторических документов, рецензии, а также написанные по различным поводам: вступительные заметки, некрологи, краткие очерки, посвященные как знаменитым деятелям прошлого, так и современникам ученого. Монографии не имеют здесь главенствующего значения⁷. Игорь Васильевич, обладая значительными познаниями в различных областях исторической науки, а также исключительной работоспособностью и энергией, в первую очередь был автором мастерски исполненных малых форм исследований. Причины такого явления во многом объясняются общественной направленностью научного темперамента ученого, его полемической и публицистической заостренностью. Он участвовал практически во всех крупных конференциях и дискуссиях по проблемам освободительного движения, оперативно откликнулся на выход различного рода изданий. И.В. Порох представлял собой тип ученого, который не мыслит работать лишь на себя. Он мог бы написать намного больше, если бы не уделял огромное время педагогической, редакционной и просветительской работе. Об этой стороне его деятельности сообщил Л.А. Дербов⁸. Бывая в доме И.В. Пороха, мне часто приходилось видеть там его учеников от студентов до аспирантов. Общение с некоторыми из них еще более убеждало меня в том, что Игорь Васильевич щедро делился познаниями со своими подопечными, глубоко вникал и направлял процесс нашей работы, порой проявляя при этом такую дотошность, какую трудно было ожидать от постоянно занятого выполнением большого количества творческих замыслов и повседневных дел человека. Видно было,

что конкретный успех его учеников не менее важен для него, чем личные достижения в научной сфере.

И, наконец, несколько слов об общественно-политической позиции И.В.Пороха. С первых лет коренных изменений в жизни нашего общества, наступивших в середине 1980-х годов, его отношение к «пьянящему воздуху перестройки» было сдержанным и настороженным. В годы, предшествующие реформам, Игорь Васильевич, не будучи диссидентом, как всякая творчески мыслящая личность, испытывал идеологический и партийный диктат, и, казалось, ему должны были бы безоговорочно приемлемы ветры либеральных перемен. Но тонкое чутье и интуиция ученого способствовали его предвидению не всегда желательных последствий проводимых преобразований. В определенной степени позиция И.В. Пороха перекликалась с точкой зрения известного русского мыслителя-эмигранта Александра Зиновьева. Крылатая фраза последнего «Метили в коммунизм, попали в Россию», подразумевала следующее: осуждая издержки советского строя, не разрушай страну, не посягай на ее историю. Так, Игорь Васильевич с горечью неоднократно признавал, как тяжело он реагировал, в частности, на непродуманное и необоснованное переименование памятных мест, связанных с именами декабристов, других революционных деятелей прошлого века. Для него были неприемлемы такие экономические реформы, которые, помимо снижения жизненного уровня населения в целом, лишали, в частности, многих ученых возможности так необходимых для них, по его мнению, контактов и самовыражения, которые осуществлялись в научных изданиях, конференциях, командировках для работы в архивах, постоянной переписке и т.д.

Также следует заметить, что для И.В. Пороха были неприемлемы и те оголтелые защитники прошлого, кто не хотел видеть закономерности происходящих процессов и стремился повернуть историю вспять, рьяно защищая ситуацию «чем хуже для страны, тем лучше для них». Игорю Васильевичу был присущ исторический оптимизм, до конца своей жизни он был деятелен и активен. Осуждая формы проводимых преобразований, он старался жить, следуя правилу: «делай, как должно, и будь, что будет».

И.В. Порох не мог не видеть и некоторых достижений современного состояния общества, в значительной степени облегчающие исследовательские изыскания. Так, например, работая в традиционной для ученых его поколения манере, используя для написания

своих произведений ручку и карандаш, тем не менее, признавал преимущества компьютера и Интернета.

На долю И.В. Пороха выпало немало тяжелейших испытаний, таких, как: война, безвременная кончина двух горячо любимых детей, служебные неурядицы. А он продолжал жить и созидать, черпая энергию и силы в служении науке. Именно это занятие было для Игоря Васильевича тем постоянным душевным состоянием, каким (не побоюсь такого сравнения) для большинства православных людей является вера. Последняя сосуществует с повседневной действительностью, без фанатических крайностей, с прегрешениями и покаяниями.

И.В. Порох не был «ученым-сухарем», наоборот, он был широкой натурой, как всякий нормальный человек, одновременно сочетал в себе многие добродетели и человеческие слабости.

Личность И.В. Пороха оставила неизгладимый след в моей жизни. Рукописи моих печатных работ хранят пометы, рекомендации, замечания учителя. Они далеко не всегда лицеприятны. Часто мне казалось, что И.В. Порох, пусть и в интересах дела, проявлял в оценках сделанного мною излишний максимализм и даже предвзятость.

Проходит время, стираются в памяти мелкие обиды, и все более вырисовывается масштабность талантливого и незаурядного человека, каким являлся Игорь Васильевич Порох.

¹ Позднее в стенах исторического факультета СГУ я узнал о том, что И.В. Порох сыграл значительную роль в становлении друга детства и юности, который ныне стал ректором крупнейшего в России учебного заведения.

² В настоящее время кафедра истории России.

³ Архив И.В. Пороха.

⁴ Тем не менее, сам Игорь Васильевич не спешил безоговорочно отказываться от своих взглядов на различные события в литературной и общественной жизни России прошлого века. В этой связи приведу лишь один пример, а именно комментирование знаменитого письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю (См.: Пыпин А.Н. Мои заметки. С.282-283). Для И.В. Пороха оценки В.Г. Белинского «Выбранных мест» казались неоспоримыми, несмотря на все более утверждающуюся иную точку зрения.

⁵ «Издание «Мои заметки» Пыпина замечательное пополнение русской мемуаристики» писала Е.Л. Рудницкая И.В. Пороху 10.10.96 (Архив И.В. Пороха). Оценивая значимость всего корпуса книги, исследовательница отмечала, что «это – мини энциклопедия целого среза русской литературно-общественной жизни» (Там же). С ее отзывом перекликаются отклики, содержащиеся в связи с переизданием мемуаров, как в письмах И.В. Пороху: Р.Ш. Ганелина (14.01.97) , Е.А. Дудзинской (02.04.96). М.А. Рахматуллина (31.10.96). А.Г. Тарковского (08.04.97).

так и в опубликованных рецензиях (См.: Клименко С.В. О научной деятельности музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского (1980-1990). Наст.изд. С.13.

Одновременно следует отметить, что на определенные просчеты, допущенные, по его мнению, при подготовке к публикации воспоминаний А.Н. Пыпина, указал В.А. Китаев. См.: Отечественная история. 1999, №3. С.188-189.

⁶ См.: Освободительное движение в России. Саратов. 1992. Вып. 15.С. 20-30.

⁷ К написанию же своих крупных исследований И.В. Порох подходил с большой долей требовательности и ответственности. В этой связи достаточно будет отметить, что его докторская диссертация стала итогом 20-летней кропотливой работы ученого, в период которой он изучил документы более чем 80 фондов из 11 архивохранилищ бывшего СССР.

⁸ См.: Дербов Л.А. Несколько добрых слов о юбиляре. // Освободительное движение в России. Ук. соч. С.17-19.

В.А.СОЛОМОНОВ

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ ПОДРАЖАНИЯ

Игорь Васильевич Порох (1922 – 1999), доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ученик и последователь научной школы, представленной именами таких видных историков, как Л.А. Дербов и Ю.Г. Оксман, прожил яркую, интересную жизнь.

Попытавшись однажды обрисовать свое жизненное и научное кредо, Игорь Васильевич с присущими ему юношеским азартом и воодушевлением писал: «Более сорока пяти лет я систематически занимался архивными разысканиями. Эта кропотливая и трудоемкая работа психологически чем-то напоминает золотоискательство. Архивы, представляющие многовековую память человечества, содержат драгоценные самородки сведений по различным сюжетам. Их обнаружение (как и старателя в своем деле) приводит исследователя в состояние восторга».

Вчитываясь в каждое слово этого афористического высказывания, стремясь проникнуть в самую суть его, невольно задумываешься, как все-таки точно и всеобъемлюще раскрываются в нем одновременно и восхитительная судьба ученого-исследователя, и магическое обаяние неповторимой человеческой личности. После этого нетрудно понять, почему многие студенты и аспиранты, вступая

в загадочный мир исторической науки, почитали для себя великой честью обучаться ремеслу историка у такого большого Мастера, каким был и остается в их памяти И.В.Порох.

Работая под его началом, молодое поколение историков постигало, как правило, не только секреты исследовательского мастерства своего учителя, но и, что особенно важно и ценно, всю глубину и мощь его душевных и нравственных сил. Любое новое указание, исходившее от И.В.Пороха, всеми его учениками воспринималось как надежный, испытанный временем научный ориентир, как призыв к немедленным и решительным действиям.

Впрочем, столь пристальному вниманию к советам и рекомендациям маститого ученого удивляться не приходится, оно вполне закономерно. Благодаря своим блистательным, с неизменным полемическим накалом, научным трудам (их список насчитывает свыше 200 наименований, среди которых 6 книг) Игорь Васильевич являлся одним из наиболее сведущих и авторитетных специалистов-экспертов по вопросам декабристоведения и герценианы не только в родном Отечестве, но и далеко за его пределами. О широте научных интересов и высокой эрудиции ученого наглядно свидетельствовали его многочисленные исследования по историографии и источниковедению. Он по праву считался корифеем в области изучения русской общественной мысли и русского освободительного движения 20 – 70-х годов XIX века. Невозможно умолчать и о том, с каким неподражаемым рвением на протяжении многих лет И.В.Порох исполнял обязанности ответственного редактора «Историографического сборника» и заместителя редактора межвузовского научного сборника «Освободительное движение в России», изданий, имеющих и по сей день признание и высокую оценку в ученом мире. Наконец, немало энергии и труда, особенно в последние годы, было вложено историком в разработку и обобщение результатов научного краеведения. В итоге свет увидело уникальное, единственное в своем роде многотомное монографическое издание – «Очерки истории Саратовского Поволжья». Остается сожалеть, что окончательного победного триумфа своих многолетних усилий в этом направлении Игорю Васильевичу не суждено было увидеть. Последняя книга второго тома появилась из печати уже после его кончины.

Трудно перечислить все то, что было сделано И.В.Порохом на научном поприще и что им планировалось на будущее, но так и ос-

талось нереализованным. Его научно-исследовательский потенциал был безграничен. К примеру, его излюбленная герцениана... Казалось бы, данная проблема давно уже изучена и молодым начинающим историкам проявить себя в ней практически невозможно. Однако Игорь Васильевич так не считал.

«Мираж всесторонней изученности жизни и деятельности А.И.Герцена, – неустанно убеждал он, – <...> ошибочен и опасен <...>, поскольку герценовская тема далеко не исчерпана и, более того, <...> вообще беспредельна. Целый ряд его наблюдений, – замечал опытный исследователь, – подобно предсказаниям Нострадамуса, звучат сегодня особенно актуально (к примеру, о демократии в России и Америке, о правах человека, о мирной социальной революции и т.п.)».

Той стремительности и всепоглощающей страсти, с которой И.В.Порох целиком отдавался любимому делу, мог бы позавидовать любой молодой исследователь. Ничто, даже сковавший в последние годы тяжелый недуг, не смогло сломить ученого-историка. Им постоянно овладевали все новые и новые идеи, за воплощение которых, стоило хотя бы на миг отступить беспощадной болезни, он принимался с удвоенной энергией и завидным энтузиазмом. Его ничуть не смущала и не отпугивала новизна в подходах и оценках жизни и деятельности конкретных исторических персонажей, более того, напротив, это открывало для ученого бескрайние горизонты для поиска, свежих и неординарных умозаключений.

Такой «новой» темой, требовавшей глубокого и серьезного переосмысления ранее накопленных знаний, стало для И.В.Пороха, на закате его жизненного пути, изучение личности Николая I, в частности, его роли в подготовке и отмене крепостного права в России. Но при этом стремление иначе взглянуть на поставленную проблему не являлось желанием крупного исследователя каким-то образом приспособиться, примкнуть к модным «научным» веяниям «обновленной» жизни, – это всегда было противно и несвойственно его душевному складу и темпераменту. Своеобразным ключом для правильного понимания позиции ученого могли бы стать его собственные слова: «...нигилизм по отношению к прошлому – это проходящее явление, нужно <...> ни в коем случае не отвергать того, что было хорошего в прошлом, не смотреть на него, как на черно-белый экран телевизора. Прошлое таит в себе и героев, и благородство, и самоотверженность, и гуманизм».

Не могу не затронуть еще одну, пожалуй самую важную и главную грань личности ученого. в конечном счете определившую его характер и мироощущение - беззаветную любовь и память к родителям.

«Благоговейная память о родителях, – не раз признавался хозяин дома, – не только проявление сыновнего долга, это и признание той роли, которую они сыграли в формировании меня как человека. В постоянном общении с ними я мог на их примере учиться высоким нравственным качествам, таким как честность, доброта, принципиальность и самоуважение, выразившимся в глубоком осознании чувства собственного достоинства. Без родственного преувеличения могу сказать, что мои родители – Василий Петрович и Надежда Николаевна Порохи – были людьми выдающимися».

Собственно, и любовь к гуманитарным наукам впервые Игорь Васильевич почерпнул, общаясь с родителями: «Вспоминая пояснения папы к спектаклю «Горе от ума», на который он меня водил, могу сказать, что этот театрально-поучительный разговор явился отправной точкой в моем обращении к истории, ставшей впоследствии профессиональным призванием».

В дальнейшем неиссякаемая любовь и привязанность к исторической науке передались и детям И.В.Пороха: обоим сыновьям – Владиславу, не так давно успешно защитившему докторскую диссертация, и Василию, трагически погибшему в автомобильной катастрофе, а также дочери Татьяне, ранняя смерть которой не позволила ей полностью раскрыть свое дарование. Вас.И.Порох и Т.И.Гражданова, защитившие каждый в свой срок диссертации, стали кандидатами исторических наук. Их весомый вклад в развитие исторической науки, несмотря на преждевременный уход из жизни, хорошо известен как отечественным, так и зарубежным исследователям. «Кланом историков» назвал как-то раз Н.Я.Эйдельман большую и дружную семью И.В.Пороха. И это – чистая правда.

Чем дольше в непринужденной обстановке я общался с моим дорогим учителем, тем отчетливее представлялась мне мысль о необходимости убедить его сесть однажды за написание собственных мемуаров, которые, убежден, оказались бы со временем в эпицентре общественного внимания. Однако стоило мне только при встречах заговаривать об этом, как Игорь Васильевич моментально, ссылаясь на чрезмерную занятость, переводил разговор в иную

плоскость. Не отказываясь от моего предложения в принципе, он, тем не менее, каждый раз отодвигал выполнение его на более поздний срок. Главным для ученого оставались его научные занятия и ежедневная забота о судьбах своих учеников. Все остальное, по мнению Игоря Васильевича, имело второстепенный характер и, не будучи делом спешным, вполне могло подождать.

А между тем, времени и сил для реализации последней серьезной задумки оставалось все меньше и меньше. И хотя застать И.В.Пороха без дела, как и прежде, было весьма не просто, он, словно предчувствуя неизбежное, постепенно начал уступать моим настойчивым увещаниям и, беседуя со мною, гораздо чаще обращаться к тайникам своей памяти. Очень жалею, что не оказалось у меня тогда под рукой диктофона, чтобы с его помощью зафиксировать на пленке пусть даже малую толику услышанного из уст Игоря Васильевича. Пытаться же по памяти восстановить его удивительно колоритные рассказы – задача абсолютно нереальная. Все кануло в вечность. Впрочем, кое-что в мемуарном плане И.В.Пороху все же удалось осуществить и даже частично опубликовать.

Речь, прежде всего, идет о небольшой по объему, но весьма содержательной публикации ученого – «Нетленное прошедшее», помещенной в монографическом сборнике «Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947-1958» (Саратов, 1999). В ней автор щедро делится с читателями самым дорогим и светлым, что было в его научно-исследовательской практике – своими воспоминаниями о многолетних дружеских контактах (творческих и личных) с выдающимся отечественным историком, открывшим перед ним путь в большую науку – Ю.Г.Оксманом.

В моей документальной коллекции хранится и другое любопытное свидетельство мемуарного характера, вышедшее из-под пера И.В.Пороха – его автобиография. Будучи совершенно неизвестным широкому кругу исследователей, этот документ вполне заслуживает того, чтобы быть обнародованным целиком, без каких-либо купюр. Вот его текст:

«Я родился 26 апреля 1922 года в г. Астрахани в семье педагогов. Мой папа сделал очень много полезного и доброго в области просвещения калмыков. Он был первым руководителем народного образования в автономной республике. По сути дела, вся интеллигенция Калмыкии прошла через его школу, поскольку он ряд лет яв-

лялся директором Калмыцкого педагогического института. Впоследствии он возглавлял отдел народного образования г. Астрахани, а в годы Великой Отечественной войны - педагогический институт.

Мама многие годы преподавала математику в различных учебных заведениях и пользовалась большим авторитетом. В семье, кроме меня, были: старшая сестра - врач-педиатр, руководитель областного масштаба, брат - преподаватель-физик Астраханского пединститута, способный шахматист, склонный к поэзии.

Длительная болезнь мамы отрицательно сказалась на домашней обстановке и на материальном положении семьи. Жили мы скудно.

В школе я учился без блеска и без особого старания. Увлекался футболом и шахматами. Пожалуй, склонность к истории и литературе я ощутил после того, как папа сводил меня, 14-летнего юношу, на постановку спектакля «Горе от ума» и удивительно увлекательно его прокомментировал.

Окончив среднюю школу, я намеревался поступить на факультет журналистики Ленинградского университета. Но судьба распорядилась иначе. Сдав 8 различных экзаменов, я с сентября 1939 года стал студентом 1 курса истфака Саратовского университета. Учился с интересом и успешно, но недолго. В ноябре 1940 года был призван в ряды Красной Армии и попал в Монголию, прослужив рядовым солдатом, ефрейтором и зам. политрука в сложных климатических условиях, но в обстановке доброжелательности и помощи со стороны старослужащих. В феврале 1942 года в составе 82-й дивизии отправлен на фронт, но вскоре был откомандирован в военно-политическое училище, которое находилось в г. Халтурине Кировской области.

Выпущенный лейтенантом, прошел дорогами войны в составе Степного и 2-го Украинского фронтов от Воронежа до Праги. Завершил Великую Отечественную капитаном, помощником начальника политотдела 7-го механизированного корпуса.

Затем принимал участие в войне против Японии. Снова Монголия, Хинган, Мукден, Чаньчунь, Дайрен, Порт-Артур и, наконец, Хабаровск. В нем я служил помощником начальника политотдела штаба и управления Забайкальско-Амурского военного округа.

За мужество в боях награжден тремя орденами, шестнадцатью медалями. Был ранен и тяжело контужен. В июне 1946 года

демобилизован. Тяга к знаниям взяла верх. Я вернулся на 2-й курс истфака СГУ. К этому времени я уже был женат и вскоре стал отцом.

Учился страстно. Был общественным активистом. На 4-м курсе тяжело заболел туберкулезом, но мне так хотелось жить, что я с помощью врачей и, в первую очередь, любящей жены, преодолел недуг.

В 1950 году был оставлен в аспирантуре. Научным руководителем стал Леонард Адамович Дербов, которому очень многим обязан в становлении как преподавателя и исследователя.

Вместе с тем, еще в студенческие годы сблизился с великолепным ученым и замечательным человеком – профессором Юлианом Григорьевичем Оксманом. Он пробудил во мне огромный интерес к декабристскому движению и тем самым определил на многие годы круг моих научных изысканий. В октябре 1953г. защитил кандидатскую диссертацию «Восстание Черниговского полка (К вопросу о тактике Южного общества декабристов)» и был оставлен преподавателем на кафедре истории СССР.

Близость с Ю.Г. Оксманом и его рекомендации позволили установить научные и добрые личные отношения с выдающимися историками и литературоведами старшего поколения. (Н.Ф.Бельчиковым, Б.Е.Сыроечковским, А.В.Предтеченским, М.К.Азадовским, С.Н.Валком, Н.М.Дружининым, А.С.Нифонтовым, Е.Н.Кушевой, Б.П.Козьминым, Ш.М.Левиным, С.С.Дмитриевым, П.А.Зайончковским). Общение с ними было чрезвычайно обогащающим. При их непосредственном участии я прошел великолепную научную школу.

Со временем у меня сложились дружеские и творческие отношения с плеядой более молодых ученых (В.А.Федоровым, В.А.Дьяковым, Б.Г.Литваком, И.С.Миллером, Э.А.Павлюченко, Н.М.Пирумовой, С.В.Житомирской, Е.Л.Рудницкой, М.А.Рахматуллиным, Н.В.Минаевой). Особенно много поучительного и дружеского принесло мне общение с очень доброжелательными и талантливыми учеными Ленинграда (Л.В.Домановским, Р.Ш.Ганелиным, Б.В.Ананьичем, А.Н.Цамутали, В.Г.Чернухой, В.Н.Гиневым, С.Б.Окунем, В.В.Мавродиным, Ю.Д.Марголисом, Г.А.Тишкиным, Е.Р.Ольховским).

Затем определился круг друзей по научным интересам (Н.Я.Эйдельман, Ю.Н.Коротков, В.А.Федоров, П.Я.Мирошниченко.

Е.Л.Рудницкая, А.Г.Тартаковский, С.В.Мироненко, В.Ф.Антонов, С.В.Коваль, М.Д.Карпачев, В.А.Китаев). Список ученых, с которыми мне посчастливилось общаться, можно было бы значительно продолжить. Светлая память об ушедших и тепло дружеских чувств к здравствующим незыблемы.

В конце 50-х годов был привлечен Ю.Г.Оксманом и Б.П. Козьминым к комментированию статей А.И. Герцена в 30-томном собрании сочинений. Возник новый аспект научных интересов, который в конце концов завершился докторской диссертацией «А.И.Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX века», защищенной в 1977 году. В 1980 году стал профессором. В апреле 1998г. удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

За годы преподавательской деятельности читал лекции в университетах Элисты, Волгограда, Самары, Воронежа, Донецка. Многократно участвовал в различных союзных, республиканских и международных конференциях. Пять моих аспирантов успешно защитили диссертации. Двое моих бывших спецсеминаристов (А.А. Семашкин и В.Н. Рябов) ныне ректоры университетов в Самаре и Москве. Оппонировал на защитах докторских и кандидатских диссертаций в Москве, Ленинграде, Волгограде, Саратове. Редактировал специальные сборники по истории общественного движения, «Очерки истории Саратовского Поволжья». В данное время – редактор межвузовского «Историографического сборника».

В течение всей исследовательской и преподавательской деятельности мною опубликовано свыше 200 работ. Из них назову книги: «Герцен и Чернышевский» (Саратов, 1963), «И.И.Горбачевский. Записки. Письма» (Москва, 1963), в соавторстве с Б.Е.Сыроечковским и Л.А.Сокольским – «Дело Чернышевского» (Саратов, 1968), «История в человеке» (Саратов, 1971), «Н.В.Басаргин. Воспоминания, рассказы, статьи» (Иркутск, 1988), «И.Д.Якушкин. Мемуары. Статьи. Документы» (Иркутск, 1993) – в соавторстве с сыном Василием, трагически погибшем в автокатастрофе.

Важнейшими статьями считаю: «Восстание Черниговского полка» // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; «О так называемом «кризисе» Южного общества» // Ученые записки ХГУ. Харьков, 1956. Т.47; «Деятельность декабристов в Москве (1816-1825)» // Сб.: Декабристы в Москве. М., 1963; «Из истории борьбы царизма против Герцена (Попытка издания анти-

«Колокола» в 1857-1859 гг.) // Сб.: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964; «Герцен о революционных традициях декабристов» // Сб.: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1968; «А.И.Герцен – основоположник теории «русского социализма» // В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969; «Неосуществленный замысел издания «Русского слова» во Франции» // В кн.: Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981 – в соавторстве с Т.И.Порох (Граждановой), безвременно скончавшейся от тяжелой болезни; «Герцен о революции в России» // Ученые записки Тартуского университета. Вып.730. Тарту, 1986; «А.И.Герцен в письмах своих идейных противников» // Историографический сборник. Вып.16. Саратов, 1994; «А.И.Герцен и Александр II» // Дом Романовых в истории России. Спб., 1995; «Герцен о России» // Раздумья о России. М., 1996; М.И. Семевский в Москве (октябрь 1855 – июль 1856)» // XIX-XX вв. Спб., 1998 – в соавторстве с Вл.И.Порохом; «Это вечная Голгофа русского образованного человека» // Историографический сборник. Вып.17. Саратов, 1998 – в соавторстве с Вл.И.Порохом; «Александр II – Папе Пию IX» // Сб.: Освободительное движение в России. Вып.17. Саратов, 1999; «Нетленное прошедшее» // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947-1958. Саратов, 1999. Историографическая характеристика моих работ содержится в рецензиях и печатных откликах как в отечественной, так и зарубежной специальной литературе. К примеру, на книгу «Герцен и Чернышевский» напечатано семь рецензий, на книгу «Дело Чернышевского» – двенадцать. Интересно отрецензирована книга «История в человеке». Мое имя как исследователя упоминается в историографическом обзоре С.Б.Окуня «Движение декабристов в советской исторической литературе» и в историографическом обзоре Н.Г. Сладкевича «Освещение общественного движения в России в 40 – 60 гг. XIX в.». Оба обзора помещены в книге: «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России». (Л., 1967. Ч.1).

В научном межвузовском сборнике «Освободительное движение в России» (вып.9, Саратов, 1979) опубликована обстоятельная информация о защите мною докторской диссертации. Несколько страниц уделено мне в книге Л.А.Дербова «Историческая наука в Саратовском университете» (Саратов, 1983). И, конечно же, сле-

дует упомянуть статью Л.А.Дербова «Несколько слов о юбиляре». (Освободительное движение в России. Вып.15. Саратов, 1992) посвященную мне, и также статью А.В.Воронихина «Неординарный профессор» (Земское обозрение. Саратов, 1997. 25 апреля №16 (128)). Только недавно в великолепно изданной книге – «Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка (1944 – 1954)» (М., 1998), неоднократно маститые ученые обменивались суждениями о молодом Порохе. Мое имя упоминается и в книге «Кто есть кто» (М., 1998)».

Публикацией этого редкого документа завершается и мое эссе, посвященное памяти выдающегося российского историка, мудрого педагога-наставника и удивительной душевной щедрости человека – профессора Саратовского университета Игоря Васильевича Пороха.

А.А. ДЕМЧЕНКО

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО

Выступление Игоря Васильевича на одной из университетских научных конференций в шестидесятых годах и стало моим знакомством с ним как ученым. И, сколько потом ни приходилось слышать его выступающим, впечатление оставалось постоянным. Свободное владение материалом. Строгая логичность изложения. Убеденность в правоте своей. Увлеченность, часто переходящая в страстность. Особенно возбуждался он в моменты полемики. Это была его стихия. С горячностью обрушивал он на голову оппонента лавину фактов и доводов. В речь врвалась ирония и сарказм. Сомнения в справедливости его аргументов не оставалось никакого, хотя потом, по более спокойном размышлении, иные его заявления и обнаруживали спорность. В пылу полемических ударов он побуждал соучаствовать, доверять ему безгранично, самим натягивать тетиву для его разящих стрел. Гипнотическое обаяние его личности сказывалось и в других случаях, когда ему приходилось доказывать что-либо.

Врезались в память два его выступления.

Одно связано с обсуждением труда Р.А.Таубина на совместном научном заседании историков и литературоведов университета. Р.А.Таубин, пользовавшийся поддержкой всеильной в ту пору М.В.Нечкиной, академика и главы исторической науки в СССР, -

убежденный сторонник подвергавшейся в Саратове критике версии о революционной подпольной деятельности Н.Г.Чернышевского. Сколько помнится, Игорь Васильевич в принципе не отвергал участия Чернышевского в революционных акциях, но не всё в системе аргументации Р.А.Таубина его устраивало.

Запомнилось и заседание ученого совета Дома-музея Н.Г.Чернышевского, посвященное предстоящему изданию сборника «Дело Чернышевского». С пылкостью и даже резкостью Игорь Васильевич отстаивал идею издания и предложенную им структуру сборника, которая вызвала замечания профессора Е.И.Покусаева.

После выхода этого сборника из печати (Саратов, 1968) Е.И.Покусаев поручил мне написать рецензию для журнала «Русская литература». Книга уже получила в центральной и местной печати ряд положительных отзывов. Однако ближайшая проверка материалов сборника по первоисточникам обнаружила довольно существенные огрехи, и на них было обращено внимание в рецензии. Она появилась в журнале (1970, №1) и вызвала негативную реакцию у составителя. Наши отношения с Игорем Васильевичем на время прекратились, разумеется, по его инициативе. Но напряженность эта была им самим и снята. Сказалась широта его натуры, способность критически оценивать иные результаты своих научных работ. Мы часто встречались на разного рода заседаниях и совещаниях, совместно обсуждали программы научных конференций, посвященных Н.Г.Чернышевскому и его эпохе, согласно трудились в редколлегии сборника «Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», выпуски которого продолжались и после ухода из жизни его научного редактора Е.И.Покусаева (1977). Наши добрые отношения не прерывались, несмотря на некоторые полемические замечания, которые мне приходилось делать в некоторых статьях и в третьем томе научной биографии Н.Г.Чернышевского (Саратов, 1992). Касались они близкой Игорю Васильевичу темы «Н.Г.Чернышевский и А.И.Герцен». Споры порою принимали публичный характер на конференциях, но уже не отражались на личных отношениях. Я постоянно ощущал некую снисходительную внимательность маститого ученого к своему более молодому оппоненту.

Ранней осенью 1998 года мы оба оказались вовлечены в заботы, связанные с приездом в Саратов из Японии профессора Ёсио Имаи, занимавшегося Чернышевским. На память остались фотографии. А в начале июля следующего года Игоря Васильевича не стало.

И Л Ю С Т Р А Ц И И

Н.Г. Чернышевский.
Александровский завод.
1870 г.

О.С. Чернышевская.
Петербург.
1860-е гг.

Петербург 10 Июня 1847 года.

Уважаемый Г. С. Саблуков!

Получил Ваше письмо, и тогда же отправил
своими по книжному магазину, без
важно прилагая, но одождь на одного
руку. Вот письмо по поводу пока
обязательств. Я пишу об измерении
не только на одно измерение (Совая
Таблица). Изменяю для себя у
отра, который почти одождь на
подпись, и на то подвешивать, то
Совая Таблица у нас и
позволяет буква с. С. Саблуков и
Кривошапкин др. и др. отбивать
длина, но не отбивать длину
буки.

Но думаю, однако, и тогда же
надлежащим образом. Я пишу
Совая Таблица у нас и
длина, но не отбивать длину
буки.

А.Н. Пыпин.
Петербург.
1900-е гг.

А.Н. Чернышевский.
1890-е гг.

М.Н. Чернышевская и Ф.П. Головатый. 1946 г.

Письмо 1945 г.
Перушин

На первом этаже
пермского
Училища Мухоморова
и пермского университета
Чернышевский Михаил
Николаевич

В. Перушин
Ваше письмо

1. Мы посетили на берегу не вдали от города,
Тогда старая церковь с колокольней была и есть,
А затем иной материал и от нас, и от
Австралии и в Пермь, и в Пермь, и в Пермь.

Страница письма М.Н. Перушина. 1945 г.

Правнучки Н.Г. Чернышевского Валентина Сергеевна и Вера Самсоновна на усадьбе музея. 24 июля 1984 г.

В музыкальной гостиной музея. 1995 г.

Мемориальный дом семьи Чернышевских. Синяя гостиная. 2001 г.

Приемная Г.И. Чернышевского. 2001 г.

И.В. Порох открывает научные чтения, посвященные 100-летию памяти
Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1989 г.

Участники научных чтений и сотрудники музея. 1996 г.

Презентация книги «Мои заметки» А.Н. Пыпина. 22 октября 1997 г.

Ёсио Имаи на экспозиции «Отечества достойный сын». 1998 г.

Комната О.С. Чернышевской во флигеле. 1996 г.

Выставка «Женский вопрос в середине XIX в». 1997 г.

Содержание

	Стр
<i>От редактора</i>	3
К истории музея	
1 <i>С.В.Клименко.</i> О научной деятельности музея (Итоги и размышления в канун нового века).	4
2 <i>Л.Г.Устиченко.</i> Музейные выставки.	19
Из фондов и архива	
1 <i>И.В.Пузанкова.</i> Рукописное собрание Н.Г.Чернышевского.	23
2 <i>Е.Н.Манова.</i> Мечта и задача моей жизни – устроить музей памяти моего отца (Из дневниковых записей М.Н.Чернышевского 1917-1924 годов).	34
3 <i>Е.Н.Пакалина.</i> Материалы Великой Отечественной войны в фондах музея.	47
4 <i>А.С.Озерянский.</i> Некоторые подробности поездки О.С.Чернышевской в Сибирь.	57
5 <i>Г.А.Аветисян.</i> Александр Николаевич Чернышевский (По архивным материалам ГМУЧ).	63
Исследования и материалы	
1 <i>С.В.Беспалова.</i> Искусство и Женщина – «ступени к христианству» (о духовном возрождении общества в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя).	73
2 <i>Г.П.Муренина.</i> Рассадник просвещения.	84
3 <i>Е.В.Ратников.</i> Н.Г.Чернышевский о С.П.Шевыреве.	91
4 <i>Е.И.Щербакова.</i> О способах вмешательства в течение событий.	100
5 <i>В.И.Порох.</i> М.И.Семевский и Саратовский край.	106
6 <i>О.В.Лысикова.</i> С.А.Панчулидзе и его эссе об Александре I и декабристах.	113
Памяти И.В.Пороха	
1 <i>Е.Л.Рудницкая.</i> Об ушедшем друге.	122
2 <i>А.С.Озерянский.</i> Он оставил неизгладимый след в моей жизни.	125
3 <i>В.А.Соломонов.</i> Жизнь, достойная подражания.	130
4 <i>А.А.Демченко.</i> Личность ученого	139
Иллюстрации	141
Содержание	152

**Государственный музей-усадьба
Н.Г. Чернышевского**

приглашает посетить экспозиции:

***«Н.Г. Чернышевский в Саратове»
«Озарена тобою жизнь моя...»
«Отечества достойный сын»***

Наш адрес:

410002. г. Саратов, ул. Н.Г. Чернышевского, 142

Телефоны:

26-06-66, 26-13-07, 26-35-83

Научное издание

Пропагандист великого наследия

Коллектив авторов

Редактор: С.В. Беспалова

Оригинал-макет подготовлен Д.С. Измestьевым

Набрано в издательстве на компьютере.

Подписано в печать 12.04.02

Формат 60x84/16 Печать офсетная (распечатка с дискеты). Бумага офсетная №1.

Гарнитура Times New Roman Суг. Усл. печ. л. 9,6 Уч.-изд. л. 10,47

Тираж 500 экз. Заказ № 721

РПИ «Детская книга» г. Саратов, 410600, ул. Вольская, 63

Отпечатано в ГП «Типография №6»

г. Саратов, ул. Московская, 72, строение 5

На первой странице обложки: мемориальный дом семьи Чернышевских